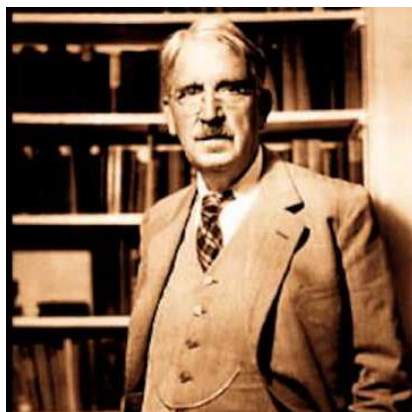

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

ЭТО ОБЛОЖКА
Е.Ю.РОГАЧЕВА

ДЖОН ДЬЮИ:
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ
В СЕМЬЕ И ШКОЛЕ

Монография

Владимир
2015

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Е.Ю.РОГАЧЕВА

**ДЖОН ДЬЮИ:
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ
В СЕМЬЕ И ШКОЛЕ**

Монография

Владимир
2015

УДК
ББК
???? П24

Ответственный редактор:

Рецензенты:

Джон Дьюи: педагогические эксперименты в семье и школе: монография / авт. Е.Ю.Рогачева; **отв.ред.**.....; Мин-во образования и науки Рос.Федерации, Федер. госуд. бюджетное образов. учр. высш. проф. образования «Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых». – Владимир: **ВИТ-принт**, 2015. – **180 с.**

ISBN

Монография посвящена выдающемуся американскому ученому, мыслителю XX века и реформатору школьного дела Джону Дьюи. В первой главе представлены материалы, касающиеся биографии Дьюи, повествующие о его годах учебы в школе и университете, а также воспитании его детей. Вторая глава касается философии образования Джона Дьюи, в ней анализируется его педагогический эксперимент в Лабораторной школе при Чикагском университете и реформа педагогического образования. Третья глава монографии отражает вклад Дьюи в развитие демократии, дает представление о его активной гражданской позиции и раскрывает масштаб его международного педагогического влияния в XX веке.

Содержание монографии может представлять интерес для исследователей многогранного наследия Джона Дьюи, студентов высшей школы гуманитарных специальностей, обучающихся на бакалавриате и в магистратуре, аспирантов и докторантов.

Аннотация на монографию

УДК
ББК

ISBN

© ФГБОУ ВПО «Владим. гос. ун-т им.
А.Г. и Н.Г. Столетовых», 2015

© ООО «ВИТ-принт». Оформление, 2015.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Глава 1. СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ ДЖОНА ДЬЮИ

- 1.1. Родители в жизни Джона Дьюи
- 1.2. Школы и университеты Джона Дьюи
- 1.3. Джон Дьюи и сыновья
- 1.4. Джон Дьюи – воспитатель дочерей

Глава 2. ДЖОН ДЬЮИ – РЕФОРМАТОР ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И «УЧИТЕЛЬ УЧИТЕЛЕЙ»

- 2.1. Европейское измерение философско-педагогических взглядов американского реформатора
- 2.2. Философия образования Джона Дьюи и её актуальность на современном этапе
- 2.3. «Лабораторная школа» при Чикагском университете – уникальный педагогический эксперимент Джона Дьюи
- 2.4. Концепция подготовки учителя Джона Дьюи и его роль в реформе педагогического образования в США

Глава 3. ДЖОН ДЬЮИ – ГРАЖДАНИН XX ВЕКА

- 3.1. Джон Дьюи – выдающийся мыслитель XX века, общественный деятель и борец за демократию
- 3.2. Международные образовательные миссии Джона Дьюи
- 3.3. Юбилеи Джона Дьюи

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРА

150

Введение

Предлагаемое читателям издание посвящено великому реформатору XX века в образовании, выдающемуся мыслителю и педагогу Джону Дьюи (1859–1952). В ходе работы над монографией нами были использованы архивные материалы библиотеки Регенштайна в Чикагском университете, а также Центра Исследований Джона Дьюи в Карбондейле (Южный Иллинойс). Благодаря биографическим материалам о Дьюи, составленным Робертом Б. Уэстбруком, Стивеном К.Рокфеллером, Аланом Райаном и Джеймем Мартином, к сожалению, непереведенным на русский язык, стало возможным значительно глубже понять Дьюи в контексте его бурной и наполненной яркими событиями жизни¹. Биография Дьюи предстала как «...призма, позволяющая лучше увидеть историю»², дала возможность обнаружить всеобщее в этом ушедшем «веке крайностей», а именно так назвал прошлый век историк Эрик Хобсбом в своей книге «Век крайностей. Этот короткий двадцатый век 1914-1991», увидевшей свет в 1994 году³. Первые три биографа Дьюи старались описать жизнь ученого, поместив его идеи и политические проекты в релевантный интеллектуальный и социальный контексты. Биография великого мыс-

¹ Robert B. Westbrook “John Dewey and American Democracy”(1991); Steven C. Rockefeller “John Dewey: Religious Faith and Democratic Humanism (1991); Alan Ryan “John Dewey and the High Tide of American Liberalism” (1995), Jay Martin “The Education of John Dewey” A Biography” (2002)

² Barbara Tuchman, “Biography as a Prism of History in Practicing History (New York: Alfred A. Knopf, 1981), pp.80-90.

³ Eric Hobsbawm Age of Extremes. The Short Twentieth Century 1914-1991. Printed in Great Britain, Abacus, 1995 (627 p.)

лителя, представленная Джейм Мартином, соединила в себе и аспекты многогранной жизни ученого во всех ее проявлениях и его плодотворную деятельность. В ней использованы многочисленные материалы переписки ученого (около двадцати тысяч писем Дьюи и тысячи других материалов переписки и рукописей).

Монография включает биографические сведения о Джоне Дьюи, выходит на анализ его философии образования, а также педагогического эксперимента при Чикагском университете – Лабораторной школе, ставшей «пионером» прогрессивного педагогического движения, а также давшей толчок развитию Лабораторных школ как в США, так и в других странах. Отдельного внимания удостоена роль Джона Дьюи в реформе педагогического образования. Первая глава монографии повествует о воспитании детей в семье Дьюи. Факты из его семейной жизни помогают увидеть приоритеты его домашней воспитательной практики. Джон Дьюи прожил долгую жизнь длиной почти в столетие. Фрагмент под названием «Юбилей Джона Дьюи», а также анализ его международных образовательных миссий дает представление о мировом признании Дьюи как выдающегося гражданина XX века.

Глава 1. Страницы биографии Джона Дьюи

1.1. Родители в жизни Джона Дьюи

Основным источником счастья, как признался сам Джон Дьюи, для учёного служили мыслительная работа (или «игра воображения») и его семья. Поэтому не случайно некоторые его биографы старались изобразить человеческий портрет великого мыслителя в контексте его семейной жизни. Ведь Дьюи не был «мыслящей машиной», он был мыслящим существом, личностью, индивидуальностью. Надо отметить, что Дьюи очень активно реагировал на характер и условия того времени, в рамках которого разворачивалась его долгая жизнь длиной почти в столетие.

Одним из самых значимых моментов в жизни Д. Дьюи была семья. Он очень трепетно относился к своей супруге Элис, которая подарила ему замечательных детей. Дьюи был не только преданным и заботливым мужем для своей жены Элис, но и ответственным отцом шестерых детей. У Д.Дьюи было трое сыновей – Фред, Моррис, Гордон и трое дочерей – Люси, Джейн и Эвелин. Супруги Дьюи поженились 28 июля 1886 года в Фентоне, штат Мичиган. В отличие от многих классиков педагогики, к примеру Ж.Ж. Руссо, который всех своих пятерых детей отдал в приют, Джон Дьюи уделял воспитанию своих детей огромное значение. Для супругов Дьюи образование детей было приоритетным моментом в семейных делах. Каждый ребёнок в какой-то степени служил источником образования Джона Дьюи, как педагога и как семьянина. Наблюдение за ростом малышей, их образованием стало огромным стимулом для написания учёным целого ряда статей педагогического характера. Так, например, работа Дьюи «Психология языка младенца» («The Psychology of the Infant Language») родилась как результат наблюдения за тем, как его первенец Фред и дочь Эвелин осваивали свой вокабуляр.

Джону Дьюи очень хотелось занять в жизни своих детей важное место, стать им близким человеком, компенсируя тем самым некоторый вакуум, который имел место в отношении Джона Дьюи со своим отцом. Тема отца Арчибальда Спрага Дьюи представляет особый интерес в биографии учёного. Случилось так, что Джон Дьюи появился на свет спустя сорок недель после гибели его маленького брата – Джона Арчибальда Дьюи, которому не было суждено дожить и до трех лет. Он случайно упал в котёл с раскалённой маслянистой жидкостью и позднее скончался в муках от тяжелейших ожогов на глазах своих родителей.

Мать Джона Дьюи – Люсина Артемисия Рич Дьюи (Lucina Artemisia Rich Dewey) и её супруг страшно переживали случившееся. Родившийся 20 октября 1859 года мальчик получил имя Джон в память об ушедшем брате. Безусловно, для родителей рождённый малыш был своего рода заменой потерянного сына, но Арчибальд не хотел второй раз давать своё имя второму сыну. Всю жизнь родители жили с ощущением, что их преследовала тень того другого погибшего ребенка.

Факт, что Джону пришлось стать заменой брату, явился причиной первого кризиса в его жизни. Ведь всегда очень трудно чувствовать себя заменой. Если тебе ещё и не повезёт в этой жизни, то ты всегда будешь ещё глубже чувствовать, что не смог оправдать ожиданий родителей. Но Джону Дьюи повезло. Он целиком возместил потерю и родителям, и себе самому. Он всегда чувствовал, что должен жить для других, развил в себе удивительный талант быть участливым и глубоко сочувствующим человеком. Его родители всегда обращались с ним так, как будто он был их первым ребенком, и во многих отношениях, он сумел впоследствии превзойти даже своего старшего брата Дэйвиса. Порой он даже давал советы Дэйвису, который тоже стал известным экономистом, правда, уже после того, как Джон Дьюи получил известность.

Надо признать, что мать Дьюи – Люсина, особо заботилась о здоровье Джона и была очень близка с ним. Она постоянно переписывалась с сыном, посылала ему толстые конверты с письмами, рассказывала обо всех новостях даже на полях. То, что перед смертью Арчибальда родители жили в доме Джона Дьюи, а не его братьев Дэйвиса или Чарльза Майнера, говорит о многом. Родители Джона Дьюи были намного ближе и к детям Джона, чем Дэйвиса.

Вторым кризисом в отношениях Дьюи со своим отцом Арчибальдом был неожиданный уход отца на Гражданскую войну. Хотя ему было уже за 50 лет, он неожиданно летом 1861 года продал свой бакалейный бизнес и отправился служить в Первый Вермонтский Кавалерийский полк. Он вступил в ряды Союзной Армии в Северной Верджинии, оставив на попечении беременной супруги двоих сыновей. Многие считали, что одной из причин такого поступка было и то, что Арчибальд всё время думал о том, переживёт ли его сын Джон тот роковой возраст, который унёс его первенца Джона. Он не хотел оставаться дома в ожидании этого момента. Люсине пришлось вскоре продать дом и поселиться у родственников, так как деньги, оставленные Арчибальдом, скоро закончились, и надо было как то выживать. Поскольку Арчибальд был на военной службе, мать стала очень близка своим сыновьям, особенно Джону. Понимая, как трудно маме, он проявлял большую заботу и о родившемся Чарльзе, хотя и не был старшим братом. Мать очень переживала за отца, писавшего ей с поля боя. К счастью, он не был даже ранен. Ро-

ждество 1864 года Люсина с тремя сыновьями встречала вместе со своим мужем. Этот день особенно запомнился Джону. Позднее он писал: «Я лучше всего, пожалуй, помню то Рождество, когда мне было 4 года; мой отец был на фронте, а мама взяла нас и отправилась в расположение его части, чтобы остаться там на зиму. Я очень хорошо помню, как проснувшись, я увидел в конце комнаты их кровать, она казалась так далеко от меня, в целой миле, а потом мне дали какие-то вещи; среди них была маленькая деревянная маслобойка. Позже моя мама рассказывала мне, но это было уже много лет спустя, что они думали, что я буду разочарован тем, что мне смогли дать в качестве рождественского подарка. Ведь тогда очень трудно было что-то достать. И всё же я вспоминаю, как рады мы были тем дарам»⁴.

Вскоре Люсина с сыновьями вернулась в Бёрлингтон, где она жила у своих родственников. В начале 1865 года закончилась война, а 14 апреля 1865 года было совершено покушение на президента Авраама Линкольна. Траурные дни надолго запомнились пятилетнему Джону, особенно очень вспоминалось огромное количество домов, задрапированных чёрным в знак скорби. Удивительно, но отец вернулся в семью лишь через два года после окончания войны. Он оставался на Юге, занимался каким-то бизнесом в Вирджинии и Южном Иллинойсе. Семья вернулась к нормальной жизни лишь в 1867 году. Дьюи вспоминал, что они сразу же переехала в свой собственный дом. Бакалейный бизнес снова начал процветать, хорошо шла и торговля сигарами.

Однако, в жизни Джона наступил третий кризис. Дело в том, что родители Джона были очень разные. Они очень отличались и по темпераменту и по отношению к детям, имели разные интересы и разные запросы. Надо признать, что при всем своём отличии каждый по-своему оказывал влияние на становление сына.

Мать Джона Дьюи родилась в 1830 году в Вермонте и выросла на очень богатой ферме, где многому научилась. В тот период в Америке умение вести фермерское дело было очень редким, так как население резко перемещалось в города, теряя эти навыки. Джон всегда идеализировал способности матери вести фермерское хозяйство. Он даже писал об этом в своей работе «Школа и общество» (1899): «...Дисциплина и формирование характера, связанные с процессом тренировки привычек к порядку и трудолюбию, и так называемая идея долга, стремление сделать что-либо, произвести что-то в этом мире культивировались фермерскими семьями в середине девятнадцатого века.» Он признавался Джозефу Ратнеру, что в своих работах по педагогической теории и

⁴ Jay Martin The Education of John Dewey/ A Biography, New York: Columbia University Press, 2002, p.13

практике он опирался на «Вермонтское окружение», особенно на дух бабушкиной фермы со стороны матери. Он сожалел, что дети 1920-х и 1930-х годов были лишены того, что он сам испытал. Дьюи вспоминал, что именно на ферме он мог видеть старинную лесопилку, свечи и мыло, сделанные в домашних условиях. Своим детям Дьюи часто рассказывал, как иногда появлялся на ферме на несколько дней сапожник, чтобы починить обувь всех желающих. Джону очень нравилось, что на ферме люди были очень близки к природе, познакомились с простейшими орудиями труда. Многие молодые люди могли уже в юности многому научиться, осваивали ремёсла. Джон Дьюи восхищался Томасом Джефферсоном и выделял его из многих американцев. Дьюи как и Джефферсон была присуща идеализация сельской жизни. Не случайно, позднее, в своей экспериментальной школе он знакомил детей с прядением, ткачеством, столярным делом. Организация Музея труда, активная поддержка этой идеи и в Халл-Хаусе Джейн Аддамс – всё это доказательство того, что Дьюи пытался ввести в содержание образования и практико-ориентированные предметы. В своих трудах он также старался передать детям, воспитывавшимся в городах, дух творческой, продуктивной и независимой жизни фермерской семьи наподобие той, что была у его матери.

Что касается деда Дьюи, отца Люсины, то он не ограничивался лишь фермерской жизнью. Дейвис Рич был членом Вермонтской Генеральной Ассамблеи в течение пяти лет. Дедушка Люсины, Чарльз Рич, служил в Конгрессе Вашингтона несколько периодов. Процветающая и общественно-ориентированная, тесно связанная с общинной службой и влиятельная в социальных кругах, семья Рич в трёх поколениях кровью и интересами была связана со многими известными гражданами Шохэма и Берлингтона. Кузен Люсины Мэтью Бакхэм был президентом Университета Вермонт, где учился Джон Дьюи. Люсина часто гостила вместе со своими сыновьями в семье Бакхэмов, жила там и во время и после Гражданской войны, а Джон и Дэйвис дружили с двумя сыновьями Бакхэмов. Мать Д. Дьюи Люсина была олицетворением старой Берлингтонской политической и университетской элиты. Она была очень требовательна к себе, отличалась реформистскими взглядами. Но её главным делом стала забота о душах своих близких. Джон признавался, что благодаря матери он воспитывался в истинно евангелистской манере. Он был серьёзным, застенчивым и интроспективным ребенком.

Отец Дьюи Арчибалд не очень-то пускался в духовные размышления. Он был целиком увлечён бизнесом и стремился выделиться, достичь успеха. Подобно тем американцам, портреты которых были блестяще описаны Генри Джеймсом, отец Дьюи не был особенно образован, не имел способности к размышлению, не обладал манерами, но был

уверен в себе и пытался тягаться силой там, где это было возможно. Общественный класс, базирующийся на университете Вермонт в Берлингтоне, отражал идеи старой демократии, основанной на просвещении народа. В противовес им новый класс бизнесменов отражал коммерческую демократию, лозунг которой был «купи у одного, а продай другому». Джону очень нравилось то, что отец отличался храбростью и отвагой. С ним считались, он всегда демонстрировал активную позицию, с ним всегда было интересно.

Арчибальд тоже родился на ферме в Фэафексе, штат Вермонт в 1811 году в семье из Новой Англии. Он был одиннадцатым и последним ребенком. Несколько поколений его предков также жили в Новой Англии и внесли свой достойный вклад в американскую жизнь. Его отец, Парсон Дьюи, сыграл определённую роль в Революционной войне и был похоронен в Беннингтоне. В то время как предки Люсины были англичане, у Арчибальда присутствовала голландская, а также шотландско-ирландская кровь. Его предками были ткачи, которые жили во Фландрии в 16 веке. Их звали «выходцами из лугов» («was de Wei» – «of the meadows»). Отсюда и фамилия Дьюи. Позднее Джон Дьюи ассоциировал Англию с чистым пуританизмом и предпочитал гордиться своими голландскими корнями. «Я должен признаться, что я, скорее, голландец, чем англичанин. ...В наших кругах есть два выражения – «трудолюбивый как Дьюи» и «никто не может напоить Дьюи». Джон всегда хотел походить на отца, который всегда отличался находчивостью и хорошим чувством юмора. Он женился на Люсине в возрасте 44 лет. Хотя он страдал заиканием, Джон всегда умел продемонстрировать своё чувство юмора, умело вступал в разговоры, блестяще рекламировал товары в своей бакалейной лавке. Вот некоторые из его рекламных объявлений, напечатанных в Берлингтонской газете «Дейли Фри Пресс»: «Тем, кто предпочитает темноту свету, не стоит покупать масло или спермацетовые свечи в магазине Дьюи», или «Мои сигары хорошее извинение за плохую привычку». Он даже уговорил своего друга – поэта Джона Сэкса, написать комическую пародию на лосося, который был в продаже в его магазине. Весёлый нрав отца очень нравился его сыновьям.

Его качества бизнесмена также удивляли окружающих. Он вскоре купил себе новый магазин, но, не имея привычки долго засиживаться на одном месте, вдруг продал свой бизнес и включился в борьбу против работорговли.

Контраст между родителями, правда, был типичен для американской жизни того периода, когда мама главным образом заботилась о детях, в то время как отец всё время находился в своей конторе или магазине. Однако образ Люсины нельзя было сравнить с женщинами, описанными Генри Джеймсом и Генри Адамсом, которые отправлялись в Европу в

поисках культуры, в то время как их мужа задерживались в промышленных центрах, налаживая бизнес контакты. Разница между Люсиной и Арчибалдом была иная. Люсина была верной сторонницей так называемых мужских добродетелей Пуританизма. Ей удалось привить своим сыновьям Джону и Дэйвису чувство морального долга и ответственности. У Арчибалда было очень мало времени на сыновей. С Джоном он был всегда очень осторожным. Они уважали друг друга, но особой близости Арчибалд не допускал. Позднее Джон Дьюи, заполняя бланк для включения его биографических материалов в Энциклопедию Национальной Биографии, писал, что его отец был известен своим «остроумием». Арчибалд часто чувствовал неловкость в общении с сыном и часто использовал остроумие, чтобы не допускать особой близости.

Любопытен текст письма, написанного Джону Арчибалдом 21 октября 1885 года, день спустя после его 26-летия. Арчибалд писал: «Я вовсе не забыл вчера о твоём воровском вторжении в наш семейный круг, но погода была так прекрасна, что мне не захотелось потянуться за ручкой и уйти в дом... Если материнская писанина не пропадёт на почте, то ты получишь небольшое напоминание о том, что мы оба думали о тебе в этот день»⁵. Какая метафора могла бы лучше передать смысл того, что Джон всегда оставался для отца сыном-заменой, и что он никогда бы не был Джоном, если бы его первый сын Джон Арчибалд Дьюи был жив. Можно интерпретировать это письмо по-разному, однако биографические сведения убеждают в том, что между отцом и сыном всегда была дистанция, всячески охраняемая Арчибалдом.

Мать Дьюи, Люсина, напротив, была всегда погружена в жизнь своего сына, возможно ещё и потому, что во время отсутствия отца она своей любовью и заботой пыталась компенсировать дефицит общения сыновей с Арчибалдом. Возможно, что особое внимание матери к Джону объяснялось и тем, что он рос довольно хрупким и болезненным мальчиком. Джон был очень похож на свою мать и внешне, в отличие от своих братьев. Её темные глаза были очень выразительны. Это передалось и Джону. Как и мама, он был удивительно усердным и мог часами трудиться. Он рано вставал, не позднее 7 утра. Однажды, проспав до восьми, он признался своим детям, что в тот день он побил свой рекорд позднего вставания с постели. И всё же возвращаясь к проблеме родительского влияния, надо сказать, что именно мать научила Дьюи думать, размышлять, а отец – передал ему умение действовать, как подобает настоящему мужчине – энергично и решительно. После смерти Джона Дьюи его вторая жена Роберта рассказала философу Джорджу Экстеллу,

⁵ Jay Martin The Education of John Dewey/ A Biography, New York :Columbia University Press, 2002, p.18

что Джон часто рассказывал ей о своих родителях и жизни в Вермонте и всё время настаивал на том, что большее влияние на него оказал отец. В действительности же, он маскировался, как считала Роберта, это всегда было его потаённым желанием. Влияние матери на него было слишком сильным, настолько сильным, что ему пришлось научиться противостоять ему. Ему очень хотелось, чтобы любовь отца хотя бы немного завоевала себе пространство, отвоевав его у матери. Желание отца влиять на сына было невелико, в отличие от желания матери. Однако стараясь походить на дистанцировавшегося от него отца, Джону удалось стать самим собой.

1.2. Школы и университеты Джона Дьюи

Для исследователей многогранного научного творчества Дьюи (1859–1952) большой интерес представляет аспект его собственного образования, а также формирование профессиональной карьеры выдающегося учёного XX века. Джон Дьюи родился в Берлингтоне, штате Вермонт. В этом очень живописном городке, расположенном на озере Чамплейн (Champlain), прошло его детство. Однако, в 60-е годы XIX века, когда настала пора для Джона Дьюи сесть за школьную парту, школы в этом городе были страшно переполнены и совершенно не соответствовали запросам горожан. Берлингтон в этот период очень быстро превращался из маленького городка в крупный город, а школы не отличались ни хорошей организацией, ни эффективной системой обучения. Университет в Вермонте, основанный в 1791 году, был пятым из старейших колледжей Новой Англии. Во времена юного Дьюи он считался выдающимся центром учения, особенно в области философии. По уровню содержания и преподавания философской дисциплины он мог соревноваться и даже опережать все четыре впереди обозначенных колледжа Новой Англии, предназначенных для обучения только представителей мужского пола: Гарвард, Йель, Браун и Дартмут.

Следует признать, что именно университет Вермонта обеспечил Берлингтону приток элиты: протестантского, конгрегационного, свободолюбившего, образованного класса, который поглотил наиболее образованных членов верхушки господствующего правящего бизнеса. Именно здесь обособились многие богатые люди, которые и составили костяк культурного общества, позволившего городу богатеть с точки зрения социальной привлекательности. Войти в такое общество помогали интеллект, добродетель и хорошие манеры вне зависимости от положения или рода занятий.

Изучение оригинальных работ американских авторов, в том числе и биографических материалов о Дьюи позволяет утверждать, что вхожде-

ние Джона Дьюи в университетское сообщество было уверенным и естественным. Некоторые родственники по материнской линии Джона занимали высокие школьные посты, его отец был хорошо знаком со многими администраторами. Для родителей Дьюи выбор школы для своих детей был достаточно важен. Однако, как позднее заявлял сам Дьюи, школы Берлингтона не могли обеспечить хорошую для колледжа подготовку. В сентябре 1897 года Дьюи поступил в Окружную (District) школу №3, которая находилась совсем недалеко от его дома. В тот период школа, да и сама территория, где жила семья Дьюи, считались, главным образом, франко-канадскими, поэтому далеко не все студенты говорили по-английски. В момент поступления Дьюи в эту школу, в ней ещё не было отдельных возрастных классов. В то время в Берлингтоне каждый местный район осуществлял контроль за своими школами, все классы были страшно переполнены. Класс, в который попал Джон, состоял из пятидесяти четырёх учащихся в возрасте от семи до девятнадцати лет. Уровень подготовки учителей также оставлял желать много лучшего, стандарты обучения были низкого уровня, а здания после стольких лет их эксплуатации и полного отсутствия ремонта просто рушились на глазах. Обучение состояло из «едва произносимых, а порой и неверно произносимых слов, безжизненного, монотонного проговаривания слогов, (скорее) чем разумного, оценочного, благоприятного опыта мышления»⁶.

К счастью, к 1868 году в школах произошла серьёзная реорганизация, классы разделили по возрастному признаку, преподавательский состав был существенно пополнен новыми кадрами. И хотя обучение всё же было очень слабым, по крайней мере, разделение на предметы учебного плана, такие как чтение, письмо, риторика, география, и спеллинг гарантировали Дьюи вхождение в так называемые основы. Очень рано он уже сумел заявить о своих способностях. Особенно хорошо ему удавалось чтение, однако заучивание наизусть он не любил, хотя в ту пору приходилось делать это довольно часто. Пять лет Джон провёл в стенах грамматической школы, переходя из класса в класс, пока не закончил её. Хотя хронологически всё шло по плану, тем не менее, вне семьи Джон сумел приобрести очень мало друзей. Все замечали, что в отличие от своих братьев Дэвиса и Чарльза, которые были очень дружелюбны и коммуникабельны, Джон отличался застенчивостью и вёл себя довольно отчуждённо. Видимо именно скромность и мешала Джону демонстрировать свои возможности в речитации.

⁶ Jay Martin The Education of John Dewey. A Biography. New York: Columbia University Press, 2002. – P.34

Осенью 1872 года Джон стал посещать старую среднюю школу на стыке улиц Колледжа и Уиллард – «плохая конструкция, которую в скорее признали непригодной и заменили новым зданием школы». Дьюи вспоминал об этой школе не столь часто, но ему совершенно не нравился жёсткий порядок, напоминающий ему и строгие установки его матери Люсины в домашнем окружении, от которого ему так хотелось сбежать. В школе ему не удалось найти свободы. И хотя новая школа была лучше старой, все же преподавание в ней, как он вспоминал, было очень жалким и отсталым. Учителя просто перешли в новое здание и продолжали заниматься тем, что на словах называли образованием, но на самом деле это не совсем соответствовало смыслу этого понятия. Дьюи вспоминал директоров старой школы – Мессерс (Messers), Батли (Bartley) и Холси (Halsey). Холси был специалистом по английской грамматике. Школьники часто ассоциировали его с фразой «А на этот счет имеется правило». Мистер Френч был автором арифметических учебников, полных задач на проценты, Иногда сами учителя не были уверены, какой ответ следует признать верным. По мнению Дьюи, средняя школа была рассчитана на продолжение основных предметов начальной школы – чтения, композиции и арифметики, хотя и на более сложном уровне, но в очень педантичном ключе. Дьюи всё это очень быстро наскучило, но желание узнавать что-то новое всегда было присуще будущему реформатору школьного дела. Поэтому он всячески расширял свои образовательные возможности. Дьюи был ненасытным читателем на протяжении всей жизни. К тому моменту, как он поступил в колледж, он уже достаточно развил своё умение писать сочинение, поэтому писал легко, грамотно и продуктивно, причем очень естественно и непринужденно. Он мыслил с математической точностью и, в конечном счёте, написал философскую работу по арифметике. Хотя он хорошо учился в школе, учеба ему не нравилась. Этот факт, видимо, очень повлиял на желание Дьюи впоследствии создать свою экспериментальную школу на принципиально иных началах. Вторая супруга Дьюи Роберта заметила, что интерес Дьюи к образованию можно объяснить прежде всего тем, что он имел печальный опыт как в стенах грамматической, так и средней школы. Дьюи рассказывал своему другу Перлу Веберу (Perl Weber) о том, что однажды в Вермонте он видел, как учитель измывался над одним учеником, причём настолько жестоко избил его, что тот уже не смог прийти в нормальное состояние. Вот что Дьюи поведал в письме: «Возможно, вам будет интересно с точки зрения педагогики знать, что мне удалось встретить учительницу, которая практически каждый день избивала ученика линейкой по руке и иногда сыромятной плетью по телу. Однажды она и несколько мальчиков по-

старше подловили прогульщика на улице, и она задала ему такую трёпку, что изуродовала его на всю оставшуюся жизнь»⁷.

Безусловно, Дьюи не мог пропадать целыми днями в школе. Он часто бродил по холмам и окрестностям Бёрлингтона. Он, Дэвис и двоюродные братья Бакхэмы забредали очень далеко, вплоть до француско-канадской территории, часто их заставляли враспloch ливни, и им приходилось проводить ночь в сарае. Однако экскурсии до горы Мэнсфильд и далее не смогли дать ему чётких жизненных ориентиров. Учась в школе, Дьюи не научился зарабатывать на жизнь. Он зарабатывал доллар в неделю, доставляя газеты, а в четырнадцать лет ему назначили зарплату в шесть долларов в неделю. Эти заработки тоже не смогли подсказать ему дальнейшего пути. Дьюи выбрал подготовительный учебный план средней школы, который включал четыре года Латыни, который Дьюи удалось осилить за три года, три года – греческого языка и два года французского, а также грамматики английского языка, английской литературы и арифметики. За десять лет до этого в 1859 году была опубликована книга Чарльза Дарвина «Происхождение видов», в этом же году увидела свет работа Карла Маркса «Критика политической экономии». Однако подготовка Дьюи в средней школы не включала в себя ни естественных наук, ни политической теории. Он просто пошел учиться в колледж, так как это было определено за него, и не более. Когда Джон закончил старшую ступень средней школы в 1875 году в возрасте 15 лет, он так ещё и не определился со своими основными делами юности. Дж. Дьюи ощущал на себе сильное влияние и давление матери, её ценностей и надежд относительно сына, в то время как отец дистанцировался от него. Влияние пастора Брастова, начиная с 1873 года, могло ему выработать рациональную версию христианства, свободную от пуританизма его матери Люсины. В то же время он унаследовал её преданность реформе и общественной службе, которое получило название «социальное евангелие» (social gospel). Позднее, отвечая на вопрос своего студента Джозефа Ратнера о приверженности к христианству, Дьюи заметил: «Невозможно сказать, а во что верует верующий христианин, да к чему конфессионально он привязан». Дьюи признавался, что «никогда не проявлял большого интереса к теологии»⁸. Надо признать, что Дьюи очень высоко ценил образование и сумел за свою жизнь стать высокообразованным человеком, хотя и был страшно разочарован тем педантичным и регламентированным образованием, которое он по-

⁷ RD >Pearl H.Weber,9/13/67,ICarbS (Southern Illinois University> Carbondale, Illinois., Special Collection, Morris library, John Dewey Papers)

⁸ Jay Martin The Education of John Dewey. A Biography. New York: Columbia University Press, 2002.- P. .37

лучил в школе. Он всячески сопротивлялся системе, что сказалось и на последствиях стресса от учёбы, выразившегося в его проблемах с респираторными заболеваниями, болях в теле и возможно даже в постоянном глазном напряжении. Четыре года колледжа, казалось бы, дали ему время задуматься о будущем, однако и там Дьюи ещё не определил дело своей жизни. Когда он поступил в университет Вермонта, менее чем сотня студентов были среди обучающихся, в том числе и его брат Дэвис. Восемь профессоров, преподававших классику, риторику, моральную философию, политическую экономику, естественные науки, математику, современные языки, вели студентов по ступенькам высшего образования. Только на старшем курсе Джон, наконец, сумел выбрать курс по выбору.

Большую часть своего обучения в университете Дьюи посвятил чтению ряда книг из шестнадцати тысяч имевшихся в университетской библиотеке. В те дни он был одним из рых читателей, о чем свидетельствовали библиотечные записи. Книгами заведовал Джон Элсворт Гудрич, который был не только библиотекарем, но и профессором риторики, литературы и классических языков. Библиотека была открыта только два раза в неделю и то только несколько часов. И Джон Дьюи, и его брат Дэвис проявляли огромный интерес к чтению и пытались брать книги по своему усмотрению как в университетской библиотеке, так и в домашней, а также у своих родственников, и из обновлённой к тому моменту городской библиотеки Берлингтона. Среди выбранных книг можно было увидеть и лёгкую литературу, и романы, и поэзию, однако перечень книг, прочитанных Джоном Дьюи в университетской библиотеке указывает на его серьёзные интересы. Как указывает его биограф Джей Мартин, в его выбранных книгах нет ни одной, указывающей на какой-либо преобладающий интерес, они разнообразны. На первом году учебы в университете Дьюи прочитал пятнадцать книг в библиотеке. Треть из них посвящена политике. Среди них – «История революции в Англии в 1688» Макинтоша, два тома Токвиля «Демократия в Америке» в переводе Генри Ривза. Однако, уже на первом курсе Джон взял первый том Журнала Спекулятивной Философии (1868), именно того издания, где появились позднее его первые сочинения.

Как показывает изучение прочитанных Дьюи книг, он был не склонен обращаться к антиквариату. Семь из пятнадцати наименований датируются после 1870 года. Его всегда тянуло к новому, современному и экспериментальному. Если посмотреть на выбор предметных областей, то нельзя назвать ни одной книги, которая соответствовала бы предметам средней школы. Он был в поисках нового знания. Годы, проведенные за изучением латыни, греческого и французского языков, тем не менее, не дали возможности прочесть Токвиля в оригинале. Только две

из книг были американских авторов. Хотя он и прочел книгу Экермана «Разговор с Гёте», большинство книг были британского происхождения или касались Англии. Подобному образцу Дьюи следовал и на втором курсе университета. Некоторое время он был увлечен Уильямом Теккереем, затем «Историей Самуэля Титмарша» («The History of Samuel Titmarsh»), «Книгой Снобов» («The Book of Snorbs»). Среди любимых авторов романов значился Джордж Эллиот. В студенческие годы Джон Дьюи читал очень много периодических журналов. Среди них Северо-Американское Ревью (North American Review), Эдинбургское Ревью (Edinburgh Review), Месячник Атлантик (Atlantic Monthly). В последующие годы в университете он читал Библиотеку Сакра (Bibliotheca Sacra), Вестминстерское Ревью (Westminster Review), Журнал Блэквуда (Blackwood's Magazine), «Девятнадцатый век», Принстонское Ревью (Princeton's Review) и др. Внимание Дьюи к журнальным статьям свидетельствует о том, что он всё время тянулся к новому, ведь именно в периодике можно найти последние новости на интеллектуальном поприще.

Любопытно, что хотя Дьюи и изучал классику, он всё же не проявлял особого интереса помимо уроков к изучению работ древних авторов. Даже в рамках курсов, которые он впоследствии вёл в университетах, он не слишком углублялся в классиков, правда, цитировал их там, где это было уместно.

В рамках университетского курса по Геродоту он набрал 69 баллов по рейтингу, взял из библиотеки переводы Иллиады и Одиссея Уильяма Каупера, не пытаясь читать их в оригинале. Больше время отводилось им на чтение материалов, связанных с современным ему знанием, а также противоречивостью времени, в которое он жил и творил. В «Биографии Джона Дьюи» дочь Дьюи Джейн отмечала, что указанные журналы «оставили большой след в его душе, чем университетские курсы по философии»⁹. Правда, однажды, когда Джозеф Ратнер поинтересовался у Дьюи насчет его осведомленности относительно теологических противоречий, обсуждаемых на страницах одного их журналов (Andover Review), то ученый не проявил ни малейшего интереса к материалам данной дискуссии, а перевёл внимание Ратнера на политические журналы. Этот факт ещё раз свидетельствует о том, что теологическая тематика оставалась на заднем плане интересов Дьюи, он отдавал предпочтение общественным проблемам и вопросам политического толка. Дьюи очень активно реагировал на характер и условия того времени, в рамках которого разворачивалась его долгая жизнь длиной почти в столетие.

⁹ Jane Dewey "Biography of John Dewey"/The Philosophy of John Dewey, ed. Paul Arthur Schilipp. Evanston, Illinois, 1939, p.11

Реформатор в педагогике, полемист и философ, видный политический деятель – это характеристики общественного образа Дьюи, черты которого закладывались ещё на студенческой скамье. Надо признать, что помимо вышеуказанной проблематики Дьюи интересовали книги тех авторов, которые находились под влиянием эволюционистской теории, например, Джон Фиске и его книга «Мифы и Создатели Мифов» (John Fiske's «Myth and Myth Makers», 1873), а также Ричард Прочрис «Иные, чем наши миры: многообразие изучения миров в свете последних научных исследований» (Richard Prochris's «Other Worlds Than Ours: The Plurality of Worlds Studies Under the Light of Recent Scientific Research», 1871). Дьюи было непросто соединить воедино классическое содержание университетского образования с политической, философской, научной мыслью того времени.

Следует признать, что на первых курсах в университете он читал больше книг. Его интересовал Мэтью Арнольд и исторические повествования. Позднее он даже напишет прекрасное эссе о Мэтью Арнольде, так как прочел многие его работы «Эссе» («Essays», 1873), «Литература и догма» («Literature and Dogma», 1873), «Бог и Библия» («God and the Bible», 1875), «Популярное образование Франции» («The Popular Education of France», 1861), наряду с историями Фрэнсиса Паркмана и описаниями, связанными с историей Рима, Греции, Германии и Англии. Именно в это время у Дьюи развивается интерес к истории. Этому во многом способствовал эволюционный дух, с которым Дьюи столкнулся, учась в университете. Особенно он увлёкся этим на старших курсах. Его привлекли работы соратника Дарвина в области философии и психологии Герберта Спенсера. Дьюи прочёл двухтомник Спенсера «Принципы Психологии», изданные в 1872 году, причём он дважды брал их в библиотеке, и, в конечном счете, продолжил изучать «Первые принципы» Спенсера («First Principles»), что составило первый том работы Спенсера «Система синтетической философии» («A System of Synthetic Philosophy»). В университетской библиотеке было не так много работ в области науки, но Дьюи пользовался тем, что было в наличии. На старших курсах он читал «Физиологию нервной системы» Остина Флинта (Austin Flint «Physiology of the Nervous System», 1873) и Джона Тинделя «Фрагменты науки для ненаучных людей» (John Tyndall «Fragments of Science for Unscientific People», 1871). Однако, Дьюи читал очень много статей в британских периодических журналах, где регулярно обсуждались новые научные теории и отражались результаты бурных научных дискуссий. Дьюи посещал курсы по естественным наукам и физике. На младших курсах университета Дьюи был зарегистрирован на курсе профессора Перкинса по физиологии, где не предусматривалось вообще лабораторных работ, а лишь изучался труд

Т. Хаксли «Элементы физиологии» (Т.Н. Huxley «Elements of Physiology»), основанный на принципах теории эволюции. Вот что вспоминал Дьюи: «Я думаю, что это было началом моего интереса к философии – органичный характер живых существ оставил глубокое впечатление»¹⁰.

Любопытно, что за курс по физиологии Дьюи заработал 92 балла, продемонстрировав довольно высокий уровень по тем временам, значительно выше, чем 69 баллов за курс по Геродоту. Именно чтение в области науки стимулировало его интерес к позитивным подходам к философии и общественному анализу. Он прочёл Огюста Конте еще на начальных курсах университета, что привело его к мысли о том, что наука – это организованный интеллект. Именно от Конте воспринял Дьюи необходимость активного использования интеллектуального потенциала в решении социальных проблем. Джон и его брат Дэвис интересовались позитивизмом и часто дискутировали, анализируя проблемы общества.

На старшем курсе университет предложил Дьюи курсы по политической экономии, международному закону, истории цивилизации, психологии, этике, философии религии, логике, что означало введение в мир идей, ведь студенты обсуждали серьезные очень значимые интеллектуальные темы. Надо признать, что Дьюи очень ждал курсов, составлявших основу выпускного года университетской программы. Именно на последнем курсе усилился интерес Джона Дьюи к философским проблемам. Он брал в библиотеке книги Ричарда Хукера (Richard Hooker), Джорджа Бекли (George Berkeley), Эдмунда Берка (Edmund Burke), труды Джона Милля об Уильяме Гамильтоне, Дэвиде Юме и Платоне (John Stuart Mill on William Hamilton, David Hume, Plato), а также учебник по Истории философии Швеглера (Schwegler's Handbook of the History of Philosophy) и дополнительные тома Журнала Спекулятивной Философии (Journal of Speculative Philosophy).

Поэтому совершенно не удивляет тот факт, что Джон Дьюи начал вскоре концентрировать свои интересы в области философского знания. Ведь начиная с 1826 года, когда Джеймс Марш стал пятым президентом университета Вермонт, это учебное заведение заняло одно из ведущих мест в рейтинге академических центров Америки по исследованиям в области философии. Именно Марш первым в США познакомил американских интеллектуалов с немецкой философской мыслью – Кантом, Шеллингом и Гердером. Его мостик к немецкому идеализму

¹⁰ JD>GD(John Dewey to George Dykhuizen, 10/15/49,UVt (University of Vermont Archives, Burlington, Vermont, Special collections, Bailey/Howe Library, John Dewey Papers, George Dykhuizen Papers

образовался благодаря Колериджу. Вот как сам Марш описывает этот факт в письме к Колериджу: «Хотя я и был частично знаком с трудами Канта, я во многом обязан именно вашим трудам за возможность понять, что же я вычитал из него»¹¹.

Именно Марш привнёс трансцендентализм в американское мышление, выступив редактором издания Колериджа «Поддержки рефлексии» (Coleridge «Aids to Reflection»). Он пошёл ещё дальше, взявшись за переводы трактата Гердера «Дух еврейской поэзии» (Herder «The Spirit of Hebrew Poetry»). Спустя десять лет после поступления в колледж университета Вермонт Дьюи вспоминал, что «слава университета Вермонта держалась на преподавании философии, в основном, основанной на Колеридже, но там никогда не преклоняли колени перед идолом Локком или шотландской школой»¹². Дьюи внимательно познакомился с эссе Марша, опубликованным в Северо-Американском Ревью в 1882 году. В это время Марш преподавал в известной в то время Семинарии Андовера. Именно там Марш сумел приобщиться к «романтической» философской школе в противовес классической. Именно это и позволило ему оказаться в ряду модернистов. Позднее Джон Дьюи не раз размышлял о роли Марша. Он считал, что Марш модифицировал Канта подобно тому, как физика Аристотеля и Ньютона пришла к выводу о том, что пространство и время не являются преимущественно, как отмечал Кант, ментальными формами, а «формами актуальных и внешних природных вещей». Как справедливо заметил Джей Мартин, «Марш разработал «рациональную психологию», которая пронизала философскую традицию университета Вермонта для того, чтобы Дьюи мог предпринять следующий шаг к натуралистической психологии»¹³.

Дьюи часто задавали вопрос: находился ли он под влиянием Эмерсона? На что ученый отвечал очень сдержанно. Хотя он и читал эссе Эмерсона в колледже, он незначительно повлиял на становление взглядов Дьюи по двум причинам. Первая коренилась в культуре. Эмерсон порвал с Конгрегационалистской церковью и в среде Дьюи не был в числе фаворитов. Но вторая причина намного важнее. По мнению Дьюи именно Марш, а не Эмерсон являлся ярким представителем трансцендентализма. Этот вывод был явно следствием субъективного восприятия Дьюи идей Марша. Как истинный представитель университета Вермонт

¹¹ James Marsh>Samuel Taylor Coleridge,3/23/18294quoted in Fred N.Scot The Castalion 6(1891),21

¹² JD>AC,12/31/1885 ICarbS (Southern Illinois University> Carbondale, Illinois., Special Collection,Morris library, John Dewey Papers)

¹³ Jay Martin The Education of John Dewey. A Biography. New York: Columbia University Press, 2002. – P.42

Дьюи возвеличил взгляды Марша над идеями Эмерсона. Не случайно, что когда его просили обозначить наиболее влиятельные работы Эмерсона, то он называл не те труды Эмерсона, которые, как правило, называли его современники, а последний психологический труд ученого «Естественная история интеллекта» («The Natural History of the Intellect»), в которой позиция Эмерсона сходится во многом со взглядами Марша, высказанными на десять лет ранее. Джон Дьюи сохранил труды Марша в своей памяти на многие годы. Один из студентов Дьюи, а затем и коллега по Колумбийскому университету Герберт Шнайдер вспоминал, что Дьюи «вручил ему томик Марша с комментариями: «Эта книга была для меня очень важной в ранние годы, но её и сегодня стоит прочесть»¹⁴.

Начав свою педагогическую деятельность преподавателем колледжа, Дьюи служил этой профессии всю жизнь, работая профессором Мичиганского университета, затем стал «звездой» крупнейшего в США «детца Джона Рокфеллера» – Чикагского университета (1894–1904), а потом провел двадцать шесть лет в стенах Педагогического колледжа Колумбийского университета (1904–1930) – центра мирового значения по подготовке учителей, за что и получил высокий титул – «учитель учителей».

Карьера Дьюи, как ученого, формировалась в стенах крупнейших университетов США. Рефлексивная культура Дьюи – философа, а также педагога формировалась в университете Джона Хопкинса, Чикагском университете, а также Колумбийском университете. Университет Хопкинса во многом опирался на немецкую образовательную традицию. Величайшие американские мыслители, такие как Стэнли Холл, Уильям Джеймс, Чарльз Сандерс Пирс и Джон Дьюи внесли существенный вклад в становление университета Джона Хопкинса. Они формировались как ученые во многом под влиянием европейской культуры. Как бы ни критиковали воззрения среди них учёных–прагматистов их многочисленные противники, тем не менее никто не сможет отрицать того факта, что эти выдающиеся и оригинальные личности, хотя и не всегда соглашавшиеся друг с другом, но часто пересекавшиеся на своём карьерном пути, оказались намного ответственнее, чем многие другие в стремлении направить американскую мысль в сторону модернизма. Они сумели оказать огромное влияние на поколения писателей и мыслителей, на американскую жизнь в целом. Именно их идеи изменили мышление американцев. До сих пор прагматизм оказывает существенное

¹⁴ Herbert Shneider “Reminiscences of John Dewey at Columbia, 1913–1950”, typescript, box 6, folder 66,3 ICarbS (Southern Illinois University) > Carbondale, Illinois., Special Collection, Morris library, John Dewey Papers)

вливание на осмысление американцами проблем образования, демократии, свободы, справедливости и толерантности. Совершенно справедливо утверждение о том, что «они изменили американский образ жизни – как учиться, как выражать свои мысли, как понимать себя и как обращаться с людьми, отличающимися от них. Мы всё ещё продолжаем жить в большей степени в стране, которую помогли создать эти мыслители»¹⁵.

Безусловно, все эти люди являются гордостью высшей школы США. Джон Дьюи сумел стать «звездой» Чикагского университета, а затем и Колумбийского университета Нью-Йорка – Образовательного центра мирового значения. Однако, нельзя не признать, что именно в университете Джона Хопкинса было положено начало формированию его исследовательской культуры, что позволило ему стать крупнейшим мыслителем XX века. Именно в стенах этого высшего учебного заведения создавалось сообщество исследователей, в рамках которого оформлялись философские, психологические и педагогические аспекты прагматизма.

Университет обеспечивал бакалаврские программы, но всё-таки, он считался центром продвинутого обучения, был пионером в этой области.

По рекомендации Уильяма Джеймса, профессора Гарвардского университета, которого ректор университета Хопкинса Джилмон пытался переманить в свой университет, были приглашены на работу Моррис, Холл и Пирс. Сам он по семейным обстоятельствам остался в Кеймбридже. В своём письме Джеймс следующим образом представил все три кандидатуры: «Если Вы хотите учёного-философа, который поведёт студентов к освоению истории предмета, то отличной кандидатурой будет Моррис. В психологическом плане достойными могли бы стать из тех, кого я знаю, Пирс и Холл. Прошлое Пирса вам известно. Холл, хотя довольно оригинальный и способный работник, несколько страдает из-за недостатка практических и организаторских умений, что так необходимо *сейчас профессорам университета Джона Хопкинса*»¹⁶.

Исторический подход Морриса, психологические эксперименты Холла и количественная логика Пирса представляли в рамках нового исследовательского университета как триада философских подходов. Но отделение так и не смогло интегрировать их усилий, так как Моррис, Холл и Пирс не были готовы к взаимодействию. Моррис и Холл конфликтовали и состязались за первенство. Поэтому студенты приходили

¹⁵ Louis Menand “The Metaphysical Club”, Farrar, Straus and Giroux, New York, 2001. - p. xi.

¹⁶ William James to Daniel Colt Gilman, January 18, 1879, The Correspondence of William James, Vol.5, 35-6.

к мнению, что надо выбирать кого-то одного из них. Думается, что создание осенью 1879 года Пирсом Метафизического Клуба было очень важно для интеграции усилий университетских кафедр и формирования диалогической культуры в университете. В деятельности Метафизического Клуба могли принимать участие работающие на факультете ассистенты и студенты выпускных курсов любых отделений. Раз в месяц состоялось заседание клуба, на котором обсуждали свои статьи члены клуба. Чарльз Пирс был первым его президентом, и хотя позднее после отставки Пирса из университета это кресло занимали Моррис и Холл, Пирс обычно приезжал специально в Балтимор на заседания своего детища. Так, к примеру, он выступал с комментариями на заседании Метафизического Клуба, посвящённом докладу Морриса в январе 1883 года о жизни и творчестве Генри Джеймса спустя месяц после его смерти. Будучи близким другом Генри старшего, Пирс разделял интересы Джеймса к Шведенборгу, был огромным поклонником произведения «Сущность и Тень» («Substance and Shadow»).

Джон Дьюи не сразу попал в университет Джона Хопкинса, его документы сначала не принимали, но он был настойчив и сумел получить место в этом одном из наиболее престижных университетов Америки того периода. Надо признать, что поначалу на становление его взглядов огромное влияние в университете Хопкинса оказали Моррис и Холл. Появившись в университете, Дьюи выбрал Морриса, хотя и следовал путём Холла, но почему-то отверг Пирса.

Чарльз Сандерс Пирс был третьим лектором по философии, когда Дьюи появился в стенах университета. Он специализировался на «философской логике». Дьюи очень интересовался логикой и намеревался её изучать, однако, как он считал, Пирс был слишком увлечён математической логикой и применением научной методологии к логическому анализу. Дьюи это не отнесил к логике. Позднее, правда, Дьюи признавал, что анализ Пирса «психологии великих людей» произвёл на него огромное впечатление. Он постоянно был в диалоге с математической логикой Пирса. Нельзя не признать, что поначалу Пирс даже казался Дьюи устаревшим мыслителем.

С самого начала своей карьеры в университете Джона Хопкинса Дьюи стал активным членом Метафизического Клуба. Он присутствовал на заседании, посвящённом сэру Генри Джеймсу, и выступил с докладом о Т.Х. Грине. На заседании клуба под председательством Морриса, Дьюи заслушал доклад Пирса на тему: «Дизайн и Шанс» («Design and Chance»), активно участвовал в дискуссии. Эта статья – жемчужина космологии Пирса, она была обобщением годового курса, который Дьюи, к сожалению, в тот момент, не выбрал для себя. Прошло тридцать лет, прежде чем Дьюи по-настоящему оценил Пирса и признал,

что он оказал на него сильное влияние. Как верно заметил биограф Дьюи Джей Мартин, «Дьюи выбрал Морриса, следовал за Холлом и проигнорировал Пирса. Сейчас было бы легко сказать, что ему следовало бы исключить Морриса, кивнуть в знак согласия Холлу и последовать за Пирсом, единственным оригинальным философом из всех троих. По правде говоря, в течение последующих тридцати лет Дьюи отвергал идеализм Морриса, продвинулся значительно дальше Холла, и, в конечном счёте, осознал важность Пирса. Что всегда было характерным для Дьюи, так это то, что он вбирал в себя много нового, медленно отсеивал услышанное, классифицировал свои идеи и, таким образом, тщательно приходил к пониманию себя»¹⁷.

Именно в ходе клубных дискуссий сформировалась у Дьюи мысль о том, что идеи создаются не индивидами, а группами индивидов, что они имеют социальный характер. Идеи не развиваются согласно их внутренней логике, а целиком зависят от окружения и от самих людей их распространяющих. А так как он полагал, что идеи являются соответствующими реакциями, ответами на определённые и невоспроизводимые обстоятельства, их степень выживаемости зависит от степени их адаптивности. Надо признать, что все представители прагматизма – и Пирс, и Джеймс, и Дьюи – были ярыми противниками того, чтобы идеи становились идеологиями, утверждающими статус кво, или же диктующими трансцендентальный императив для отказа от них. Это положение составляло квинтэссенцию их учения.

Безусловно, идеи Джеймса, Пирса и Дьюи позволили им занять нишу первых современных мыслителей в Соединённых Штатах Америки, которые помогли американцам лучше приспособиться к условиям современной жизни, однако не стоит считать, что их теории оправдывали эти условия. Нельзя утверждать также, что мышление выше названных учёных было направлено против этих условий. Однако всех их объединяла мысль о том, что идеи не находятся «извне» в ожидании открытия, они – инструменты, равно как вилки, ложки и микрочипы, которые люди используют для того, чтобы жить в том мире, где они себя и обнаруживают. Они призывали действовать, мыслить, исследовать окружающий изменяющийся мир и самого себя в этом мире. Безусловно, идея Дьюи о том, что школа любой ступени должна быть основана на идее общения была положена им в основу и в период его работы в Чикагском университете.

Дьюи был приглашён в Чикагский университет президентом Уильямом Рейни Харпером. В академическом университетском мире

¹⁷ Jay Martin *The Education of John Dewey A Biography*, Columbia University Press, New York, 2002. P.74

Уильям Рейни Харпер – первый президент только что основанного Джоном Д. Рокфеллером Чикагского университета, был очень яркой фигурой. Датой основания университета считается 1890 г. В результате совместных усилий и совпадения интересов умного и предприимчивого ученого У. Харпера и филантропа Джона Д. Рокфеллера, ставшего впоследствии самым богатым человеком мира, и вложившего в университетский проект 250 миллионов долларов, в США появился университет с мировым именем. Создание университета на базе старого учреждения – Баптистской теологической семинарии, оказавшейся в финансовом кризисе, – стало грандиозным событием. Он должен был выдержать соревнование с Йельским, Гарвардским и университетом Джона Хопкинса. Хотя Джон Рокфеллер и считал, что «существует лишь одно благо для человека, а именно то, что он делает для себя самого», он решил, что вложение денег в университетский проект не противоречило его убеждению расходовать деньги исключительно разумно. Поэтому он и пошел на этот благотворительный шаг, выполняя свой христианский долг¹⁸. Полагая, что и в накоплении денег и в их расходовании имеются моменты, которые можно охарактеризовать «скорее как боль, нежели удовольствие», филантроп все же позднее признался, что считал свое «детище» – Чикагский университет – «лучшим вложением своих капиталов»¹⁹.

Период, в который разворачивалась педагогическая деятельность Дьюи в Чикагском университете, отличался тем, что именно в конце XIX века впервые университеты состязались друг с другом в поиске талантливых профессоров. Как высшие учебные заведения, так и само общество, в целом, понимали, что информация и технические знания чрезвычайно важны для грядущего «американского века». Это было время, когда президенты университетов становились фигурами национального масштаба. Именно такой яркой фигурой в академическом университетском мире был в обозначенный период Уильям Рейни Харпер – первый президент Чикагского университета, только-что основанного Джоном Д. Рокфеллером.

Джон Дьюи стал в Чикагском университете той «звездой», которая по замыслу тогдашнего президента этого заведения Харпера, должна

¹⁸ Richardson, Theresa. *New Perspectives on the History of Education as a Social Science: Philanthropy and The Science of Pedagogy At The University Of Chicago, 1889-1939* // *Educational Reform in National and International Perspectives: Past, Present And Future*. Ed. By Czeslaw Majorek, Erwin V. Johanningmeier, Polish Academy of Sciences Publishing House in Cracow. Cracow 2000, P. 32-33 (paper 25-53) – book 312.

¹⁹ RF History Source Material, Vol.1, p. 7, Rockefeller Archive Center Document.

была обозначить Чикаго на «академической карте мира». Президент Харпер был очень инициативный и активный человек. Надо признать, что со дня основания университета и вплоть до своей безвременной кончины в 1906 году он являлся главной фигурой университетской реформы²⁰.

Предложение Чарльза Стронга, высказанное профессору кафедры философии Тафту представить кандидатуру Джона Дьюи президенту Харперу, оказалось своевременным. Для Харпера Дьюи оказался самой подходящей фигурой в его грандиозных планах, так как университету нужна была сильная кафедра философии, а Дьюи был полон энергии, и, прежде всего ученым, удивительно преданным науке и научным исследованиям. Вот как писали об «идеале Харпера», Джоне Дьюи, в Чикагском еженедельнике: «Назначение профессора Джона Дьюи на должность заведующего кафедрой философии и ведущего профессора кафедры – еще один из блестящих ходов, сделанных в университете. Он один из выдающихся мыслителей в области этики и метафизики. Он блестящий писатель, его работы по психологии всем известны. К тому же, он молодой человек, а философ мудреет с годами. Поэтому время для его лучшего произведения еще не настало, а мир уже знает его имя, и, если мы и гордимся репутацией нашего факультета, то благодаря этому ученому, освещающему и в огромной степени укрепляющему эту репутацию»²¹.

Сегодня Чикагский университет представляет собой огромный комплекс, состоящий из множества колледжей и факультетов, профессиональных школ в области медицины, теологии, юриспруденции, общественно-политических наук, бизнеса, социального администрирования, сети лабораторных школ, исследовательских лабораторий, библиотек, оборудованных по последнему слову техники. Здесь есть институт Фрэнки – междисциплинарная структура гуманитарного блока, Институт Востоковедения, Ботанический Сад, множество концертных залов, свой театр. Не случайно, нынешний президент университета Дон Майкл Рэндел гордится добрыми традициями своего учебного заведения и справедливо замечает, что «самое огромное достояние университета – это его люди», ведь 74 лауреата Нобелевской премии – выходцы этого учебного

²⁰ F.T. Gates to W.R.Harper, September 26,1888, Rockefeller Family Archives, RG 2, OMR, Educational Interests, University of Chicago, Box 102, Folder 1886-11891; Richards J.Storr, Harper's University: The Beginnings (Chicago:University of Chicago Press,1966), p.96.

²¹ Jay Martin The Education of John Dewey/ A Biography, Columbia University Press, New York, 2002, p.141 – перевод с англ. здесь и далее во всех оригинальных источниках Е.Ю. Рогачевой.

заведения. В этом, безусловно, огромная заслуга многих людей, конечно же, и Джона Дьюи, который сумел претворить в жизнь идею, столь прекрасно высказанную известным русским педагогом и общественным деятелем С.И. Гессеном: «Университет – есть преподавание, через производимое на глазах учащихся исследование...»²². Даже сегодня, когда лишь только 25% американских профессоров, как отмечает представитель Гарвардского университета Г. Росовский, высказывают стремление заниматься научными исследованиями, Чикагский университет имеет ярко выраженную исследовательскую компоненту²³.

Десятилетний Чикагский период Джона Дьюи (1894–1904), представленный в специальной коллекции архива Чикагского университета в письмах (всего 143 наименования), представляет собой огромный интерес для исследователей творчества американского реформатора. Сохранились письма, начиная с датируемого 15 февраля 1894 г., где Дьюи оптимистично заявляет о своих планах на будущее в Чикагском университете, и, кончая его последним письмом, от 16 июня 1904 г., после того, как он гневно подал в отставку со всех занимаемых в университете постов и намеревался отправиться в Колумбийский университет Нью-Йорка²⁴. Переписка Дьюи в этот период дает возможность не только проанализировать эволюцию педагогических взглядов «пророка и старейшины прогрессивизма», его философии, становление рефлексивной культуры учёного, но и обнаружить много ценных инновационных ходов в области реформирования университета в целом, и его педагогического блока, в частности.

Эта декада сыграла огромную роль в становлении Дьюи, как ученого–исследователя. В философии он сумел завершить свой поворот от абсолютизма к релятивизму, от идеализма к материализму, от гегельянства к экспериментализму, от формальной логики к инструментальной, от аналитической психологии к функциональной психологии. Ему удалось объединить вокруг себя талантливых философов и педагогов, таких как Джордж Г. Мид, Френсис Паркер и др., создать уникальную Чикагскую школу философии, провести педагогический эксперимент, основав Лабораторную школу, получившую всемирную известность. Безусловно, Джон Дьюи вложил очень много усилий в развитие кафедры философии, психологии и педагогики, которой он успешно руководил в Чикагском университете, реализовав множество проектов мирового значения, создав настоящее

²² Цит. по «Высшее образование в России» 2000, №6, стр.13.

²³ Rosovsky H. The University: An Owner's Manual, N.Y. No.1, 1990, p.192.

²⁴ Special Collection of Regenstein Library, University of Chicago, President's Papers, Box 30; Laboratory School Records, Archives work reports 1898-1933.

сообщество исследователей. В этих своих начинаниях он опирался на опыт, приобретённый в университете Джона Хопкинса, и сумел заявить о себе как крупном реформаторе традиционной школы. Ярый противник догматизма, Джон Дьюи рассматривал реформирование по отношению к существующей образовательной практике как функциональное и прагматическое – действующее, по своей цели. Ученый писал: «Радикально изменились условия жизни, и им должна соответствовать столь же радикальная перемена в постановке образования»²⁵.

Дьюи верил, что отдельные интеллектуальные вариации людей в их наблюдениях и принятых решениях служат источниками социального прогресса, так как ученый рассматривал историю общества с точки зрения психической деятельности людей, видел в изменении сознания отдельных индивидов главное условие развития общества.

Именно в Чикагском университете (1894–1904) сложились основные идеи инструментализма Дьюи. Здесь он не только преподавал, но и возглавлял факультет философии, педагогики и психологии. Когда в 1903 году появилась работа Дьюи «Исследования в логической теории», Уильям Джеймс назвал это событие началом чикагской школы философии, или чикагской традиции прагматизма. Однако ученый сумел направить свою философскую мысль на педагогические проблемы, так как для ученого всегда остро стоял вопрос о целях философии и образования. Педагогическая деятельность стала для него полем мысли, спора и анализа. Именно здесь рождалась его модель экспериментальной школы, которую ученый сумел воплотить в жизнь. Именно здесь формировалась и проверялась его собственная философия образования.

В Колумбийский период Дьюи, который начался в 1905 году Дьюи не только проявил себя как блестящий лектор – философ и педагог, организатор «летних курсов» для учителей, но и как поэт. Нельзя не отметить эту творческую грань личности Дьюи. Ученый обладал поэтическим даром. В коллекции Колумбианы свыше 98 напечатанных на машинке, а также написанных о руки стихотворений американского ученого, найденные в столе, а иногда и подобранные в корзине для мусора Мильтоном Томасом, раскрывают нам романтическую грань его природы и отражают биографию великого реформатора. Любовь и смерть; надежды и конфликты; депрессия и усталость; жажда покоя и мира – центральные темы его творчества. Безграничная любовь к детям, к женщине, к природе, к друзьям, к интеллекту, к знаниям, к истине – вот темы 45 лирических стихов поэта-философа. Они отражают

²⁵ Jackson P.W. John Dewey and the Philosopher's Task. – Chicago: University of Chicago Pree, 2002, 117 p.

«эмоции его сердца», движения души, личные переживания. И хотя многие из стихов Дьюи несут отпечаток незавершенности, они вносят в образ великого мыслителя 20 века живые человеческие мерки.

Почти все стихи (17-о природе; 28- философской тематики; 5 – стихи, посвященные детям) написаны Дьюи в течение десяти лет (в период с 1910 по 1920 годы- самый плодотворный в творческом плане), когда Дьюи было 50 с лишним лет. По мнению составительницы сборника, редактора Эн Бойстон, Дьюи работает со строфами скорее как с единицами мысли, как с поэтическими параграфами, нежели с жестко формальными или музыкальными единицами, они рисуют портрет любящего, игривого, чувствительного, впечатлительного, подчас раздираемого эмоциями, а порой и усталого, сомневающегося, чуть подавленного человека, что добавляет новые штрихи к уже имеющимся – «всегда задумчивый», «полный достоинства», «несколько холодный»²⁶. Тяга к литературе и искусству всегда была характерна для Дьюи. В 1920е-1930е годы сотрудничество с Альбертом Барнсом – известным бизнесменом и коллекционером в сфере искусства, оказалось особенно плодотворным для Дьюи в расширении границ его художественного образования и познаний в области изобразительных искусств. А всё началось следующим образом. Дело в том, что Альберт Барнс затеял эксперимент со служащими своей компании. Он следовал сложившейся в 19 веке традиции, согласно которой женщины, работающие на мельницах в Лоуэлле, штат Массачусетс, в перерывах продолжали свою учёбу. Барнс решил во время перерыва с 12.30 до 2.30 каждый день дать возможность своим рабочим и служащим продолжить образование, организовав для них семинары и дискуссии в рамках текстов, которые он предлагал. И начал он свой эксперимент с работы Дьюи «Демократия и образование».

Как впоследствии признавался с присущим ему чувством юмора знаменитый фабрикант и ценитель искусства, если бы не столкновения с Дьюи и его философией, то он, вероятно, включился бы в «более интеллигентную жизнь, связанную с банкетным пьянством, яхтами, рыбалкой и увлечением ещё одним из самых любимых видов спорта за закрытыми дверями»²⁷. Вместо этого он начал с того, что заставил рабочих читать «Принципы

²⁶ The Poems of John Dewey, ed/by Ann Boyston, Southern Illinois University Press, Carbondale &Edwardsville, cited from Lives in Education, 1984.

²⁷ Howard Greenfield “The Devil and Dr.Barnes”, New York, 1987, p.65

психологии» (*The Principles of Psychology*”), «Прагматизм» (*“Pragmatism”*) и Разнообразные виды религиозного опыта» (*“The Varieties of Religious Experience”*) Уильяма Джеймса. Затем внимание рабочих сосредоточилось на работе Джона Дьюи «Как мы думаем» (*“How We Think”*), которая известна российскому читателю под названием «Педагогика и психология мышления», а это побудило их прочесть ещё и тексты Бертрانا Рассела. Поскольку Барнс был известным коллекционером в области живописи, в список обязательной литературы попали труды Сантаяны «Чувство красоты» (*“The Sense of Beauty”*) и «Разум в искусстве» (*“Reason in Art*), а также критические работы по искусству Роджера Фрая.

Вместе с Дьюи Барнс и его рабочие обсуждали важнейшие полотна импрессионистов, которыми были украшены стены его фабрики, так как он считал, что художественное окружение также является частью образовательной схемы. Барнс пытался учить искусству всех, с кем бы он ни встречался., Дьюи не стал исключением. Тем более, что на момент начала данного проекта Барнс почти уже собрал уникальнейшую для Соединённых Штатов Америки частную коллекцию импрессионистов. Дьюи знал в ту пору совсем немного о живописи. В Бёрлингтоне, где он родился, и в Энн Арборе у Джона Дьюи было мало возможностей видеть произведения искусства, цветные репродукции ещё не были столь развиты, чтобы дать возможность познакомиться с шедеврами мировой живописи в альбомах по искусству. Имевшиеся на тот момент популярные печатные открытки - что-то вроде хромолитографий, которые Марк Твейн высмеивал в «Приключениях Хеккельберри Финна» (*“Adventures of Huckleberry Finn”*), были лучшим, что можно было найти. Даже музейные коллекции в крупных американских городах только начинали появляться в пору юности Дьюи. Позднее, когда учёный уже жил в Чикаго и Нью-Йорке, он получил доступ к великолепным экспозициям в области живописи. Правда в период между 1894 и 1925 годами учёный слишком активно занимался философскими и педагогическими работами, социальными проблемами, публичными выступлениями, чтобы часто прогуливаться по художественным галереям.

Хотя нельзя не признать, что с самого раннего возраста, Джон интересовался эстетикой и пытался познакомиться с живописью. Ещё в Вермонте, где прошли его детство и юность, он изучал «Теорию художественного искусства» (*A Theory of Fine Art*, 1874) Джозефа Торрея и часто пользовался его аргументом, что «

целью всех воображаемых искусств является выражение правдивости вещей в чувственных формах»²⁸

В Мичигане Дьюи разработал курс «Философия красоты». Его сфера исследования включала три направления : 1) условия природы и общества, из которых исходит эстетическое удовлетворение; 2) природа эстетической способности, включая психологию эстетического опыта; и 3) объективные результаты эстетической активности индивидуального характера, в обществе, в природе и в искусстве. Безусловно, здесь ощущается влияние Канта, наследие которого отразилось на процессе становления философских взглядов Дьюи (Kant's "Critique of Aesthetic Judgment").

Конечно, философские интересы Дьюи в области эстетики не требовали того, чтобы он был знаком со всеми областями искусства. Учёный прекрасно знал, к примеру, литературу. В Америке того периода, как и в большинстве развивающихся стран, литературное искусство, которое основывалось на языке, набирало силу быстрее, чем живопись или музыкальное творчество. Именно поэтому как все другие американцы, родившиеся в середине 19 века, Дьюи идентифицировал «искусство» с «литературой». Он был прекрасным читателем и хорошо знал британскую литературу, особенно романтиков и романистов Викторианской эпохи, ну и , конечно, поэтов. Уже в 1891 году он обратился к Философскому обществу в Мичигане с лекцией «Интерпретация литературы». Он часто в молодости признавался, что его любимым британским поэтом был Вуртсворт (Wordsworth), а в среднем возрасте - Браунинг (Browning). Лионел Триллинг часто хвалил Дьюи за его эссе о Мэтью Арнольде, а ученик Дьюи Джон Герман Рэндэлл вспоминал, что Дьюи «часто цитировал поэтов на занятиях. Он прекрасно знал английскую поэзию, и ...греческую. Поэзия, которую Дьюи читал, поэзия, которая выходила из под его собственного пера, как правила была традиционной и светской. А вот в области художественной литературы он был просто знатоком. Он читал романы Толстого, Золя, Достоевского и проявлял интерес к современной литературе и экспериментальным писателям.»²⁹

²⁸ Joseph Torrey, A Theory of Fine Art, New York, 1874, p.43

²⁹ См. Michigan University Record 1, no.4(1891):58-59; Michigan University Record, September-November 1891; архивы: Lionel Trilling >JD,1/11/39; ICarbS Southern Illinois University, Carbondale, Illinois, Special Collections, John Dewey Papers; John Herman Randall Jr/>George Eastman, 7/10/64, stored in Morris Library, Southern Illinois University, Carbondale, Special Collections. ,

К концу почти вековой жизни библиотека Дьюи содержала пьесы Софокла, Эсхилла, Чехова, Юрипидиса, Ибсена, Метерлинка, Мольера, Аугуста Стринберга и Шоу. Среди авторов романов на полке были лишь некоторые тома, внимательно прочтённые учёным, а именно Оноре де Бальзак, Беллами, Вилла Гатнер, Конан Дойл, Джордж Элиот, Гёте, Максим Горький, Генри Джеймс, Роберт Льюис Стивенсон, Марк Твейн, Тургенев, Пруст. На книжных полках библиотеки Дьюи можно было найти томики поэтов, включая все стихи Браунинга, Чосера, Данте, Мильтона, Шелли, Теннисона, Уитмана, Георга Герберта «Храм» (“The Temple”) и издание 1879 года Вурдворта. Среди поэтов XX века у него были книги Конрада Эйкена (Conrad Aiken), Линдсея (Vachel Lindsay), Эдгара Ли Мастерса, Эдны Сэйт Винсент Миллэй, Марианны Мор, Теодора Рётке и Гертруды Штайн, которые Дьюи читал с большим интересом.

1.3. Джон Дьюи и сыновья

Джон Дьюи был замечательным отцом для своих сыновей. Его первенец Фредерик Арчибалд Дьюи, к которому обычно отец Джон Дьюи обращался не иначе как «дорогой мальчик Фредди», родился 19 июля 1887 года в Фентоне, штате Мичиган, в доме Фреда и Эвелин Риггс, где выросла жена Дьюи Элис. Фредериком звали дедушку Элис, а Арчибалдом – отца Дьюи. Затем в 1889 году родилась дочь Эвелин Риггс, унаследовавшая имя бабушки Элис. В 1892 году на свет появился Морис, названный в честь любимого учителя Дьюи Джорджа Сильвестра Мориса. Дьюи очень любил Мориса, внимательно наблюдал за его ростом. Имеется немало легенд о любопытном поведении Дьюи – отца, о том, например, как он забывал в задумчивости коляску со спящими детьми у скамейки в парке и вспоминал об этом, лишь придя домой. Однажды Дьюи пришлось остаться с Морисом наедине во время поездки Элис в Европу с другими детьми. Он всегда с удовольствием соглашался следить за детьми, хотя у него было столько дел на работе и общественных поручений. В тот момент Дьюи должен был закончить семестр в университете. Во всех своих письмах жене он описывал успехи своего сынишки, называл его очень чувствительным мальчиком, подвижным, искренним и способным. Однажды, когда Дьюи заснул в своём кресле, то, проснувшись, он застал малыша вылезшим из своей кровати и уже намеревавшимся мыть окна. Дьюи тут же отвлек малыша интересной картинкой в книге, но ужасно испугался от мысли, что могло бы произойти с сынишкой, если бы отец продолжал спать.

По окончании семестра Дьюи и Морис должны были отправиться на пароходе в Европу, чтобы присоединиться к Элис и старшим детям во Франции. Некоторое время семья провела в Париже, где Дьюи сумел посетить лекции по философии в Сорбонском университете. Затем семья отправилась в Италию. Но поездка оказалась очень печальной. По дороге, проезжая Швейцарию и Фраубург, Морис подхватил дифтерию и уже в Милане Элис, Морис и его сестра Эвелин оказались в больнице. Вскоре Элис и Эвелин выздоровели, а маленький Морис умер 12 марта 1894 года в возрасте двух с половиной лет. Он был кремирован и похоронен в Милане. От этого удара так и не удалось окончательно оправиться ни Элис, ни самому Дьюи, привязавшемуся к своему малышу за время отсутствия жены. Джону как и его отцу пришлось пережить потерю сына. Но его судьба была ещё более жестокой. После смерти Мориса Элис родила ещё троих детей. Гордон Чипман, названный так в честь отца Элис, родился летом 1896 года. Казалось, его появление должно было смягчить горе семьи после потери маленького Мориса. Он стал любимчиком всех и поражал родителей своими ранними успехами, был очень сдержанным и удивительно разумным ребёнком. В декабре 1897 года у него появилась сестричка Люси Элис, которая всегда очаровывала всех своей ангельской улыбкой и желанием танцевать. В июле в семье Дьюи родилась ещё одна дочь – Джейн Мэри. Но вскоре супругам пришлось пережить потерю и второго сына Гордона в 1904 году. Это случилось в очередной поездке в Европу, куда Джон и Элис отправились с пятью детьми. В Кембридже Джона Дьюи очень ждали на конференции Научной Ассоциации его коллеги-философы. Элис планировала изучить образование женщин в Европе. Она даже планировала представить по возвращению Уильяму Харрису отчёт по этой проблеме, а также написать книгу и напечатать её под редакцией психолога Джеймса Марка Болдвина. Родители были уверены, что поездка принесёт много положительного как для старших детей – Эвелин и Фреда, – так и для младших. Гордон, развитый не по годам, тоже ждал от поездки сюрпризов и ярких впечатлений. Все считали его очень открытым и восприимчивым ребёнком. Но ещё в дороге, корабельный врач диагностировал у Гордона пищевое отравление. По прибытии в Ливерпуль мальчика срочно госпитализировали. Джон Дьюи оставался с сыном, в то время как Элис повезла детей в Честер, чтобы изолировать их от больного Гордона. Друзья Дьюи встретили её и забрали младших детей в Ирландию, так как Элис вернулась в Ливерпуль. Состояние Гордона ухудшалось с каждым днём. У Гордона диагностировали лихорадку. В какой-то момент врач уверил, что ему скоро станет легче, что он преодолел кризис, хотя мальчик сильно терял вес. Отец купил ему книгу «Путешествие Гулливера» и всё время читал сыну страницу за страницей. Роди-

тели даже начали вместе с сыном сочинять книгу с картинками «Поездка Гордона в Ирландию». Из Ирландии пришло радостное известие, что у других детей не обнаружено симптомов болезни. Через три недели Гордона выписали из госпиталя. Все трое отправились в Ирландию. Мальчик писал своему брату Фреду, что он очень хочет поправиться и надеется поехать с ним в Дублин, а потом отправиться в Италию и поймать большую ящерицу, а также ловить апельсины, когда они будут падать с деревьев. Но вскоре Гордону стало значительно хуже и через два дня его не стало. Для Элис и Джона этот удар судьбы был слишком сильным. Свет в глазах Элис потух навсегда. Чикагские друзья, узнав о смерти Гордона, были потрясены. Джейн Аддамс устроила поминальную службу в Халл-Хаусе. Более семидесяти коллег и друзей пришли, чтобы разделить горе семьи и послать Джону Дьюи свои соболезнования. В ответ Джон Дьюи написал в письме Уильяму Джеймсу: «Гордон, которого мы потеряли, был единственным человеком, я не говорю ребёнком, который одновременно мог быть и серьёзным и игривым в восприятии жизни. Я никогда не смогу понять, почему его забрали из этого мира»³⁰.

Джон Дьюи вернулся с разбитым сердцем в Нью-Йорк, так как начинался новый семестр в Колумбийском университете, а Элис осталась с детьми в Европе, чтобы дать им возможность продолжить изучение языков. В 1904 году Элис отправилась с детьми во Францию. Фред был зачислен на осенний семестр в университет Гренобля, чтобы изучать французский, в то время как его мама с другими детьми осталась на побережье. После того, как осенний семестр закончился, он отправился в университет Йены, где изучал латинский и немецкий языки. Фреду прекрасно давался немецкий, хотя в изучении латинского он испытывал затруднения, так как обычно ему приходилось переводить латынь на английский, а не на немецкий, или с немецкого на латынь. Естественно, с такой нагрузкой на зрение было трудно справиться, и вскоре он мог читать лишь небольшое количество времени. Родители очень переживали, что Фред терял зрение. Весть о том, что занятия фехтованием помогли его сыну Фреду снять глазное напряжение, очень обрадовала пребывающего в депрессии от потери сыновей отца. Джон Дьюи очень скучал по семье, просил Элис и детей почаще писать ему и информировать его о всех новостях. В Нью-Йорке он очень грустил о Гордоне и ходил в гости только к тем коллегам, у которых были дети. Он совершенно потерял интерес к административным делам в университете, отказался участвовать в выборах президента в качестве кандидата. Его

³⁰ Jay Martin *The Education of John Dewey/ A Biography*, New York :Columbia University Press, 2002, p.231

интерес к педагогике также ослабевал с каждым днём, хотя студенты Педагогического колледжа и считали его своим наставником и новатором в образовании. Он опять вернулся в лоно философии.

1904 год принёс семье Дьюи неожиданный сюрприз. По окончании весеннего семестра Джон Дьюи решил отправиться к семье в Европу. Элис провела весну в Риме, а затем вся семья Дьюи отправилась в Венецию. Там в Италии всё опять напоминало о Морисе. И вот однажды во время завтрака в одной из пиццерий Венеции Джон увидел милостивого итальянского мальчугана, игравшего у окна со своим братом. Он был такого же возраста как Гордон, настойчивый и полный жизненной энергии. Дьюи заметил, что он хромотал. Было похоже, что мальчик из бедной семьи. Но Дьюи был поражён его грациозностью. Неожиданно он пригласил мальчика за стол позавтракать вместе с ними. Он был явно голоден. Мальчика звали Сабино Пиро Левис. Он пробыл с семьёй Дьюи до самого вечера, а потом его проводили домой. Через несколько дней Элис и Джон Дьюи договорились с матерью Сабино, которого тут же окрестили Бино, что он отправиться с ними в Америку.

Ребёнок был такого же возраста, как и Гордон. Сабино вырос в стране, где остался прах их сына Мориса. Этот мальчик заменил Дьюи двоих сыновей. У Джона Дьюи было снова пятеро детей. Он ни разу в жизни не пожалел о том, что последовал своему импульсивному желанию и взял мальчика в свою семью. Официально он не усыновил Сабино, но стал для него любящим и заботливым отцом. Он пытался искать врачей в Европе, которые помогли бы мальчику вылечить его повреждённое колено. Бельгийский врач предрекал ампутацию, но Дьюи повёз сына в США и нашёл доктора Мейерса в госпитале Святого Луки. Дьюи каждый день навещал нового сына в больнице, где Сабино проходил длительное лечение. Ему приходилось каждый день менять повязки на больной ноге. Даже после выписки из госпиталя нога постоянно болела. Мальчик почти не мог заснуть. Дьюи каждый вечер забирался к нему в кровать и рассказывал сыну истории до тех пор, пока он не засыпал. Он часто возил Сабино в парк на прогулки в инвалидной коляске. Через год мальчик избавился от костылей.

Сабино любили в семье Дьюи и взрослые, и дети. Он был помощником Элис в садовых делах. Когда подросток и стал юношей, он выступал в роли прекрасного водителя своего отца. Сабино был отличным дизайнером и мог со вкусом подобрать ткань и портного для пошива очередного костюма своему всемирно известному отцу. Джон Дьюи был очень тронут стараниями сына. В один из дней они оба вышли от портного в новых костюмах, что растрогало Элис до слёз. Она давно уже не видела своего мужа таким счастливым. Даже когда Сабино уже жил отдельно и имел свою семью, он помогал отцу в выборе костюмов.

В своих воспоминаниях об отце Сабино напишет: «Чтобы описать ту отеческую заботу, которую мне пришлось испытать именно от него (Джона), мне потребовалась бы целая книга»³¹. Джон Дьюи стал очень близким другом и наставником своим сыновьям – и Фреду и Сабино. Он радовался успехам Фреда в учёбе и в Мичиганском университете, и в Массачусетском Технологическом институте, где его дядя Дэвис Рич Дьюи преподавал экономику. Он ликовал, когда в 1913 году Фред защитил диссертацию по социологии «Некоторые аспекты поведения в социальных группах» в Колумбийском университете. Он часто обсуждал с сыном разные проекты. Когда у Фреда появился первый сын, Джон Дьюи не мог дождаться минуты, когда увидит своего внука Гордона Чипмана. Потом появились другие внуки – Элизабет Энн в 1919 году и Джон – ещё один Джон Дьюи. К несчастью Джон погиб в автомобильной катастрофе во время каникул, когда был студентом военной академии в Колорадо Спрингсе в 1935 году. Ещё одна страшная потеря была уготована судьбой для семьи Дьюи. Когда жена Фреда Лиз родила в 1936 году девочку Джоанну, дедушка был очень счастлив. В это время Джон Дьюи жил вместе с семьёй Фреда. Фред всегда отвечал за организацию рождественских обедов, помогал отцу в финансовых делах. Иногда он вёл себя как старший брат отца. И хотя Фред достиг высот в военной карьере и бизнесе, вместо того, чтобы бороться за исправление общества, он был для своего отца прекрасным сыном, замечательным мужем и хорошим гражданином. Джон Дьюи по праву гордился своими сыновьями и не боялся выражать им свою любовь. Они до конца его дней оставались преданными ему помощниками и близкими людьми.

Образованием своих дочерей Джон и Элис занимались постоянно и целенаправленно. Родители были уверены в том, что именно образование позволит детям открыть двери возможностей. Для того, чтобы снабдить дочерей всем, что позволит им пройти сквозь эти двери уверенно, родители расширяли образовательное пространство своих детей за счёт музейной педагогики, много путешествовали в Европе и Азии, устраивали интересные встречи в кругу семьи с именитыми писателями, художниками, архитекторами, музыкантами, журналистами, представителями бизнеса из разных стран, как в Чикаго, так и в Нью-Йорке, куда семья переехала к 1905 году. Надо признать, что Дьюи всячески поддерживал освоение детьми иностранных языков. А это отличает далеко не каждого американца, считающего, как правило, что учить иностранные языки ни к чему, коль скоро весь мир говорит на английском языке.

³¹ Herbert M.Kliebard. John Dewey's Other Son /:Columbia University, Teacher's College Record;83 , New York, 1982. – p.455.

Джон Дьюи верил, что образование – это «постоянная реконструкция опыта», а поэтому и развивал своих дочерей во всех направлениях.

Правда, о Джоне Дьюи, как об отце, ходило немало и анекдотических историй. Так, например домашняя прислуга Лилиан Джонсон вспоминала, что «как-то увлечённый очередной статьёй молодой папа – Джон Дьюи – услышал просьбу жены успокоить маленького сынишку Фредди, имитировавшего огромную ревущую ракету во время воскресного обеда. Дьюи ответил следующее: «Я не могу. Это очень трудное дело». В другой раз, когда Фред имитировал всемирный потоп в ванной комнате, а вода уже вытекала из ванны и почти достигла кабинета Дьюи, взволнованный учёный влетел по лестнице к месту случившегося и стоял ошарашенный до тех пор, пока сынишка не произнёс: «Джон, не говори ничего! Принеси лучше тряпку!». Однажды, получив в банке деньги, Дьюи забыл коляску около банка со спящим ребёнком. Увлечённый подсчётом полученной суммы, он забыл о ребёнке. К счастью, когда Дьюи обнаружил пропажу, ребёнок продолжал мирно спать. Почти с каждым ребёнком Дьюи были связаны свои истории.

1.4. Джон Дьюи – воспитатель дочерей

У Джона Дьюи было трое дочерей. Старшая дочь Дьюи Эвелин заслуживает особого внимания, так как именно она сумела стать для своего отца надёжным партнером по осуществлению ряда педагогических проектов. Эвелин Риггс, названная в честь бабушки её матери Элис, родилась в Минеаполисе в 1889 году. Эвелин испытывала огромное уважение и любовь к своему отцу, помогала ему и сопровождала во многих поездках в Европу. Отец очень дорожил своей дочерью. Когда Эвелин было пять лет, ей посчастливилось отправиться в Европу со своей матерью Элис. По дороге она получила послание от своего отца: «Я люблю тебя, моя маленькая девочка. Папа».

Хотя Эвелин не могла напрямую участвовать в создании первого «педагогического детища» Дьюи – Чикагской Лабораторной школы, так как в тот период была еще маленьким ребенком, тем не менее, опосредованно она повлияла на решение отца. Когда Дьюи создавал свою Лабораторную школу в Чикаго, Эвелин было всего семь лет. Однако, именно после посещения учебного заведения, где училась пятилетняя Эвелин, он глубоко разочаровался состоянием американского школьного дела и это стимулировало ученого начать свой педагогический проект в Чикаго. Он с горечью рассказывал своей супруге Элис о том, какой скучный взгляд был у их дочери, которую в очередной раз заставляли исследовать поверхность кубиков и их углы, хотя это все ей давно уже было известно. Создание Дьюи Экспериментальной школы в Чи-

каго (1896–1904) явилось попыткой ученого изменить традиционную школу «зубрежки» и «книжной учебы». Дочь Дьюи была одаренным ребенком, и хотя ей часто приходилось пропускать школу, путешествуя с родителями по Европе, она всегда догоняла класс и демонстрировала замечательные результаты в учёбе.

Каждый день жизни ученого был насыщен и полон деятельности, как в Чикаго, так и в Нью-Йорке, куда семья переехала в 1904 году. В Нью-Йорке в жизни семьи Дьюи начался новый период. Дочь Эвелин поступила в школу Горация Манна (Horace Mann High School) и успешно окончила её в 1906 году. В возрасте 16 лет она стала студенткой Колледжа Смита (Smith College), а в 1911 году уже была его выпускницей. Надо отметить, что поначалу общая атмосфера колледжа, да и домашнее окружение побудили Эвелин заняться социальной работой в Нью-Йорк Сити. Усилившаяся волна иммигрантов и проблемы бедных требовали большого количества социальных работников. Эвелин всегда отличалась независимостью и жила в отдельной квартире сначала в Бруклине с 1918 по 1919 годы, а затем, в 1920 году переехала в Манхэттэн. В начале 1920-х годов она преподавала в школе Линкольна, связанной с Педагогическим колледжем Колумбийского университета. Более того, она возглавляла Совет при Бюро Педагогических Экспериментов (The Bureau of Educational Experiments). Некоторое время она работала в одном из известнейших агентств, связанном с рекламой авторского права Дж. Уолтера Томпсона. За что бы она ни бралась, ей всё и всегда удавалось. Как верно отметил Макс Истман, «еще в раннем возрасте ей удалось развить то, что называют великолепным чувством юмора и здравого смысла»³².

В Нью-Йоркский период Эвелин помогала своему отцу в нескольких его педагогических проектах, а затем начала сама писать статьи и книги по проблемам образования. Она всегда была готова поддержать Дьюи в его реформаторских начинаниях, стала ему настоящим коллегой и другом.

По поручению отца в 1914 году Эвелин отправилась в Индиану исследовать Гари школы (Gary Schools), «чтобы добыть современный материал, с помощью которого можно будет проиллюстрировать педагогические принципы»³³. Она принимала самое активное участие в написании хорошо известной в педагогических кругах работы «Школы будущего» (“Schools of To-Morrow”), увидевшей свет в 1915 году. Именно Эвелин отвечала за проведение исследований в различных шко-

³² Jay Martin The Education of John Dewey. A Biography. – New York: Columbia University Press, 2002, P.155

³³ Там же, P.155

лах, не только посещала многие из них, но и брала интервью у родителей, учителей, администраторов и учащихся. Поэтому именно она стала автором большинства разделов книги, отражающих плоды её активных наблюдений и размышлений. Дочь Дьюи посещала лучшие из лучших экспериментальные школы и анализировала их деятельность, пытаясь изучить, каким образом в них применялись различные педагогические теории Руссо, Гербарта, Фребеля, Песталоцци и Дьюи. Речь идет о школе Мистера Джонсона в Фэахоупе (Fairhope), штат Алабама; «Паб-лик Скул» 45 в Индиане; Школе Паркера в Чикаго; а также школьной системе Школы Гари Уильяма Уирта. Эвелин и её отец исследовали экспериментальные школы и использовали полученные результаты как материал для размышления о реконструкции традиционной школьной системы. В предисловии к своей книге «Школы будущего» отец и дочь Дьюи писали: «Мы пытались показать, что именно может получиться, когда школы начинают использовать на практике... некоторые теории, которые считаются наиболее здоровыми и лучшими со времен Платона». Многие из школ, которые отбирала для экспертизы Эвелин, можно было назвать школами, «ориентированными на ребенка», а именно такими, где учитель вступает на сцену лишь тогда, когда ребенок проявляет готовность восприятия, где учение происходит в ходе делания, а делание процветает лишь в обстановке свободы. После написания своей части работы «Школы будущего» Эвелин принялась за книгу «Новые школы для старых» («New Schools for Old», 1919), инспектируя на сей раз Школу Портера Миссис Харвей в сельской местности. В заключении она пришла к выводу, что школы являются единственным местом, где каждый в равной степени может приобрести основу для общественного и демократического сознания. Школы – это лаборатории, в которых осуществляются эксперименты, направленные на демократическое развитие, а поэтому прогресс образования должен идти в ногу с прогрессом правительства. Издательство Даттона опубликовало работу «Новые школы для старых», а затем следующую книгу Дьюи «Далтонский лабораторный план» (1922). Далтонский лабораторный план был «экспериментом в окружающей среде», способствовавшим развитию характера. Эвелин также публиковала статьи в журналах «Нация», «Прогрессивное образование», и других, проблематика которых касалась образования детей и проблем тестирования. Эвелин стала ведущим авторитетом в области образовательных экспериментов в Америке. Она часто повторяла слова: «До тех пор, пока человек развивается, должно развиваться и его образование».

Надо признать, что Эвелин Дьюи связывало с отцом намного больше нитей, чем с другими дочерьми. Когда в конце июня 1926 года Джон Дьюи отправился в Мексику читать свои курсы «Современная философ-

ская мысль» («Contemporary Philosophical Thought») и «Проблемы прогрессивного образования» («Advanced Educational problems») в рамках летней сессии в Национальном университете, он и там не смог обойтись без помощи Эвелин. В конце августа она прилетела в Мехико, чтобы помочь осуществлять отцу очередной образовательный проект по модернизации и улучшению образования для мексиканского народа. Она участвовала в экспертизе школ и учителей. Хотя программа летней школы была рассчитана главным образом на американцев, Дьюи увидел в аудитории много мексиканских учителей. Ученый быстро перестроился и расширил подготовленную программу. Как и в Китае, он подготовил программу для перевода на испанский язык, а затем, для каждой лекции он написал тезисы для переводчика. Вместе с Эвелин ему удалось получить более полную картину того, что происходило в системе мексиканского образования, побеседовать не только с городскими, но и с сельскими учителями. По выходным Дьюи посещал вместе с Эвелин сельские школы. В конце семестра Министерство Образования обеспечило Дьюи автомобилем, водителем и переводчиком, и они вместе с Эвелин были в Куэрнавাকে (Cuernavaca), а затем добрались и до Гвадалаяры (Guadalajara). Джон Дьюи и его дочь очень активно изучали мексиканские школы, беседовали с простыми людьми и поражались «эстетическими способностями мексиканского народа». Миссия Дьюи в Мексику была настолько успешной в образовательном плане, что историк, описывающий мексиканское образование того периода отметил: «В период 1920-х годов содержание образования в Мексике распахнулось перед Мастером Утренних Высот» («The Master of Morningside Heights»)»³⁴.

В 1928 году по приглашению Наркома Просвещения А.В.Луначарского Джон и Эвелин Дьюи отправились в Советский Союз в составе представительной американской делегации. Визит Дьюи в Россию в 1920-е годы стимулировал диалог представителей разных культур по важнейшим педагогическим проблемам, в числе которых была теория трудовой школы, проблема содержания образования, организационных форм и методов обучения.

Поездка в Советскую Россию, хотя она и не была продолжительной, оставила неизгладимый след как в душе американского ученого, так и его дочери. К моменту приезда Дьюи в Советскую Россию он уже был достаточно хорошо известен в педагогических кругах нового государства. Публичное заявление о поездке Дьюи в Россию было встречено в США с энтузиазмом, но газета «Дэйли Уоркер» расценила согласие ученого принять приглашение как одобрение им нового Советского госу-

³⁴ George C.Booth, Mexico's School-Made Society (Stanford, Calif., 1941.- p.86

дарства. Стало известно, что в частном порядке в Офисе по Делах Востока спешно собирали информацию о всех членах комиссии Американского Общества Культурных Связей с Россией и тех, кто участвовал в педагогической миссии. Ведь лишь за несколько лет до начала миссии, Дьюи расспрашивали о «Большевизме» в Китае, а после поездки в Россию он уже сам рассматривался как достаточно опасный, а надлежащие службы (FBI) писали о Дьюи, что «он постоянно подыгрывает Советам». Перечислялись существовавшие многочисленные ассоциации, поддерживающие коммунизм. Подчеркивалось, что Дьюи в печати выступал против военной подготовки. «Коммунисты выступают против военной подготовки в США, но занимаются ею в России» – писал один из представителей агентуры США³⁵.

Дьюи не обращал особого внимания на все эти моменты, а всегда твердо следовал своей цели. Для него не представляло большой разницы – знакомился ли он с Тицианом в Эрмитаже или же посещал школу для социально опасных несовершеннолетних детей – и то, и другое для ученого представало как опыт. А это означало, что за этим следовало дальнейшее размышление над опытом, а значит подобная рефлексия в конечном счете материализовывалась в написанных на бумаге строках, а затем нечто появлялось и в печати, как случилось и со статьями в «Нью Рипаблик» («New Republic»), и с «Впечатлениями о Советской России и революционном мире...»³⁶.

В нашей стране Джону и Эвелин Дьюи удалось увидеть среди мозаичных чудес новой Советской республики и «Дворец Народной Культуры», построенный рабочими для учебы и культурной работы; и ресторан, который был передан в руки официантов в период революции; и театральный шедевр А.П. Чехова «Вишневый Сад», и спектакль М. Горького «На Дне» в Московском Художественном Академическом Театре; центральную резиденцию Комсомола; Петергоф; Русское кино («одно про крестьян» и «одно про Октябрьскую революцию») и, конечно же, школы для детей, школы для рабочих, университетские школы, педагогические институты, школы для детей, больных туберкулезом, лабораторные школы, татарские школы, школу доктора Витгенберга по изучению природы («очень научная», по комментарию Дьюи); детскую деревню «Детское Село» («150 беспризорных детей... очень гигиеничных», как отметил американский коллега), Дом Отдыха для ученых, санаторий для интеллектуалов, и трудовую коммуну в деревне

³⁵ Jay Martin, Education of John Dewey. A Biography. Columbia University Press. N.Y., 2002, p.351.

³⁶ Dewey, J. Impressions of Soviet Russia and the Revolutionary World : Mexico – China – Turkey. New Republican. New York, 1929.

для преступников («без стен – никаких камер – изучение ремесел» – так кратко обобщил Дьюи увиденное). Причем, удивительно, что 68 летний Дьюи, в отличие от других членов делегации, особенно представительниц женского пола, жалующихся на усталость и недомогание, чувствовал себя в России энергичным и здоровым – прекрасно спал, оставался на все вечерние приемы, сам давал обеды, посещал ночные клубы, не пропускал ни одного события, и даже ни разу не подвергся никаким нападениям дизентерии.

Когда 28 июля трое из членов делегации вынуждены были оставаться в постели по причине недомогания, любознательный Джон Дьюи вновь отправился за впечатлениями и сумел посмотреть очень многое – и русские иконы, и предметы народного искусства, и полотна современных художников в Москве. Самым сильным впечатлением американского ученого были русские дети. Кто-то из группы вспоминал, что когда делегация посещала деревни, то маленькие дети бежали навстречу Джону Дьюи, чтобы пожать ему руки, висели на полах его пальто, пытались показать ему свои маленькие детские «сокровища»; а их родители и учителя знали имя Джона Дьюи, и оно служило своего рода паролем не только в школах и домах, но и на фабриках и в правительственном аппарате.

Дьюи всё время делился с дочерью своими впечатлениями, размышлял об увиденном. Американскую делегацию встречали в России с большими почестями. Свидетельством тому может служить тот факт, что сестра Л. Троцкого, мадам Каменева, которую Джон Дьюи назвал «одной из наиболее способных женщин в России», торжественно приветствовала Дьюи и других представителей Северо-Американских штатов от имени Общества Культурных Связей с Зарубежными Странами – организации, президентом которой она являлась. Она же проводила делегацию 14 августа на железнодорожном вокзале. А.В. Луначарский тепло принимал делегацию в Кремле. Корреспондент столичной газеты отмечал: «Высокая красная кремлевская стена закрыта для иностранцев за редким исключением, но на прошлой неделе она расступилась, чтобы встретить группу педагогов под руководством профессора Джона Дьюи... Власти рады оказать американцам всякую любезность»³⁷.

После визита Дьюи в Россию и появления его лестных отзывов о советской образовательной системе в консервативной прессе США появились заметки, в которых Дьюи назывался «большевиком» и даже «красным». Эвелин очень переживала за дальнейшую репутацию своего отца, однако понимала, что его бесстрашная и справедливая натура никогда не потерпела бы указов сверху.

³⁷ *ibid*, p.355

Через шесть лет после поездки Эвелин вышла замуж за Грэнвилля Смита, владельца скотного хозяйства величиной в 3000 акров. Поразителен следующий факт: молодожены спешили пожениться утром, так как после обеда Эвелин с её отцом Джоном Дьюи уже отправлялись на пароходе в Южную Африку. Все присутствовавшие на бракосочетании провожали Эвелин и Джона до причала, откуда отправлялся пароход. Эвелин, отличавшаяся хорошим чувством юмора, пошутила, что «свадьба отвлекает от дел», и даже перед тем, как отправиться в медовый месяц занималась правкой напечатанной рукописи – её последней книги «Дети нового дня» («Children of the New Day», 1934), написанной в соавторстве с Катариной Гловер. В этой книге звучали новые нотки, в ней были собраны воедино и расширены все доклады конференции Белого Дома по проблемам здоровья и защиты ребенка. Эвелин нарисовала картину «нового» ребенка, чаще всего воспитуемого не одним, а двумя работающими родителями», в намного меньшем по размеру доме и управляемом «нажатием кнопок» вместо человеческой энергии. Она считала, что ребенок нового типа принадлежит обществу почти так же, как и семья. Она называла новых детей творением «изменения», предрекая в будущем «необходимость прояснения ценностей, возвращения к духовному мотиву жизни», постоянные эксперименты в педагогике и др. Надо признать, что Дьюи очень скучал о дочери, когда она переехала жить в Миссури. Он навещал её каждый год, а когда Дьюи проводил зимы в Ки Уэсте, Эвелин часто приезжала туда на автомобиле, чтобы пообщаться с отцом. На протяжении всей своей жизни Дьюи был очень близок к Эвелин. Не случайно, после смерти своей жены Элис в 1927 году Джон Дьюи и Эвелин стали жить вместе, так как дочь старалась в трудную минуту всегда быть рядом со своим отцом. Кроме того, она всегда интересовалась его педагогическими экспериментами.

Здоровье ученого ухудшилось к 1950-му году. Ратнер писал в письме Эвелин, что Дьюи «стал больше обращать внимания на лекарства, чем на идеи... Он так и не смог поправиться после своего 90-летнего юбилея и сдавал с каждым днем»³⁸. Она очень переживала о потере отца. Это случилось 1 июня 1952 года. Эвелин Дьюи прожила после смерти отца тринадцать лет и умерла на своем ранчо в 1965 году.

Вторая дочь Дьюи – Люси Элис Дьюи родилась в Чикаго 28 декабря 1897 года. Когда ей исполнилось шесть месяцев, Элис писала в письме: «Наша девочка – просто ангельское существо. Она, порой, долго не засыпает ночью, но не плачет, хотя до утра мы её не кормим. Она постоянно растёт». В юные годы Люси выделялась из всех детей своей особой

³⁸ Jay Martin, p.479

жизнерадостностью. Она всё время танцевала и смеялась, в письмах её всегда описывали «сияющей». Люси ходила в детский сад и радовалась, когда пошла в первый класс. Её сестричка Джейн Мэри Дьюи родилась 11 июля 1900 года, через два с половиной года после Люси. В семье Дьюи её называли «потерянным ребёнком. Через несколько дней после её рождения Дьюи забрал всех остальных детей в штат Нью-Йорк, где он должен был прочесть курс лекций, оставив Элис с новорожденной малышкой в Чикаго. Так вот и начались разлуки Джейн то с одним родителем, то с другим. Ей их досталось больше всех. Раньше всех она лишилась грудного материнского молока. Очень рано стала говорить «Мама! Привет!» Правда, оставаясь одна, она всё время что-то прятала, то носовой платок, то игрушку, а потом искала и находила. Через игру она проживала расставания и встречи со своими родителями.

Потом в 1906 году Джейн и Люси три года учились в Школе Этической Культуры. Летом 1913 года Элис, любящая путешествовать, повезла Люси и Джейн в Европу. В Генуе они должны были встретиться с Эвелин. Две младшие девочки стали посещать школу в Лазанне, в то время как Эвелин и Элис отправились в Альпы, а затем вернулись в Италию. Весной 1914 года Люси и Джейн присоединились к ним во Флоренции. В апреле девочки побывали в Риме, а затем в конце месяца отправились обратно в США. Осенью Люси была зачислена в Барнард колледж, где её главными предметами стали история и антропология. Она закончила его в 1919 году. Буквально перед тем, как Люси должна была получать диплом, её родители - Джон и Элис строили окончательные планы посещения Японии и Китая. Элис переживала, что их отъезд принесёт дочери очередные переживания и уговорила Эвелин стать своего рода матерью для младшей сестры. Однако, беспокойства были напрасны. Люси с удовольствием осталась в США, хотя родители уговаривали её поехать с ними в Азию. Присоединилась к ним Люси лишь в июле 1919 года, спустя два месяца как чета Дьюи переехали из Японии в Китай. Правда в Китае она тотчас же подхватила тиф, но получив своевременную медицинскую помощь в Медицинском Госпитале Союзного Фонда Рокфеллера в Пекине, девушка быстро поправилась.

Именно в Пекине произошло решающее событие в её жизни. В Китае она встретила свою любовь. Её избранником стал гражданин Австрии – Вольфганг Брандауэр, семья которого работала в Тяньнине, где двоюродный брат Вольфганга был австрийским консулом. Когда пара встретилась в 1921 году, то Вольфу было 30, а Люси – 24. Вскоре влюблённые решили пожениться, но супруга Дьюи настояла на том, чтобы молодые на время расстались, чтобы убедиться в верности своих чувств. Люси вернулась в Соединенные Штаты, где стала работать в Комитете Научных Проблем Человеческой Миграции в Вашингтоне. Она полу-

чала от Вольфа нежные письма из отдалённого от неё Калгана, что на юге Монголии, а также из Урги, что рядом с Аральским морем. Именно там её суженый зарабатывал деньги на их будущую жизнь. В августе 1923 года супруга Дьюи дала разрешение на брак дочери, и Люси тотчас отправилась на Западное побережье, по пути проведая своего Дядюшку Чарльза в Портланде. 30 августа она уже отправилась из Сиэттла в Китай. Она летела на крыльях любви к своему любимому. Вольфганг с нетерпением ждал свою невесту. Он пережил много трудностей в молодости, четыре года Вольфганг находился в тюрьме в России во время войны. Поскольку он пытался бежать, его сослали в Сибирь, а после амнистии вместе с другими освободившимися заключёнными отправили в Китай, где у него были родственники.

В момент знакомства с Люси он состоял на службе в торговой компании «Калган-Урга». До первой мировой войны его отец владел заводом в Англии, но потом семья лишилась доходов от производства. Так что брак был по любви, а не по расчёту. Люси и Вольфганг поженились 25 сентября 1923 года в Пекине. На церемонии присутствовали Джон и Элис Дьюи и их друзья, включая американского консула. Надо признать, что Элис сетовала на то, что Люси придётся коротать свой век в древней и дикой стране, в городе Калгане, который был своего рода вратами, отделявшими великую стену от Маньчжурии. Там проходил древний караванный путь, а верблюд считался обычным средством передвижения. Однако переживания матери были напрасны. В октябре 1924 года Люси родила сына, а через несколько месяцев они с Вольфом и маленьким Карлом Мартиным Брандауэром переехали в Вену, где Вольфгангу дали работу. В ту пору Вена была не самым лучшим местом под солнцем, экономика страны находилась в сложной ситуации, Вольфгангу приходилось очень много работать, чтобы содержать семью. Дьюи пришлось много потрудиться над тем, чтобы семья Люси переехала в США. Сделать это было очень сложно, так как в Австрии к власти пришли фашисты. К 1936 году ситуация в семье Люси была удручающей. Они остались совершенно без средств к существованию, потеряли двухлетнюю дочь Эвелин Джейн. И опять на помощь пришёл отец. Джон Дьюи сумел переправить дочь и внука в Миссури и восстановил Люси американское гражданство. Вольф приехал в США позднее, в июле 1939 года ему удалось получить визу в США с помощью влиятельного Джона Дьюи и обосноваться в Детройте, где в 1940 году он стал менеджером на заводе Крайслера. Там Люси и жила вплоть до своей кончины в 1983 году.

В отличие от Эвелин и Люси третья дочь Дьюи Джейн была совершенно иной по характеру. Она отличалась своенравием, не хотела посещать ни школу, ни колледж. В то же время она была самая одарённая из

трёх сестёр. За что бы она ни бралась, она везде демонстрировала блестящие успехи. По возвращению из Италии она прекрасно освоила курсы Чосера, физики, Латыни, пятилетний курс французского и индивидуального чтения в школе Спенса. Правда, математика её удавалась не сразу. Элис всё время переживала, что часто оставляла Джейн без материнского тепла, в то время как та нуждалась в нём. Она пыталась объяснить этим и некий язвительный и горделивый тон, с которым Джейн обращалась к своим домашним, её депрессию. Мать всячески пыталась уговаривать её учиться дальше, но Джейн не терпела указов сверху и была очень самостоятельной. Она хотела быть нужной семье и старалась зарабатывать деньги, которые были действительно необходимы на тот момент. Когда Джон Дьюи предложил ей развивать научные способности, она записалась на его курс в университете Беркли, но прокомментировала своё намерение следующим образом: «Это уносит много нервов, но обеспечит мне три учебные единицы, что очень кстати». Правда, наконец, после окончания семестра, Джейн решила вернуться в Нью-Йорк и поступить в колледж Барнарда. Она успешно закончила обучение в 1922 год и поступила в Массачусетский Институт Технологии, где получала исключительно отличные отметки по физической химии, физике и математике. Именно там она встретила Алстона Кларка, который, окончив институт в 1921 году, преподавал там физику в качестве ассистента. Влюблённые тайком поженились в 1924 году, за пять дней до отплытия Элис и Джона Дьюи в Турцию, где Дьюи должен был осуществить проект по реконструкции школьного образования. Доктор и миссис Кларк вернулись в Кембридж. Джейн сдала заключительные экзамены по физической химии и получила степень доктора в 1925 году. Как пояснял своему другу Джорджу Миду Джон Дьюи, «её исследования были связаны с расщеплением атома». В 1925 году Джейн и Алстон Кларки были самой яркой парой в мире физики. Они получили научный грант на проведение исследований в Американском Скандинавском Фонде в Копенгагене.

Джейн удалось поработать в качестве исследователя вместе с Нильсом Бором в Институте Теоретической Физики при университете по линии Национального Исследовательского Совета. Она получала 1800 долларов в год в течение трёх лет, писала научные статьи в журналах «Обзор в области физики» («Physical Review»). В 1927 году она представила Бору теоретические наработки, опубликовала восемь статей в ведущих научных журналах, связанных со спектроскопией применительно к атомной теории. Надо признать, что Джейн прочла серию блестящих лекций по проблемам волновой механики для исследовательской ко-

манды Бора. Как она сама отметила, с присущей ей манерой: «Никто ни черта не понял»³⁹.

Вернувшись в 1927 году в США, Джейн продолжила свои научные изыскания в Палмерской Физической Лаборатории Принстона под руководством К.Т.Комптона. В 1929 году, чтобы оказаться поближе к Алстону, который в то время был в Корнуэлле, она стала исследователем в области геологии при Университете Рочестера. В 1931 году она преподавала на отделении физики в Брин Море, а затем супруги переехали в Пенсильванию. Джейн читала курсы лекций по теоретической механике, оптике, спектроскопии и атомной теории. На второй год она стала заведующей кафедрой и ведущим лектором. Правда, в этот период, её отношения с Алстоном ухудшились, они развелись, что повлияло на состояние её здоровья. Именно поэтому она на два года прервала свою преподавательскую карьеру и путешествовала с отцом в Южную Африку в 1934 году, а в 1935 году на Таити. В 1936 году она вернулась к своим исследованиям на отделении химии. Потом на три года она просто решила прервать работу и пожить с отцом. Её часто видели вместе с Джоном Дьюи в Ки Уэсте, Флорида в 1937-1938 годах. Отец пытался всегда прийти на помощь своим дочерям, когда они нуждались в его поддержке. Поскольку здоровье Джейн ухудшилось к 1940 году, она решила прекратить исследования, а после перенесённой операции вернулась к лекторской работе в Хантер колледже в Нью-Йорке. В период с 1949 по середину 1942 года Джейн читала лекционные курсы, некоторое время её приглашали в качестве лектора в Вашингтон. Болезнь потребовала возвращения в Ки Уэст, где Джейн предложили техническую работу, связанную с военным заказом, но она отклонила предложение. Депрессивное состояние Джейн очень беспокоило её родителей и сестёр. Она закрылась от всех и почти не делилась своими чувствами, даже с отцом, грубила даже своей старшей сестре Эвелин, но Эвелин верно поставила ей диагноз: «Будучи учёным, она живёт в жёстком и отстранённом от всех остальных её собственном мире»⁴⁰.

В 1942 году, неожиданно для всех, Джейн освободила себя от всех лекарств и лечения, которое измучило её. Соединённые Штаты вступили в войну с Германией, и ей предложили пост исследователя в области физики в американской фирме Раббер. Джейн продолжала активно публиковать результаты своих исследований в журналах по прикладной физике. Через пять лет она получила работу в Лаборатории Баллистиче-

³⁹ Jay Martin The Education of John Dewey. A Biography. – New York: Columbia University Press, 2002, P.222.

⁴⁰ Jay Martin The Education of John Dewey. A Biography. – New York: Columbia University Press, 2002, P..223

ских Исследований в Мэриленде (Aberdeen Proving Grounds) и оставалась на этом месте вплоть до 1970 года. В 1975 году Джейн вернулась в Ки Уэст, где она жила вплоть до конца жизни. Как большинство детей Джона Дьюи, она жила частично за пределами интересов своего талантливого отца. Однако его вдохновения применительно философии оказалось Джейн достаточно для того, чтобы блестяще реализовать себя как учёного и профессора. Ей в большей степени, чем другим дочерям, досталось его смелости и независимости.

Глава 2. Джон Дьюи – реформатор школьного образования и «учитель учителей»

2.1. Европейское измерение философско-педагогических взглядов американского реформатора

Философско-педагогическая платформа мышления Джона Дьюи формировалась под влиянием идей Я.А. Коменского (идея пансофии, принципы наглядности, природосообразности), Ж.Ж. Руссо (теория естественного воспитания), И.Г. Песталоцци (идея развивающего обучения), И.Ф. Гербарта (теория интересов), Г. Спенсера (идея поощрения духа частной инициативы, утилитарный подход к знаниям). Между Северной Америкой и Европой существует множество интеллектуальных связей, которые укреплялись на протяжении существования борьбы между Старым и Новым Светом. Интеллектуальный контекст формирования философии образования Джона Дьюи вне сомнения имел общие корни с Европой.

Хотя свое образование Джон Дьюи получил в США (степень бакалавра искусств в Вермонтском университете в Берлингтоне, а позднее – степень доктора философии в университете Джона Хопкинса, в Балтиморе), на его философско-педагогическую платформу оказали существенное влияние европейские и, в частности, немецкие теории. Нельзя забывать, что первое поколение академических профессоров в США сформировалось под сильным влиянием европейской традиции. Достаточно упомянуть имя соратника Джона Дьюи по прагматизму Уильяма Джеймса, который получил среднее образование в основном в европейских школах, а также благодаря частному тьюторству во Франции, Англии, Германии и Швейцарии⁴¹.

Друг и коллега Джона Дьюи по Чикагскому периоду Джордж Герберт Мид также учился в течение трех лет в университетах Лейпцига и Берлина у таких известных ученых как Вильгельм Вундт, Герман Эббингхаус и Вильгельм Дильтей. Об этом свидетельствует Г. Кук в своей работе «Герберт Мид. Становление социального прагматиста»⁴².

⁴¹ Myers, G.E. William James: His Life and Thought. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1986.

⁴² Cook, G.A. Gerge Herbert Mead: The Making of a Social Pragmatist. Urbana: University of Illinois Press, 1993.

Тенденция учиться в Европе, особенно в университетах Германии, была довольно популярной в США еще до Гражданской Войны (1861–1865), а позднее она даже усилилась. Профессор психологии университета Хопкинса Грэнвилль Стэнли Холл (1845–1924), лекции которого всегда привлекали Дьюи, также получал образование в университетах Бонна, Берлина и Лейпцига, став первым американцем, работавшим в лаборатории Вильгельма Вундта в течение целых шести лет⁴³. Почитаемый Дьюи профессор философии Джордж Сильвестер Моррис (1840–1889), влияние которого отмечалось неоднократно самим американским реформатором, работал в течение двух лет в университетах Галле и в Берлине⁴⁴. Современник Джона Дьюи Йошья Ройс (Josiah Royce, 1855–1915) также учился в Лейпциге вместе с Вильгельмом Вундтом и Вильгельмом Виндельбантом, а в Геттингене – вместе с Рудольфом Лотце⁴⁵.

Джон Дьюи не получал образования в Европе, но, безусловно, находился под влиянием европейских мыслителей. Сам Дьюи неоднократно отмечал, что знакомство с философским наследием Гегеля как в оригинале, так и благодаря трудам британских идеалистов Томаса Хилла Грина, Фрэнсиса Брэдли и др., внесло неизгладимый вклад в его мышление⁴⁶. Столкнувшись с эмпирической традицией в рамках идеализма (Локк, Юм, Бентам и Миль) еще в университете Хопкинса, Джон Дьюи не мог не заинтересоваться ведущей философией США второй половины XIX века. Не удивительно, что именно идеализм завладел философским мышлением Дьюи в начале его карьеры, оказав впоследствии влияние на формирование его философии образования. Впоследствии Дьюи не отбросил идеализм и не заменил его на какую-либо другую систему мышления, а лишь постепенно «отошел» от ряда его положений, окончательно переработав наследие Гегеля в свой собственный «культурный натурализм»⁴⁷.

⁴³ Boeser, H.A. «Granville Stanley Hall als Psycholoog en pedagog» (Granville Stanley Hall as psychologist and educator).Dissertation,Leiden University, 1941.

⁴⁴ Westbrook, R. John Dewey and American Democracy, Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1991, p.16

⁴⁵ Wilson, D.J. Science, Community, and the Transformation of American Philosophy, 1850–1830. Chicago: University of Chicago Press, 1990.

⁴⁶ Dewey, John. «From Absolutism to Experimentalism» (1930) In John Dewey: The Later Works,1925- 1953, vol.5, edited by Jo Ann Boydston, Carbondale:Southern Illinois University Press1984, p.154.

⁴⁷ Dewey, John.Logic: The Theory of Inquiry (1938) In John Dewey. The Later Works, 1925-1953, vol.12, ed. By Jo Ann Boydston, Carbondale: Southern Illinois University Press, 1985, p.28.

На мышление Дьюи в биологическом и эволюционном плане огромное влияние оказала функциональная психология. Как отмечал Джон Дьюи, работа Уильяма Джеймса «Принципы психологии» (1890) стала одним из особых философских факторов, которые повлияли на его мышление, придав ему новое направление и качество⁴⁸.

В работе «Мое педагогическое кредо» (1897) Дьюи заявлял, что «все образование проистекает из участия индивида в общественном сознании расы», «и подлинное образование получается благодаря стимуляции сил ребенка, приводимых в движение социальными ситуациями, в которых он себя обнаруживает». Ученый отмечал, что, «...индивид, который должен получить образование, является социальным индивидом, а общество представляет собой союз индивидов, ограниченно связанных между собой» (пер. с англ. автора – Е.Ю. Рогачевой)⁴⁹.

Дьюи признавал значение социальной психологии. Именно находясь на позициях «натурализованного гегельянства» и «социального биохвиоризма», в рамках которых особо важными категориями становились такие как «общение» и «участие», ученый и ступил на образовательную сцену США. Натурализм следует отнести в первую очередь к «жесткому ядру» философии Дьюи. Опыт находится в природе и являет собой взаимодействие с ней – центральный тезис основного труда Д. Дьюи «Опыт и природа» (1925)⁵⁰.

По верному замечанию отечественной исследовательницы философии Джона Дьюи Н.С. Юлиной, «основанием для выделения натурализма в качестве главного ядра являются не столько предложенное им толкование опыта, познания и других философских проблем, порою вступающих в конфликт с этим основным принципом, сколько то, что Дьюи, а также его современники – Пирс, Джемс, Ройс, Сантаяна, Уайтхед и другие – работали в дарвинистской эволюционной парадигме⁵¹. Дарвинизм прочитывался через призму философии Спенсера, Гегеля, Маркса и интерпретировался достаточно вольно, однако его мощного

⁴⁸ Dewey, John. "From Absolutism to Experimentalism" (1930), in John Dewey: The Later Works, 1925-1953, vol.5, edited by Jo Ann Boydston, Carbondale: Southern Illinois University Press, 1984, p.28.

⁴⁹ Dewey, J. My Pedagogical Creed (1897), In John Dewey, The Early Works, 1882-1898, vol.5, edited by Jo Ann Boydston, Carbondale: Southern Illinois University Press, 1972, pp.84-86)

⁵⁰ Dewey, J. Experience & Nature. Chicago, 1925.

⁵¹ Юлина. Н.С. Философия Джона Дьюи и постмодернистский прагматизм Ричарда Рорти «Уход» и «приход» Дж. Дьюи на американскую сцену // Философский прагматизм Ричарда Рорти и Российский контекст, отв. ред. А. Рубцов. М.: Традиция, 1997, с.175.

влияния, как отмечал известный историк Р.Хофстадтер, никому избежать не удалось⁵².

Следует отметить, что педагогическое мышление американского реформатора формировалось под четким влиянием таких выдающихся европейских мыслителей как Гегель, Герbart и Фребель. На это указывали и голландские исследователи философско-педагогического наследия Дьюи Герт Биста и Зибрен Мидема, ставшие в 1993 году организаторами Первой Европейской Пригласительной конференции, посвященной Джону Дьюи как философу и педагогу, материалы которой впоследствии нашли отражение в ряде их публикаций по проблеме международного измерения образовательной реформы рубежа XIX–XX веков⁵³.

Надо признать, что именно благодаря активному участию Уильяма Торрей Хариса, занимавшего пост специального уполномоченного по делам образования США в период с 1889 по 1906 годы, и названного Креминым выдающимся американским педагогом последней четверти XIX века⁵⁴, гегельянство проникло в американские школы.

Хотя У. Харис и стал позднее главным оппонентом Джона Дьюи в дискуссиях относительно проблемы содержания образования и ратовал за жестко предметно-ориентированный учебный план в противовес идеи Дьюи об учебном плане, центрированном на ребенке (*subject-oriented-versus child-oriented curriculum*), его интересах, все же именно благодаря его настоянию было основано Философское Общество в Сент-Луисе, ставшее одним из проводников идей лидера американского прагматизма. Более того, Харис становится главным редактором журнала Спекулятивная философия (1867–1893) – первого в США журнала, целиком посвященного философии и разделяющего платформу первых философских работ Дьюи. Как отмечает Клибарт, Харис уделял огромное внимание такой функции школы, как трансляция культурного наследия Запада, что позволило ему занять место последнего великого защитника гуманистического содержания образования⁵⁵.

Второй европейской волной, захватившей Америку, становится герbartянство. Его проводниками в США становятся Чарльз де Гармо из Корнуэльского Университета, Чарльз МакМаррей (Государственная

⁵² Hofstadter.R.Social Darwinism in American Thought, Boston, 1955.

⁵³ Gert J.J.Biesta and Siebren Miedema. Dewey in Europe: A Case Study on the International Dimensions of the Turn –of-the-Century Educational Reform. In American Journal of Education, volume105, No.1, November 1996, pp.1-26.

⁵⁴ Cremin,L.An .American Education: The Metropolitan Experience, 1876-1980, New York:Harper &Row, 1980, p.160-161.

⁵⁵ Kliebard, H.M. The Struggle for the American Curriculum: 1893-1958, New York:Routledge & Kegan Paul, 1987, pp.40-41.

Нормальная Школа в Иллинойсе – Illinois State Normal School) и Фрэнк МакМаррей (Педагогический колледж Колумбийского университета). Эти ключевые фигуры американской школы уже в 1890 году преподавали в своей стране то, о чем они узнали, обучаясь, главным образом, в Йене. Им удалось внедрить гербартианство в систему педагогического образования страны⁵⁶. Это обеспечило гербартианству, по выражению У. Килпатрика, «почти верховное правление», начиная с 1898 вплоть до 1910 годов⁵⁷. Именно критике гербартианства посвящены многие страницы многочисленных трудов Джона Дьюи. В то же время, детальный интерес Джона Дьюи к педагогической теории немецкого «философа в кресле», знание его работ, касающихся как этики, так и теории формирования многостороннего интереса, «формальных ступеней обучения» доказывают, что педагогическое мышление американского реформатора формировалось под сильным влиянием немецкого коллеги. Именно на слабые стороны гербартианства и была направлена критика Дьюи в процессе осмысления своей философии образования и модели новой школы – школы труда.

Третья волна европейского влияния на США вообще, и на Джона Дьюи, в частности, была фребелианской. Она прокатилась по американскому образованию благодаря движению детских садов, которые и были впервые введены в США учениками Фребеля в 1850-х годах сначала на уровне частных дошкольных учреждений, а с 1873 года и далее и в массовой системе⁵⁸.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что, занимая на излете XIX века почетное место профессора философии, психологии и педагогики в университете Чикаго, Джону Дьюи пришлось формулировать свою философию образования и отвоевывать ей свое собственное место именно на этой интеллектуальной арене, заняв в теоретическом плане место где-то между гербартианцами и гегельянцами. Не случайно, в своей работе «Интерес по отношению к тренировке воли» («Interest in

⁵⁶ Dykhuizen. G. The Life and Mind of John Dewey, Carbondale: Sothern Illinois University Press, 1973, p.92.

⁵⁷ Kilpatrick, W. (1939) Dewey's Influence on Education in P.A. Phipp & L.E.Hahn 9eds,) The Philosophy of John Dewey. LaSalle: Illinois, p.465.

⁵⁸ Berding, J.W.A. «John Dewey, Francis Parker, and American Progressive Education» (1991), pp.228-242 qu.in Gert J.J.Biesta and Siebren Miedema Dewey in Europe: A Case Study on the International Dimension of the Turn-of-the-Century Reform in American Journal of Education. Volume 105, No.1 November 1996, p.8.

Relation to Training of the Will»)⁵⁹ критика Дьюи обращена против и тех, и других. Гегелианцев ученый обвинял в неспособности состыковать учебные предметы с интересами детей, считая, что невозможно активизировать деятельность со стороны ребенка, если у него отсутствует интерес. А что касается гербартианцев и других защитников жестко ориентированного на ребенка учебного плана из сторонников движения по изучению ребенка («child-study»), то Дьюи упрекал их в неумении связать интерес и активности ребенка с предметным содержанием учебного плана. Дьюи верно заметил, что «мало чего можно достичь, если возвести интерес в ранг конечной цели» (пер. с англ. – авт. Е.Ю. Рогачевой)⁶⁰.

2.2. Философия образования Джона Дьюи и ее актуальность на современном этапе

Многие современные исследователи сходятся во мнении, что философия Джона Дьюи, его прагматическая педагогика достаточно актуальны и сегодня. Герменевтик и релятивист, Рорти видит сегодня особую ценность философии Дьюи в расшатывании гносеологической платоновско-декартовской-кантовской-позитивистской традиции, в показе иллюзорности претензий прошлой философии на вскрытие неких «общих черт бытия», в отказе от фундаментализма и формализма, в критике субстанциализма и эссенциализма, в прагматической интерпретации верований и т.д.

«Философия Дьюи великая не потому, что дает аккуратную репрезентацию общих черт природы, или опыта, или культуры, или чего-либо еще. Ее величие состоит в чистой провокационности ее предположений о том, как сбросить шелуху интеллектуального прошлого и о том, как рассматривать это прошлое в качестве материала для игрового экспериментирования, нежели как возлагающее на нас бремя и ответственность»⁶¹.

Отечественная исследовательница Н.С. Юлина считает самой большой заслугой Дьюи признание реконструкции атрибутом философии и

⁵⁹ Dewey, John. Interest in Relation to the Training of the Will (1899) In John Dewey The Early Works, 1882-1898, vol,5 edited by Jo Ann Boydston, Carbondale: Southern Illinois University Press, 1972, p113-150.

⁶⁰ Ibid, p.146.

⁶¹ Rorty, R.Philosophy and The Mirror of Nature. Princeton.1980.p.XIII.

то, что он задал движение к ее вечному переосмыслению⁶². Нельзя не согласиться с мнением Н.С. Юлиной о том, что у российских философов прагматизм Дьюи до сих пор ассоциируется с вульгарным утилитаризмом, пониманием истины как практической полезности и вообще с чем-то меркантильным. Признавая этот образ прагматизма ложным, она считает, что «...ключевыми понятиями в философии Дьюи являются не «полезность» и «выгода», а «intelligence» и «образование», т.е. разумность и возможность совершенствования рассуждающей и критической способности интеллекта через обучение и просвещение»⁶³.

В поисках адекватной поликультурному современному обществу философской модели образования многим и сегодня импонирует светский характер прагматизма, его жизнеутверждающая психология, его искреннее уважение к науке. По мнению профессора Пола Курти – ученика и последователя Джона Дьюи, а также активного теоретика и практика организованного гражданского гуманизма в США, прагматический натурализм рассматривается многими зарубежными учеными как «...наиболее характерный и оригинальный вклад Америки в историю идей. Сейчас прагматический натурализм переживает свое второе рождение»⁶⁴.

Возвращению прагматического натурализма Дьюи на сцену культурной жизни США в конце XX века способствовали три фактора, по мнению Поля Курти: 1. произошло воссоединение прагматизма и аналитической философии; 2. огромную роль в популяризации наследия Дьюи сыграл выдающийся современный философ Ричард Рорти, разделяющий позицию Дьюи относительно того, что знание – это не описание основополагающей метафизической реальности, но реализация целей человека; 3. многие философы считают, что социальная и моральная философия Джона Дьюи представила на рубеже XX–XXI веков «реальную альтернативу как реакционному авторитаризму религиозного консерватизма, так и крайнему субъективизму и нигилизму постмодернизма»⁶⁵.

Анализируя философию Дьюи, в ней можно выделить три важных момента, которые остаются релевантными и сегодня: его теория опыта,

⁶² Н.С.Юлина Философия Джона Дьюи и постмодернистский прагматизм Ричарда Рорти.//Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст. Отв.ред А.Рубцов М.: «Традиция» 1997 с.180

⁶³ Н.С.Юлина Философия Джона Дьюи и постмодернистский прагматизм Ричарда Рорти. Сноска15 примеч., с.174.

⁶⁴ Пол Курти. Введение. Что такое прагматический натурализм// Прагматический натурализм в американской философии. С 15.

⁶⁵ Пол Курти. Введение. Что такое прагматический натурализм? // Прагматический натурализм, с. 19-20

натурализм и понимание разумности. Опыт, по Дьюи, – это результат взаимодействия живого бытия с физическим и социальным окружением⁶⁶. Взаимодействие органично, оно проявляется в непрерывности природного и социального, физического и духовного, чувственного и рационального, субъективного и объективного. Опыт всегда есть процесс, история, коммуникация. Это весь жизненный мир человека во всех его проявлениях. Нередукционистская трактовка опыта служила у Дьюи основой для решения антропологической и культурологической задач. Если социальное бытие представляет собой естественное продолжение физико-биологических условий, тогда рефлексивное отношение к многообразию своего опыта, осознание сопряженности с природой и культурой, неразрывности мыслей, действий и практики следует рассматривать как необходимое условие свободы, свободного целеполагания и ответственности, а также и условием разумного мышления и поведения. Дьюи концентрировал внимание на выработке и приращении субъектом опыта в процессе активного освоения среды. Известно, что в опыте Дьюи выделял активный и стандартный компоненты. Активная сторона опыта выражается в действиях с объектами и, поэтому, обладает интенционально-практической природой. Страдательная сторона состоит в ответном воздействии мира объектов на нас. В установлении связей между нашими воздействиями и противодействиями вещей состоит смысл опыта, его содержательное богатство. Следовательно, подчеркивал Дьюи: «главное в опыте – именно это сочетание активности и страдательности, а не его когнитивный аспект... Опыт оказывается познавательным, только если он кумулятивен, восходит к чему-то, имеет смысл»⁶⁷.

Натурализм Дьюи – это признание природы всеобъемлющим и центральным принципом философствования. Природа для Дьюи – это миллионы лет эволюции Вселенной. За интеракциями опыта, представленными в виде знаний, ценностей, переживаний, лежит более фундаментальное, непознавательное и нелингвистическое взаимодействие. Природа все контролирует: она либо поддерживает, либо блокирует, либо модифицирует переживаемое в опыте. Трактовка опыта как длительности и непрерывности позволила ученому рассматривать научную, философскую, литературную, социальную, эстетическую культуры в единстве и коммуникации. Джон Дьюи направил свою философию на решение образовательных проблем, став создателем новой философии образования – прагматизма. Уже в начале века Джон Дьюи настаивал на том,

⁶⁶ Dewey.J. Reconstruction in Philosophy. Boston. 1948. p.7.

⁶⁷ Дьюи Д. Демократия и образование.//Дьюи Д. Демократия и образование. М., 2000. с.134.

чтобы философию образования не сводили лишь к определенной области общей философии. В своей работе «Соотношение науки и философии как основа образования» Дьюи писал, что «философия образования является, в конечном счете, самой важной фазой философии, поскольку именно через образовательные процессы и получается знание, так как эти образовательные процессы не ограничиваются лишь одним приобретением знаний и соответствующих умений. Они направлены на интеграцию полученного знания с вынесенными из него проявлениями и отношениями»⁶⁸.

Джон Дьюи отмечал: «Философия приобретает значимость великих систем, когда ей удастся конденсировать в себе драматические действия людей и совпасть с ситуацией, на которую реагируют люди»⁶⁹.

Прагматизм, инструментализм, эмпиризм, натуралистический эмпиризм и транзакционизм – вот сменяющие друг друга названия того, чем занимался Джон Дьюи на протяжении своей научной деятельности. Еще в 1905 году Дьюи заметил: «Никогда не знал мифа, который может появиться так быстро, как «прагматизм». Если почитать его критиков, то можно предположить, что это была положительная система, выдвинутая на века в сотнях томов. Однако я протестую против укоренения и разветвления термина «прагматизм»⁷⁰.

Размышляя о необходимости философии образования, американский философ, педагог–реформатор Дж. Дьюи выступал противником того, чтобы отождествлять образование со школьным обучением. Он считал, что философия образования должна простираться за пределы любой идеи относительно образования, полученной в результате сравнения, реакции или протеста, поскольку она является попыткой обнаружить, что же на самом деле есть образование, и как оно происходит. Когда мы идентифицируем образование со школьным обучением, то кажется очень простым делом определение того, что же такое образование. В действительности же, все гораздо сложнее. Необходимость философии образования как раз и заключается, главным образом, в необходимости определения того, что же в действительности представляет собой образование⁷¹.

⁶⁸ Dewey J. The Relation of Science and Philosophy as the Basis of Education // Dewey J. On Education. Ed. By R.D. Archambault. The Univ. of Chicago Press. 1964. p. 16.

⁶⁹ Dewey J. Reconstruction of Philosophy, Boston 1948. p.7.

⁷⁰ Цит. По Jay Martin The Education of John Dewey A Biography, Columbia University press. New Yor, 2002, p.494

⁷¹ Dewey J. The Need for a Philosophy of Education // Dewey J. On Education. Ed. By R.D. Archambault. The Univ. of Chicago Press. 1964, p. 3-4.

Дьюи понимал, что без философствования, организующего мышление учителя, он не сможет стать ответственным учителем. Его философия образования выполняет очень важную функцию – функцию гида, интерпретирующего и осуществляющего каждый шаг его педагогической деятельности⁷².

В конце XIX века, критикуя традиционную школу гербартианского толка, игнорировавшую процесс личностного становления ученика, рассматривавшую его как объект воздействия и сосуд, который набивался готовыми знаниями. Дьюи предложил модель новой школы – школы активности, «мини-общество». Его школа призывала к демократии, сотрудничеству, взаимопомощи, совместному принятию решений и основывалась на общении в ходе значимой деятельности, учитывающей интересы конкретного ученика. В новой концепции школы Дьюи «ребенок становится солнцем, вокруг которого вращаются средства образования, он – центр, вокруг которого они организуются».

Ученики сами должны были принимать участие в планировании процесса обучения, учитель же превращался в старшего члена группы, призванного осуществлять компетентное руководство. Главнейшей задачей школы Дьюи, рассматриваемой им как своеобразный социальный центр, «зародыш общественной жизни», было развитие у детей навыков рефлексивного мышления и социального поведения. При этом школа была нацелена на подготовку активных, самостоятельных личностей. Дьюи считал, что общество станет более достойным и гармоничным, если школа пропитает члена своей маленькой свободной общины духом служения обществу и снабдит его средствами для творческой самостоятельности.

В рамках каждой философии образования заключена определенная теория учения, отражающая основные положения относительно человеческой природы, ее отношение к культуре. Педагогическая модель школы Дьюи противопоставляла «навязыванию извне – свободную активность; обучению посредством учителя и учебника – учение посредством опыта; приобретению навыков и умений путем механического заучивания и тренировки – приобретение их как средств достижения целей, имеющих жизненно важный смысл; подготовке к будущему – активную жизнедеятельность в настоящем, знакомство с окружающим миром»⁷³.

⁷² Chamberlin J. Gordon. *Toward a Phenomenology of Education*. Westminster Press. Philadelphia, p. 147.

⁷³ Dewey.J.*Experience and Education*. New York, copyright 1938 by Kappa Delta, Macmillan Publishing Company, 1963.,p.20. (92p.)

Дьюи делает акцент на развитие – «рост» личности учащегося. Метод проблем, разработанный Дьюи, послуживший оппозицией формальным ступеням обучения Гербарта, ставил ребенка в позицию исследователя, превращал его из пассивного слушателя и исполнителя в активного субъекта познания. Ученики учились ставить проблему, анализировать имеющиеся данные, выдвигали свои гипотезы, учились проверять их на практике, приобретали навыки рефлексии – обобщали свой опыт учения.

Знания и учебные предметы не рассматривались ученым как самоцель, они выступали средствами развития личности учащегося. В прагматической философии наука, научные понятия, законы, теории являются инструментами. Объективное знание науки у прагматистов подвергается сомнению, прикладная ее сторона абсолютизируется. Мышление, по Дьюи, должно быть направлено на последовательное решение проблем, порождаемых различного рода затруднительными для человека ситуациями. Потребность преодолеть эти затруднения и предполагало «подключение» мышления. В своей работе «Наброски по экспериментальной логике» Дьюи выражал твердую уверенность в том, что человечество сможет значительно улучшить свое социальное окружение, применив систему логического анализа экспериментального познания и практического суждения к мировому опыту⁷⁴.

На рубеже XIX–XX веков философия и педагогика прагматизма явились мощным инструментом реформирования американского образования. Понимая роль школы в формировании мировоззрения и жизненной позиции подрастающих поколений, Дьюи предложил сделать ее средством возрождения общества, объединяющегося вокруг школы. Школа Дьюи – «кооперативное общество небольшого масштаба», сколок социальной структуры. Дьюи считал, что главное назначение школы – дать детям возможность накопить успешный опыт жить в сотрудничестве.

У Дьюи «философия совпадает... с теорией образования, теорией Просвещения, является инструментом обучения людей разумности»⁷⁵. Стержневыми положениями философии прагматизма и основанной на ней педагогики явились следующие: понимание образования как «роста», причем процесс развития предстает как открытый, устремленный в будущее, а будущее во многом определяется результатами настоящего и намеченными перспективами; акцентируется возможность и важность рефлексивной реконструкции опыта как основной характеристики непрерывной реконструкции; внутренняя

⁷⁴ Dewey J. Essays in Experimental Logic. Chicago, Univ. of Chicago Press 1917, p.p.13-14.

⁷⁵ Н.С. Юлина, с 179.

взаимосвязь между демократией и образованием. Основной задачей философии образования Джон Дьюи видел в стремлении осмыслить и связать различные детали мира и жизни в единое целое, а значит – добиться полного, четкого и завершенного взгляда на опыт по возможности на мезо-, мезо- и микро-социальном уровнях.

Дьюи считал, что развитие у людей навыков, необходимых для принятия решений в демократическом обществе было бы мудрой подготовкой к будущему, помогло бы молодым людям грамотно участвовать в обдумывании и разрешении общественных проблем. Формирование критического мышления учащихся, экспериментального склада ума и умения анализировать, рассуждать, прогнозировать объявляются у Дьюи целевыми установками первостепенной важности.

Согласно Дьюи, школа должна опираться на интересы детей, а знание содержит как социальную, так и индивидуальную стороны. Оно является результатом активной деятельности. Школа становится динамичной системой, основанной на единстве духовного, интеллектуального и эмоционального. Опыт охватывает ребенка целиком – его тело и разум, его чувства и эмоции. Учебный план предстает не столько ориентированным на ребенка, сколько ориентированным на ребенка в обществе. Лишь в гармоничном сочетании логики учителя и психологии учащихся видел Дьюи залог успешной организации урока. Построение новой концепции «школы труда», «школы активности» Дьюи влекло за собой коренные изменения во всей педагогической системе. В работе Дьюи «Школа и общество» мы находим описание того, как поразил ученого тот факт, что вся школьная мебель конца XIX века предназначалась исключительно для сидения спиной друг к другу, была рассчитана на «школу пассивного слушания», мешала взаимодействию и блокировала общение. Ставя ребенка в центр педагогического процесса, объявляя развитие личности ученика более важным, чем усвоение готовых знаний, полученных от учителя, Дьюи придавал огромное значение активности ребенка в ходе познания, его самовыражению.

2.3. «Лабораторная школа» при Чикагском университете – уникальный педагогический эксперимент Джона Дьюи

Поворот Дьюи к педагогике предстал совершенно закономерным этапом в развитии его профессиональной карьеры. Исследование показало, что вопрос о смысле философии образования попал в центр проблемного поля американского ученого как раз в знаменитую чикагскую декаду его творчества. Надо признать, что для Дьюи педагогическая деятельность всегда представляла как поле анализа,

активной мыследеятельности и детального обсуждения. Думается, что сама обстановка в Чикагском университете, где педагогика в начале прошлого века изучалась в тесной связи с философией и психологией, во многом стимулировала желание американского реформатора воплотить свои представления об истинном образовании на практике.

Именно в Чикаго Джон Дьюи сумел проявить себя в деле, принесшем ему мировую славу не только в философских кругах. В 1896 г., в возрасте 37 лет, спустя два года после назначения Дьюи заведующим кафедрами философии, психологии и педагогики в Чикагском университете, имея уже за плечами определенный опыт преподавания на высшей ступени средней школы, докторскую степень по философии университета Джона Хопкинса, а так же десятилетний период работы на кафедре Мичиганского университета, ученый получил пост директора экспериментальной школы. Профессиональное мастерство Дьюи, огромный багаж знаний, привнесенный им в педагогику, во многом определили масштаб его эксперимента и последующих результатов.

Как отмечал У. Лодердейл, «сам факт существования Лабораторной школы при Чикагском университете, расположенной в живописных кварталах, есть в огромной степени наследие Дьюи. Но это наследие предстает еще более значимым, так как Дьюи сумел проверить свои идеи на практике в Лабораторной школе, продемонстрировав тем самым преданность идее, веру в то, что заботы об образовании заслуживают самого серьезного университетского исследования»⁷⁶.

Исследование показало, что Дьюи заинтересовался педагогикой еще во время своей работы в Мичиганском университете (1884–1894). Выпускник университета Вермонта, преподававший в старшей ступени средней школы, вернулся в университет чтобы изучать философию. В университете Джона Хопкинса, где царил атмосфера творческого научного поиска, ему удалось пройти курсы Джорджа Мида, психолога Г. Стэнли Холла, только что вернувшегося из европейской лаборатории Вунда. Благодаря Стэнли Холлу Дьюи был погружен в эксперимент и занялся изучением детства. Заняв с 1889 года кресло заведующего кафедрой философии в Мичиганском университете после смерти своего любимого профессора Морриса, он уже размышлял о статусе педагогики и роли обучения⁷⁷. Во многом ему помогала и дружба с философом Джорджем Г. Мидом, в то время занимавшимся разработкой инновационных тео-

⁷⁶ William.B.Lauderdale, *Progressive Education. Lessons from Three Schools. Diamond Jubilee Series.* 1981. Phi Delta Kappa Educational Foundation Bloomington, Indiana, p.27.

⁷⁷ Dykhuizen,G.John Dewey and the University of Michigan, *Journal of the History of Ideas:* 23,4,October-December, 513-14.

рий, соединяющих в себе изучение психических феноменов не просто как биологических реакций, а в контексте анализа человеческой реакции на окружение. Выводы Мида относительно того, что элементы окружающей среды во взаимодействии с мышлением могут менять человеческое поведение и процессы мышления, а также его размышления о «происхождении и природе «я»» побудили Дьюи заняться исследованиями познавательного процесса в педагогическом ключе. Еще в Мичигане Дьюи вошел в состав Клуба Школьных Учителей (The School Masters Club), начал выступать на школьных конференциях и в учительских институтах, даже написал две работы, касающиеся социальных функций философии, но имеющих практическое применение в системе подготовки учителя.

Педагогика Дьюи формировалась под влиянием европейской педагогической мысли. Тем не менее, Дьюи сумел занять свое собственное и очень достойное место на образовательной сцене ушедшего века благодаря своей Университетской Элементарной школе при Чикагском университете, ставшей феноменом международного порядка в движении прогрессивных школ XX века и получившей большое признание в Европе.

Дьюи признавался, что его педагогическое детище в определенной степени было связано с третьей волной европейской педагогической теории. Ученый заявлял, что его школа на протяжении своего существования стремилась «...воплотить в жизнь некоторые принципы, которые были впервые сформулированы именно Фребелем»⁷⁸.

Правда, анализ материалов архивов Лабораторной школы Дьюи при Чикагском Университете показал, что в аспекте организации школы Дьюи в большей степени опирался на опыт полковника Фрэнсиса У. Паркера, который с 1883 года осуществлял один из наиболее обещающих экспериментов в рамках движения городских чикагских школ (Cook County Normal School). На этот факт указывал в своем исследовании и голландский ученый Й.У. Бердинг⁷⁹, о результатах своего исследования коллега докладывал на Первой Приглашительной Европейской Конференции «Прагматизм и Образование», состоявшейся в 1993 году в Нидерландах. Существует мнение ученика Дьюи Уильяма

⁷⁸ Dewey, J. *The School and Society* (1899) / In John Dewey: *The Middle Works, 1899-1924*, vol. 1, edited by Jo Ann Boydston. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1976, p. 81.

⁷⁹ Berding, J.W.A. «John Dewey, Francis Parker and American Progressive education». *Tijdschrift voor Onderwijswetenschappen* 21 (1991): 228-42, discussed at the First European Invitational Conference on Pragmatism and Pedagogy, Oegstgeest, The Netherlands, December, 1993

Килпатрика о том, что если бы не было ни гербартианцев, ни Дьюи, то Паркер, если бы ни одно обстоятельство, сам бы переделал американские школы. Под этим обстоятельством Килпатрик имел, видимо, в виду то, что Паркеру не доставало теоретических знаний⁸⁰.

Широкие познания в области философии и педагогики как раз и обеспечили Дьюи возможность занять место ключевой фигуры в движении по реконструкции образования в Чикаго, в других регионах своей страны, а также и за рубежом. Следует учитывать, что педагогическое мировоззрение Дьюи в Чикагский период формировалось под влиянием многочисленных контактов с заинтересованными в реформе школы образованными родителями, филантропами и реформаторами. Ведь дети Д.Дьюи также вначале учились в школе Ф.Паркера. Пожалуй, следует разделить мнение Вестбрука о том, что благодаря всем этим связям и контактам Дьюи сумел начать и воплотить в жизнь и свой собственный эксперимент⁸¹.

По утверждению А.Фрэйли «Дьюи начал свою деятельность с переформулирования теорий, навеянных опытом Паркера» и «основал свою школу, используя методы Паркера и его последовательность в изучении предметов». Это позволило Фрэйли даже заявить, что «...Дьюи сумел реплицировать менее формально зафиксированную экспериментальную работу Паркера»⁸². Не вдаваясь в глубину предмета исследования Фрэйли о процессе взаимовлияния Паркера и Дьюи, однако включая его позицию в интеллектуальный фон исследования, хотелось бы также заметить, что образовательная практика Дьюи в неменьшей степени формировалась и под влиянием опыта европейских коллег. В работе «Педагогический меморандум» (1894), хранящейся в архивах Чикагского университета, Дьюи ссылается на положительный опыт Йены в попытке соединить усилия педагогической и психологической науки в деле образования и инноваций в школьной практике и, учитывая благоприятные условия в США, где не было жесткого контроля за деятельностью университета со стороны государства, ратует за создание экспериментальных площадок наподобие существующих в Йене⁸³.

⁸⁰ Kilpatric, W. (1939) Dewey's Influence on Education. In P.A. Shipp & L.E. Hahn (eds.) *The Philosophy of John Dewey*. LaSalle: Illinois, pp.452-453.

⁸¹ Westbrook, R. *John Dewey and American Democracy*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1991, p.96.

⁸² Fraley, A.E. *Schooling and Innovation: The Rhetoric and the Reality*. New York: Tyler-Gibson, 1981, p.45.

⁸³ Dewey, J. *Pedagogy Memorandum* (in *President's Papers. 1889-1923*) 1894, 3p. Box 17. Folder 11. Special Collection Research Center of the University of Chicago, Regenstein Library.

Ученый внимательно читал работы европейских коллег и следил за ходом европейской образовательной реформы рубежа XIX–XX веков. Архив Чикагского университета, раздел «Письма президента» хранит много любопытных материалов, касающихся переписки Дьюи с президентом университета У.Харпером, а также письма Ф.Паркера, анализ которых подтвердил, что европейский контекст был включен в поле зрения американских ученых, стремящихся реформировать школу гербартианского толка. К концу XIX века Дьюи резко критиковал существующие в США школы за низкий уровень обучения и формализм. В письме к своей жене Элис он писал: «Когда задумаешься над тысячами и тысячами молодых людей, на которых ежегодно не положительно, а в негативно разрушительном плане влияют чикагские школы, то этого становится достаточным для того, чтобы начать криками выражать свой протест на уличных углах, подобно Армии Спасения»⁸⁴.

Естественно, Дьюи понимал, что реформировать американскую школу возможно лишь в конструктивном диалоге со своими единомышленниками как в США, так и в Европе. Только так представлялось возможным найти оптимальный выход из существующего школьного кризиса. То, что и многие европейские педагоги–прогрессивисты XX века внимательно читали работы американского ученого, доказывает анализ переводов текстов Адольфа Ферьера, Овида Декроли и Петера Петерсона, в которых чувствуется заметное влияние философских и педагогических идей Дьюи. По–видимому, всех реформаторов начала XX века объединяла заветная мысль – сделать XX век веком ребенка, но история показала, что многим их надеждам так и не удалось осуществиться.

То, что Дьюи удалось сделать в его экспериментальной школе, кардинально изменило подход к методам обучения, активизировало учение, проблемные методы обучения, дало толчок демократизации школьной жизни не только в США, но и во многих странах мира, и, конечно, обеспечило Дьюи репутацию великого педагога.

Однако следует заметить, что Дьюи взялся за этот жизненный проект не как реформатор, он вовсе не считал себя педагогом. Ученый занялся педагогикой, как он признался в письме своей жене Элис, «главным образом, благодаря детям»⁸⁵. Дьюи очень внимательно следил за развитием своих детей. Что касается его сына – Морриса, то заботливый отец в деталях фиксировал все шаги его «роста». Этот малыш был удиви-

⁸⁴ Dewey to Alice Dewey, November 1, 1894; quoted in Westbrook, R. John Dewey and American Democracy. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1991, p.95.

⁸⁵ цит. по Louis Menand The Metaphysical Club, Farrar, Straus and Girous. John Dewey to Alice Chipman. Dewey, July 9, 1894, John Dewey's Papers, New York, 2001, p.316.

тельно одаренным мальчиком, и Дьюи восторженно отмечал его очень раннюю речь, и уже в 20 месяцев считал своего сына « комбинацией добродетели и чувства», « самым совершенством по отношению к миру...»⁸⁶. Дьюи признавался своей супруге, что он очень многому научился у своего маленького сына, который преподавал ему бесценные уроки. Моррис был первопричиной для создания собственной экспериментальной школы. Чикаго был второй причиной. Из переписки Дьюи с Элис видно, что уже через две недели после приезда в Чикаго он писал: «Чикаго – это место, которое заставляет тебя оценить предоставляемую тебе «хаосом» на каждом шагу абсолютную возможность... Это – абсолютная материя вне всяких стандартов»⁸⁷.

Дьюи ассоциировал город Чикаго с Лабораторией. Он предстал перед Дьюи живым учебником. Действительно, у Чикаго особый пульс и ритм, который завораживает любого приезжающего в это удивительное место на берегу красивейшего, динамично меняющего свой цвет, холодного озера Мичиган. Энергетика Чикаго фантастична. Не случайно, Макс Вебер, будучи проездом в Чикаго в 1904 году, сравнивал Чикаго с человеком, у которого содрана кожа до такой степени, что видно, как функционируют все внутренности.

А еще одной причиной создания школы как социального института - «общества в миниатюре», становится знакомство Дьюи в Чикагский период с Халл-Хаусом Джейн Аддамс (1860–1935). Ее философия образования, основанная на идее педоцентризма, кооперации и активности, общинности, стремление втянуть в образовательную среду простого человека и музейную педагогику во многом импонировала Дьюи. Трудно переоценить значение этого учебного заведения – сэттльмента в становлении и развитии демократической модели школы Дьюи и прогрессивного воспитания в целом. Мир узнал об этом заведении из брошюры ее основательницы, опубликованной в 1906 году под названием «Двадцать лет спустя в Халл-Хаусе» в одном из феминистских журналов. В 1990 году появилась книга «Сто лет в Халл-Хаусе»⁸⁸, в которой достаточно детально дана история появления этого заведения, а также отмечается активное участие Дьюи во многих инициативах этого «братства», простиравшегося, по выражению самого Дьюи «от ближайшего соседства ко всему миру».

⁸⁶ Ibid, p.319

⁸⁷ John Dewey to Alice Chipman. Dewey, July 12, 1894, John Dewey's Papers in Philosophy of John Dewey, ed. Paul Arthur Schilpp and Lewis Edwin Hahn, 3d edition. (La Salle, Illinois: Open Court, 1989, p.24.

⁸⁸ «100 Years at Hull-House»? edited by Mary Lynn, McCree Bryan and Alen F.Davis, Indiana University Press,1990.

Историк Чарльз Биард отмечал, что ни одно другое заведение в начале прошлого века не сумело внести столь существенного вклада в противодействие догмату индивидуализма и в дело восстановления социального принципа в теории цивилизации, как Халл-Хаус. Этот сеттлмент объединил вокруг себя таких известных интеллектуалов Америки того времени, как Чарльз Биард, Пол Дуглас, Уильям Чекери, Эрнст Кросби, Джон Дьюи и др. и сумел сыграть огромную роль в культурном ренессансе Чикаго, привлекая многих посетителей своим особым «интеллектуальным и эмоциональным ферментом», (по выражению англичанки Беатрис Вебб). Именно Халл-Хаус помог Джону Дьюи осмыслить идею новой модели школы как социального центра. Исследование показало, что Джон Дьюи состоял в комиссии попечителей сеттлмента, часто бывал в этом заведении – «реформированном аванпосте в трущовах Чикаго», ставшем впоследствии культурным центром, социально-педагогической службой, университетом и церковью для многих его посетителей⁸⁹.

Именно здесь Дьюи увидел образец того, как можно организовывать обмен мнениями и убеждениями не просто как атрибутами формальной дискуссии, что еще больше усиливает непонимание и фиксирует предрассудки, а придавая им человеческую форму и облекая их грациозно в атрибуты личной жизни. Общение в Халл-Хаусе давало ощущение коммунитарности. Позднее в своих работах Дьюи указывал на возможность и важность рефлексивной реконструкции опыта. «Пророк» и «старейшина прогрессивизма», Джон Дьюи сумел не просто ассимилировать, но и развил далее многие идеи своей соратницы по реформаторскому движению в образовании – Джейн Аддамс. В работе «Мое педагогическое кредо» (1897) ученый писал о том, что «педагогический процесс имеет две стороны: психологическую и социальную, и ни одна из них не может быть подчинена другой или игнорироваться, иначе возможны дурные последствия»⁹⁰.

Считая, что психологические и социальные стороны органически взаимосвязаны, Дьюи полагал, что задачей образования становится координация психологических и социальных факторов, результатом которой явится возможность индивида выразить себя, но таким образом, чтобы при этом он смог реализовать социальные цели.

Из архивных материалов Дома Халла (Hull-House) следует, что в нем на одном из этапов существования было зарегистрировано тридцать пять представителей мужского и женского полов, сумевших получить

⁸⁹ Addams.J (1981)Twenty Years at Hull-House. New York: A Signet Classic. P.XI.

⁹⁰ Dewey J. My Pedagogical Creed. The Collected Works of John Dewey, 1897, pp.84-95.

подготовку на уровне колледжа. Ранние публикации о Халл-Хаусе, под таким названием это заведение часто фигурирует в отечественной литературе, фиксируют уроки арифметики, геометрии, алгебры, греческого искусства, а также занятия, посвященные Овидию, Цезарю, Шекспиру, уроки английского сочинения, американской истории, политической экономии, биологии и физиологии. Инициаторы этого заведения верили, что через приобщение к красоте, искусству посетители сэттльмента – эмигранты смогут найти истинный смысл и ощутить в себе желание реализовать в себе творческое начало.

Дьюи разделял идею Джейн Аддамс о создании картинной галереи для эмигрантов – посетителей Халл-Хауса и гневно критиковал позднее в работе по эстетической философии «Искусство как опыт» роль музеев – символов гражданской гордости – лишь как демонстрации приобретенных промышленными баронами конца XIX века художественных коллекций, чтобы подтвердить количеством собранных полотен, скульптур свое высокое положение в сфере высокой культуры. Он сравнивал коллекционера с типичным капиталистом, укрепляющим положение в экономическом мире величиной своей собственности и связями⁹¹.

Не случайно, позднее, когда Дьюи уже открыл свою школу, в письме от 14 января 1897 года он ходатайствовал о предоставлении бесплатных билетов для своих учеников в залы известного Чикагского Художественного Института. Дьюи помогал Джейн Аддамс во многих ее демократических начинаниях. Уже в 1900 году Дьюи писал об образовательной миссии музеев в работе «Школа и общество», в его идеальной модели школы они играли важную роль как источники исследовательского познания. В диаграмме идеальной школы Дьюи музей помещен в центре, окруженный музыкальной комнатой и салоном искусства, а также биологической, физической и химической лабораториями, чтобы синтезировать в деятельности различные виды искусства и науки.

Дьюи писал: «...Искусство эпохи Возрождения было великим, поскольку оно выросло из жизненных ручных ремесел. Оно не возникло в какой-то особой среде, как нечто идеальное, а дошло до процессов, имеющих духовное значение, содержащихся в домашних и повседневных формах жизни. Школа должна обнаружить это отношение»⁹².

Полагаем, что и Джейн Аддамс и Джон Дьюи очень внимательно изучили подходы к организации сэттльмента Тойнби-Холл в Англии. Уважительно относясь к идеям Джона Раскина и Уильяма Морриса – английских коллег, инициаторы американского сэттльмента полагали,

⁹¹ Dewey, J. *Art as Experience*. New York, Perigree Books, 1934, p.9.

⁹² Dewey, J. (1900/1990). *The School and Society and The Child and the Curriculum*. Chicago. University of Chicago Press, pp.86-87.

что цель Халл-Хауса не должна ограничиться лишь миссионерскими и благотворительными начинаниями, как в начале интерпретировали их намерения постоянно крутящиеся вокруг заведения Джейн Аддамс репортеры. Одним из экспериментов Тойби-Хола в Лондоне, явилось проведение художественных выставок в «Народном Дворце» («Peoples Palace»). Перед тем, как картины художников попадали в Академию Художеств, они выставлялись напоказ для простых людей. И Аддамс, и Дьюи рассматривали возможность обеспечить доступ неимущим слоям населения к искусству как задачу, превосходящую во многом любой акт благотворительности. Именно поэтому, приобретя огромное количество репродукций известных шедевров живописи в Европе, Аддамс сумела создать свою картинную галерею Халл-Хауса, которая была помещена в построенное ею специальное здание. Более того, известно, что Элен Стар преподавала в сеттльменте уроки «Истории искусства» и даже стала инициатором создания организации под названием «Общество Искусства Чикагских Народных Школ» («Chicago Public School Art Society»).

Дать возможность эмигрантам «видеть и созидать красоту», обеспечить условия посетителям выразить себя через рисунок, скульптуру, различные поделки, сделать искусство важной составной частью образовательных программ Халл-Хауса – вот лишь некоторые штрихи Целевой программы Аддамс. Хотя Джон Дьюи и не столь часто читал лекции в Халл-Хаусе, он являлся одним из членов комиссии первых попечителей сеттльмента и бывал там довольно часто, чтобы встретиться и побеседовать с интересными людьми, обсудить самые разные проблемы.

Дочь Джона Дьюи, названная в честь Джейн Аддамс, писала: «Вера Дьюи в демократию, как ведущую силу в образовании, оформилась и обрела для него глубокий смысл благодаря Халл-Хаусу и Джейн Аддамс». Однако, нельзя не отметить, что это влияние было двусторонним. Рабочие сеттльмента, как и его основательница, также узнали удивительно много интересного и полезного от талантливого и готового к диалогу философа и педагога. В дневное время Хал-Хаус был наполнен клубной деятельностью, занятиями на уровне детского сада и многочисленными активностями.

Огромную роль в развитии эстетической линии программ сеттльмента сыграла Энелла Бенедикт (1858-1942), с мнением которой считался Дьюи. Эта женщина была инструктором чикагского института искусств, основательница и директор художественной школы Халл-Хауса (1893), в которой она преподавала вплоть до 1938 года. Джон Дьюи и Джейн Аддамс высоко ценили лекции по искусству, устраиваемые ею для простых рабочих, на которые приглашались именитые художники и скульпторы, например, Лорато Тафт. Тематика художествен-

ной гостинной состыковывалась с индивидуальными запросами окружающего сеттльмент населения и, конечно же, особыми талантами его резидентов. Например, в документах плана работы 1895 года зафиксировано множество лекционных занятий, клубных бесед, начиная от уроков алгебры и, кончая уроком поэзии Данте. Сегодня, спустя столетие, понимаешь, насколько новационными казались идеи Аддамс и Дьюи в конце XIX века относительно роли искусства вообще, а музея, в частности, для расширения границ образовательного пространства учащихся, если и сегодня – уже в XXI веке проблема активизации музейной педагогики сохраняет свою актуальность.

Театр, фотография, музыка, занятия спортом, главным образом, баскетболом, занимали в программах сеттльмента важное место. В архивах имеются записи особых гостевых лекций, прочитанных известными деятелями просвещения, например, лекция на тему: «Благотворительная Организация и ее функции» (Сет Лоу – президент Колумбийского университета); «Государственное сознание (чикагский врач Байард Холмс); «Сэр Томас Мор» (профессор Чарльз Зуэблин, Чикагский Университет) и другие. В архивных заметках значится и лекция на тему: «Эпиктет», прочитанная Джоном Дьюи. Римский философ – стоик–Эпиктет (ок.50 – ок.140.н.э) – бывший раб, получивший впоследствии свободу. «Беседы» Эпиктета, содержащие моральную проповедь, где в качестве основной темы значилась идея внутренней свободы человека, были написаны учеником древнего философа Арианом⁹³.

Опыт сеттльмента Халл-Хаус был очень полезен для Дьюи, и уже к 1894 году он имел четкое представление о своей будущей школе и решил перестать читать чистую философию, а начать преподавать ее через педагогику. Он писал: «В моем сознании все еще зреет образ школы – школы, где насущная и, в буквальном смысле, конструктивная деятельность станет центром и источником всего, в рамках которой в двух направлениях будет вестись работа: одно – это социальная сторона этой конструктивной индустрии, а второе – контакт с природой, поставляющей ей природные материалы. Я могу теоретически представить, как плотничье дело и т.д., связанное со строительством модели дома, должно стать центром социальной подготовки, с одной стороны, и научной, с другой стороны, и все – связанные воедино благодаря положительной, конкретной физической привычки видеть и работать руками. Школа – это одна из форм социальной жизни, которая абстрактна и контролируема, но напрямую связана с экспериментом, и если философия

⁹³ Dorothea Moore, «A Day at Hull-House.» American Journal of Sociology (March 1997), pp.620-632.

призвана быть экспериментальной наукой, то создание школы – ее отправная точка...»⁹⁴.

В 1896 году проблемы элементарной школы были в числе приоритетных в США, и вовлеченность философа в их решение вряд ли можно было считать эксцентричным занятием. В отличие от Уильяма Т. Харриса, суперинтендента государственных школ в Сент-Луисе в период создания школы Дьюи, представлявшего учебный предмет как набор фактов и принципов, подлежащих усвоению скорее с помощью усилия, нежели интереса, Дьюи имел свой взгляд на роль учебного предмета. Харрис делал упор на работу, а не игру. Дьюи же считал учебный предмет не только набором фактов, но и формой живого личного опыта. Уже на следующий год после основания своей школы ученый писал: «География – это не только набор фактов и принципов, которые могут быть подвергнуты классификации сами по себе; это также способ, с помощью которого реальный индивид осмысляет и может почувствовать окружающий его мир. И вначале должно быть последнее, перед тем как прийти к первому»⁹⁵. Дьюи упрекал Харриса за то, что тот поставил телегу впереди лошади, упрекал того в том, что в своем докладе Комитету Пятнадцати он совершенно игнорировал психологическую сторону в отборе содержания образования, четко следовал предметному принципу и не ставил во главу угла идею школы, учебного плана, ориентированного на ученика⁹⁶. Дьюи предложил различать изучаемое в контексте логического целого, от изучаемого в контексте психологического. Спустя немногим больше года, в январе 1896 Дьюи открыл свою Университетскую Элементарную Школу в Чикаго. Школа насчитывала всего шестнадцать детей, все в возрасте около 12 лет, и с ними работали всего два учителя. Это стало местной сенсацией. Обращаясь к родителям своих учеников, Дьюи выразил основную цель своей школы: путем проб, «делания», а не только обсуждения и теоретизации попытаться определить, «в каком объеме и какого содержания должен подаваться ребенку действительно необходимый ему материал из области знаний об окружающем его мире, о силах, действующих в этом мире, его исто-

⁹⁴ John Dewey to Alice Chipman. Dewey and Children, August 25-26, 1894, John Dewey's Papers

⁹⁵ Dewey J. The Psychological Aspect of the School Curriculum. Educational Review 13 (April), 1897:353-369.

⁹⁶ Harris, W.T. Report of Subcommittee on the Correlation of Subjects in Elementary Education. In Report of the Committee of Fifteen on Elementary Education (New York: American Book Co.), 40-49.

рическом и социальном росте, а также как создать ребенку возможность выразить себя в разнообразии художественных форм»⁹⁷.

Той же осенью, школа вновь открылась уже на новом месте – в ней было 32 ученика в возрасте от 6 до 12 лет и три учителя. Учитель истории и литературы – Клара Митчел была выпускницей Чикагской Нормальной школы и преподавала в ней некоторое время. Катарина Кэмп – преподаватель по науке, закончила Мичиганский университет и была специалистом в области учебного плана по науке в Праттском институте. Другие учителя помогали в обучении плотническому делу, работе с деревом, вели музыкальные занятия и физкультуру. Причем они преподавали не в ортодоксальной манере, а применяли методы обучения, характерные для прогрессивного воспитания, или «новой школы», в рамках которых дети обучались в ходе выполнения различных задач проблемного толка. Дьюи намеревался подражать естественным образцам учения, типичным для домашнего окружения, но в обстановке школы. Школа не была ограничена школьным зданием. Дети часто покидали школьную площадку для того, чтобы позаниматься в университетском спортзале, или «отправлялись на экскурсии в музеи, парки, сельскую местность, представляющую интерес с точки зрения природы и географии, или знакомились с отраслями производства в городе»⁹⁸.

В своем обращении в Педагогическом клубе 31 октября 1896 года Дьюи обозначил свою школу как «педагогический эксперимент». Все посетители школы отмечали, что, встречая их, ученый все время сетовал на то, что школе необходимо совершенно другое оборудование, приводил в пример химические и другие лаборатории, лаборатории медицинской школы университета Джона Хопкинса, так как Дьюи хотел претворить в жизнь предложение Гербарта о создании обстановки, в которой станет возможным проверить философские гипотезы относительно учения, поведения и социализации⁹⁹.

К 1902 году школа выросла до 140 учеников и имела двадцать три педагога и десять студентов – выпускников, работающих в качестве ассистентов. К этому моменту школа становится уже международной сенсацией. Она вошла в историю под названием «Школа Дьюи». Приезжающие посмотреть на нее педагоги из разных стран удивлялись, что

⁹⁷ Dewey J. *The School and Society*, Chicago, 1900, p.118.

⁹⁸ Mayhew and Edwards, Dewey, «*The University School*», and «*A Pedagogical Experiment*».

⁹⁹ John Dewey, «*The University School, Report of an Address by Head Professor: John Dewey Before the Pedagogical Club, Saturday October 31, 1896.*» *Universty Record*, Vol.Y,No.32, (Nov.6,1896), pp.417-419; «*A Pedagogical Experiment*», *Kindergarden Magazine* YIII (June 1896), pp.739-741.

можно «не тратить свое время на удержание естественных порывов и импульсов детей, заставляя их делать то, что им не хочется делать», а организовывать их в ходе интересной, конкретной и значимой для них деятельности, не пытаясь путем последних сил удерживать «кишащий муравейник»¹⁰⁰.

В работе «Ребенок и учебный план», датируемой 1902 годом, Дьюи писал, размышляя о роли учебных предметов в своей школе: «Нам предстоит обнаружить, что же заключено в сфере актуального опыта ребенка (или же набора элементов опыта, которые легко достижимы), что можно обозначить как географическое. Вопрос не в том, *как* (курсив Дьюи) преподавать географию ребенку, а прежде всего надо задаться вопросом, а *что* для ребенка значит география»¹⁰¹. Другая работа ученого «Школа как социальный центр», появившаяся также в 1902 году в материалах Национальной Ассоциации Образования, явно была реакцией ученого на увиденное в сеттльменте Джейн Аддамс и представляла собой попытку осмысления усовершенствования экспериментальной школы. В ней Дьюи говорит о Халл–Хаусе как о модели новой школы, к которой следовало стремиться. Ученый защищал идею о том, что задачей школы должна стать подготовка индивида, хорошо приспособленного к динамически изменяющемуся окружению. Школа, по мнению Дьюи, должна помочь растущей личности в интерперетации интеллектуального и социального смысла деятельности, в которую он вовлечен, скомпенсировав потерю авторитета как навязанного извне. Джон Дьюи был противником навязывания ребенку фактов и истин, а также подчеркивал, что вера в эффективность лишь интеллектуального обучения уже утрачена. Он подчеркивал, что основным мотивом в организации «Музея труда» при Халл–Хаусе было стремление его организаторов дать представление молодому поколению о трудовых умениях, искусстве и историческом смысле промышленных навыков старшего поколения – способов прядения, ткачества, обработки металла, уже ушедших из арсенала промышленной системы США. «Ребенок смог оценить ему до толе неизвестные прекрасные стороны своего отца или матери, в отношении которых у него уже наметилось некоторое отторжение. Пробудилась некая связь между историей и прошлой славой нации, что помогло

¹⁰⁰ цит. по Комаровский Б.Б. Педагогика Дьюи.Ч.1. Философские предпосылки. – Баку, 1926. с.11

¹⁰¹ Dewey,J. The Child and the Curriculum. University of Chicago Contributions to Education No.5 (Chicago University of Chicago Press), 1902.

укрепить и развить связь семейную» (пер. с англ. автора – Е.Ю. Рогачевой)¹⁰².

В этой работе уже начинают оформляться основные идеи Дьюи: идея практической интересубъектности, которая заняла прочное место в его философии образования, категория «опыт», теория коммуникативного действия, идеи демократии и «роста». В этом произведении Дьюи звучали призыв к сотрудничеству, кооперации, обозначалась необходимость осуществления непрерывного образования. «Школа должна обеспечить средства для объединения людей, их идей и верований с тем, чтобы уменьшить сопротивление друг другу и нестабильность, а также обеспечить глубокую симпатию и понимание»¹⁰³.

Школа Дьюи стала философской лабораторией, в то время как Халл-Хаус – социологической лабораторией. Дьюи хотел «...разработать в конкретной форме, а не в голове или на бумаге, «теорию единства знания»¹⁰⁴. В официальном названии школы – «Лабораторная школа», которое было дано ей Эллой Флэг Янг, отвечавшей за блок обучения в школе Дьюи, а потом ставшей суперинтендантшей всей Чикагской школьной системы, очень точно учтено намерение Дьюи. Американский исследователь Глен Смит отмечал, что многие технические приемы обучения Дьюи позаимствовал у Фрэнсиса Паркера, но именно благодаря своей жене и Элле Флэг Янг ему удалось оказать на мировое педагогическое сообщество такое огромное влияние, так как именно они ответственно и с энтузиазмом внедряли его идеи в практику Лабораторной школы¹⁰⁵.

Динамичная экспериментальная социальная атмосфера Чикаго, а также интеграция усилий университетских преподавателей, учителей школы, родителей, Джейн Аддамс – организатора селтльмента Халл-Хаус, членов Ассоциации Изучения Ребенка во главе с директором Нормальной школы Фрэнсисом У. Паркером принесла много положительных результатов».

Появление новой школы повлекло за собой необходимость подготовить педагога нового типа, способного быть тонким психологом

¹⁰² John Dewey, “The School As A Social Center”, Proceedings of the National Education Association, 1902, p.375.

¹⁰³ цит. Из “100 Years at Hull-House, edited by Mary Lynn, McCree Bryan and Alen F.Davis, Indiana University Press, 1990, p.107.

¹⁰⁴ John Dewey, The Theory of the Chicago Experiment, (1936) the Later Works, 1929 –1953, ed.by Ann Boydston (Carbondale, Southern Illinois University Press, 1981-1990, vol.11, p.204

¹⁰⁵ Smith, L.Glenn, Lives in Education People and Ideas in the Development of Teaching. Educational Studies Press, 1984, Iowa State University.p.276 (380 p).

и организатором различного вида деятельности, активности ученика, свободного от догматического мышления и обученного рефлексии.

Дьюи не хотел делать из своей школы институт по подготовке учителей. Более того, рядом с Чикаго находилась и известная школа полковника Фрэнсиса Паркера (the Cook County Normal School), где Дьюи читал расширенный университетский курс по психологии в рамках разработанной Паркером программы по подготовке учителей, основанной на практико-ориентированном подходе, включая даже полевую практику. В замыслы Дьюи не входило ни делать из своей школы психологическую лабораторию, ни ставить эксперимент в области содержания образования, тестирования интеллекта. Он разрабатывал теорию единства знания и делания. Поэтому образование в его школе основывалось на идее о том, что знание является побочным продуктом деятельности. Именно этим объясняется интерес Дьюи к проектной деятельности в школе, но его подход всегда направлялся на соединение логики учителя с психологией учеников. То, что изучалось, должно было быть полезным, значимость была встроена в саму систему. Школа должна была стать активной жизнедеятельностью в настоящем, а не только подготовкой к будущей взрослой жизни.

Наиболее яркими исследователями школы Дьюи явились ее бывшие педагоги Катарина Кэмп Мейхью и Эн Кэмп Эдвардс. Именно ими написана книга «Школа Дьюи», где раскрывается история экспериментальной площадки ученого¹⁰⁶. В книге приведена хроника всех достижений школы, «детальный и обширный отчет», по словам Кремина, вплоть до 1904 года. Благодаря усилиям этих энтузиастов, глубоко заинтересованных делами своего экспериментального учреждения, многим исследователям наследия Дьюи удалось вынести четкое представление об истории школы как при Дьюи, так и после его ухода в 1904 году и отъезда в Педагогический колледж Колумбийского Университета в Нью-Йорке. В книге представлена история школы до 1936 года.

Другая фундаментальная работа американской исследовательницы Л.Тэннер «Лабораторная школа Дьюи: уроки для будущего» (1997) не была нацелена на продолжение исторической линии школы, а скорее, содержала вопрос: «Чему можно научиться у Дьюи и его экспериментального коллектива в решении все тех же вечных проблем, над кото-

¹⁰⁶ Mayhew, Katherine Camp & Edwards Anna Camp, The Dewey School, the Laboratory School of the University of Chicago, 1896-1903 with introduction by John Dewey, New York, London, D.Appleton – Century, 1936.

рыми и сегодня педагоги ломают голову?»¹⁰⁷ Эта работа выполнена на волне открытия педагогики Дьюи заново.

В архиве школы Дьюи остались записи обсуждений проблем школы Дьюи. Так, среди них – проблема создания школы как сообщества исследователей, важность регулярной педагогической рефлексии, идея интеграции, проектная работа и др. Школа Дьюи стала своего рода пионером в движении Чикагских Лабораторных школ, которые «стали не только началом прогрессивного движения в образовании, но и руководствовались главным тезисом всей философии Дьюи – подконтрольность любых аргументов относительно мира опыту этого мира, тестирование любых идей в работе перед их принятием или отвержением, в том числе методик образования»¹⁰⁸. Всё это сохраняет актуальность и сегодня.

В документе под названием «План организации университетской начальной школы», Дьюи изложил суть своей проблемы и цели школы. Считая важнейшей задачей образования «координацию психологических и социальных факторов», ученый требовал создать условия для того, чтобы ребенок мог «выразить себя», однако таким образом, чтобы реализовать общественные цели. В разделе «Социологические принципы» Дьюи отмечал, что школа – учреждение, в котором ребенок в течение определенного времени должен жить, становясь членом общественной жизни, ощущая себя участником, а также вносящим свой вклад в общее дело¹⁰⁹.

В разделе «Психологические принципы» Дьюи отмечал, что ребенок – это, прежде всего, действующее, самовыражающееся существо, и, как правило, знание и чувство связаны действием. Дьюи считал, что активность ребенка нельзя считать чисто психической или же чисто физической, она включает в себя мысленные образы, представления посредством движения. Более того, для Дьюи ребенок, как существо социальное, соответственно и социально выражен. Язык, например, будь то речь, письмо, или чтение не являются, главным образом, выражением

¹⁰⁷ Laurel N.Tanner Dewey's Laboratory school. Lessons for Today, forward by Philip W/Jackson, Teacher's College, Columbia University, New York and London, 1997

¹⁰⁸ Л.Е.Павлова. Исследование как кредо жизни и философии./послесловие к Джон Дьюи. Реконструкция в философии. Проблемы человека/пер.с англ. – Л.Е.Павловой. – М.; Республика, 2003, с.458. (всего 494 с.)

¹⁰⁹ Dewey J. Plan of Organization of the University Primary School. Special Collections Research Center The University of Chicago Library. University President's Papers. Box30 Folder 23 (26 p)

мысли, а скорее предстают как социальное общение–коммуникация¹¹⁰. Дьюи требовал, чтобы школа воплощала в себе подлинную жизнь общины и концентрировала внимание на отдельном ребенке, давала ему возможность выразить свои способности, привычки и соответствовала его нуждам. Школа должна была воспроизводить жизнь для ребенка столь же насытно, сколь и его деятельность в семье.

Как отмечает Л.Тэннер первые два года функционирования школы Дьюи стали важным уроком относительно проверки педагогических идей. Пришли к мнению о необходимости привлечения квалифицированных специалистов для ведения различных предметов, а также к группированию разновозрастных детей. Дьюи считал, что от того, что общение происходит среди детей разных возрастов, оно лишь выигрывает. Старшие дети учатся нести ответственность за младших. Выступая перед родителями, Дьюи пояснял: «Различными способами мы стремимся сохранить дух семьи в школе, и не стремимся развивать чувство изолированности классов и групп»¹¹¹. Дети всех возрастов в школе Дьюи посещали вокальные ансамбли, всем группам сообщались успехи учеников из других групп. Половину недельной нагрузки дети старших групп отводили на помощь младшим детям, особенно в конструировании предметов наглядности, хотя на практике не все принципы удалось реализовать в полной мере. К 1898 году в Лабораторной школе было 11 групп в возрасте от 4 до 15 лет. Группы были пронумерованы. В Группу 1 вошли дети в возрасте 4-х лет, а в Группу 7 – дети 10-ти лет. Первоначальная идея не сработала. Может быть, как считает Л. Тэннер, это нельзя относить к ошибкам школы Дьюи, поскольку они привели к изменению практических шагов и взглядов. Однако, именно в эти годы появилось четкое представление о связи двух измерений в содержании образования, а также в разработке учебного плана, который предстал в значительной степени большей абстракцией, чем пытался его представить сам Дьюи¹¹². В то же время, надо отметить, что в школе учителя старались отталкиваться от знакомого к неизвестному, детское воображение использовалось как источник. Дети любили пускаться в ход свое воображение в самые обычные моменты жизни. Они мечтали в контексте представлений о мамах и папах, бабушках и друзьях, о лодках и двигателях, о романтической жизни на ферме и на ранчо, о побережье морей и океанов, о горах и, наконец, о таких профессиях как профессия

¹¹⁰ Ibid, p.3-4.

¹¹¹ Dewey, J. *The School and Society*. First Edition. (Chicago University of Chicago Press). 1900, p.127.

¹¹² Laurel N. Tanner *The Meaning of Curriculum in Dewey's Laboratory School (1896-1904)*// *Curriculum Studies*, 1991, vol. 23, No. 2, P.107 (101 –117)

учителя¹¹³. В поисках оптимальной формы организации занятий ребенка, его активностей, у Дьюи можно найти лишь идею цивилизационной темы («civilizational theme»). В начале своей деятельности весь коллектив школы пытался найти наиболее подходящие формы организации школьной жизни. В логике критики ряда экстремистских взглядов педагогов по организации школьной жизни Дьюи уже к 1900 году узнал на практике в своей школе много нового об интересах ребенка. В серии, состоящей из девяти монографий о деятельности Лабораторной школы, Дьюи отразил свои представления об интересах ребенка. Он признавал, что детям присущи все виды интереса – хорошие и плохие, временные и постоянные. В школе Дьюи виды деятельности, осваиваемые детьми, касались отношений человека к миру, в котором он живет, пищи, которую он добывает, одежды и жилища, которые он строит для себя. Они проявлялись и в более высоких духовных устремлениях учащихся. В ходе занятий дети учились абстрагироваться. Так, например, изучая фермерское дело, шестилетние дети просто изображали, что делают люди, как они ухаживают за другими обитателями фермы. Дети семи лет уже рассматривали аспект фермерской жизни с точки зрения исторической значимости фермы в развитии человеческого общества, делали упор на эффективности фермерского хозяйства в современной социальной жизни. Дети изучали орудия и изобретения, связанные с фермерским хозяйством, как это изобретение помогало справляться с природными силами, неподдающимися управлению со стороны человека ранее.

Например при изучении географии, пока учащиеся Группы II лишь вскользь говорили о физических характеристиках земли в контексте моделей проживания (их собственный опыт жизни на холмах, равнинах, в лесах), дети из Группы III изучали поверхность Земли в плане соответствия местонахождения каждому виду занятий людей. Дети в своем воображении путешествовали в поисках наилучшего места. В то же время на своих картах из глины и песка, дети все время добавляли новые земли, пока, наконец, им не была предъявлена, по выражению Дьюи, «...типичная картина части поверхности земли, на которой в различных очертаниях горы, возвышенности, долины рек и моря связывались друг с другом и видами человеческой деятельности»¹¹⁴.

Учебный план экспериментальной школы Дьюи содержал два изменения: различные виды деятельности (со стороны ребенка) и логически организованные единицы предметного содержания: химия, физика, био-

¹¹³ там же.

¹¹⁴ Dewey J. General Principles of Work, educationally considered. Elementary School Record (February): 1900, p. 23 (12-25).

логия, математика, история, иностранный язык, литература, музыка, физкультура (со стороны учителя)¹¹⁵, что опровергает утверждение о том, что Дьюи полностью отошел от предметного принципа и сосредоточился на программе, состоящей целиком из проектов. Однако, учебный план школы Дьюи не следует считать синонимичным проектам.

В своей экспериментальной школе Дьюи уделял большое внимание и музыке и живописи. В Архиве Чикагского университета имеется «музыкальная коробочка» («music box») ученицы Ирэны Тафт – дочери коллеги Дьюи, члена факультета философии, педагогики и психологии, ставшего вице-президентом университета в период между 1923 и 1925 годами. В таких музыкальных копилках ученики школы Дьюи собирали музыкальные работы – дети сочиняли стихи и писали к ним музыку. В копилке Ирэны имеется песенка, сочиненная девочкой для Хэлоуина (Halloween) осенью 1902 года, а также «Песенка про то, как Робин Гуд спас Маленького Джона», написанная весной 1902 года. Здесь же мы находим «Пионерскую песню», датируемую ноябрем 1904 года¹¹⁶.

В своей школе Дьюи уделял огромное внимание занятиям ручным трудом, имеющим непосредственное отношение к повседневной жизни учащихся: работа в мастерских – слесарное дело и обработка дерева; кулинария и работа с тканью (шитье и прядение). В этих занятиях принимали участие все: и девочки, и мальчики. С помощью вопросов учителя и его предложений ученики как бы заново изобретали простейшие орудия для прядения шерсти; эксперимент и открытия продолжались до тех пор, пока ученик не осознавал принципа работы современного ткацкого станка. На протяжении всего периода учебы дети изучали в достаточном объеме материал по искусству, науке и истории¹¹⁷.

В экспериментальной школе Дьюи дети изучали три этапа развития промышленности, оценивали вклад механических приспособлений для обработки сырья и превращения его в одежду. Изучая фабричное производство, они сравнивали простейшие машины с более сложными, исследовали механику и физику, делали математические расчеты. Дети развивали идеи, которые впоследствии применялись в изучении экономики,

¹¹⁵ См. Е.Ю.Рогачева Педагогический эксперимент Джона Дьюи и его значение для будущих учителей// История педагогики как учебный предмет. Учебное пособие (международный опыт) под ред.К.И.Салимовой, М.: Роспедагентство, 1996 с.127 (121-131)

¹¹⁶ The Herbert Mead's Papers. Box 8, folder 8. A Music Box of Irene Tufts (Dewey School) 1902-1904,Special Collections Research Center. The University of Chicago Library.

¹¹⁷ W.Boyd, E.J..Ring, eds., The History of Western Education, London, 1975, p.402.

делали ее понятной для учеников. Они разбирались в химических процессах, сами готовили сырье, изучали крашение и учились отпаривать ткани. Так, по отзывам учительницы Алтеи Хармер, ведущей занятия по текстилю, детям страшно нравились все эти виды деятельности. Она приводит пример с изготовлением одеял (Novajo blankets), которые семилетние девочки мастерили дома по собственным образцам. По мнению ребенка, как отмечала учительница, процесс представлял для него «прежде всего как изготовление вещей с помощью плетения и т.д.; он как бы был занят деланием того, что было созвучным его чувству, восприятию, воображению, суждению, и ручному умению, становился включенным в деятельность, представляющую для него интерес»¹¹⁸.

В ходе своего «педагогического эксперимента» Дьюи подтвердил ряд своих предварительных предположений. Например, что касается стадий развития ребенка, он обозначил три из них. Первая – от 4 до 8 характеризовалась моторной активностью и требовала прямой связи между идеей и действием. Предметное содержание на этой ступени не должно было выстраиваться в виде уроков, а осваивалось в ходе различного рода конструктивных активностей. На второй стадии – от 8 до 11-12 лет, когда пытливый ум ребенка ищет ответа на многие вопросы, старается искать объяснение многим фактам и идеям, деятельность ученика должна становиться скорее исследовательской, нежели чисто направленной на конечный продукт деятельности. Ребенок уже тянется к книгам в поисках интеллектуальной пищи. Именно изучение различных профессий и научных изобретений человека заставляет, по мнению Дьюи, использовать чтение, письмо и математику. Ученый обосновывал, что на третьей стадии, ребенок уже готов выполнять задачи средней школы. К 13 годам, как он считал, ребенок уже может специализироваться с целью реализации своих технических и интеллектуальных возможностей как в определенных научных областях, так и искусстве¹¹⁹.

Однако, как признавался сам Дьюи, создание учебного плана, выходящего на два измерения – логическое и психологическое, стало очень сложным делом. Годами позже, уже в 1936 году, осмысляя свой опыт в экспериментальной школе, ученый писал: «Решение этой проблемы чрезвычайно трудное дело; нам не удалось его найти и, наверное, во всей полноте своей этого достигнуть невозможно»¹²⁰.

¹¹⁸ Hammer, A. Textile Industries. Elementary School record (April): 1900, 71-81.

¹¹⁹ Dewey, J. Psychology of the Elementary Curriculum. Elementary School Record (December), 1900, p. 232 (221-232).

¹²⁰ Dewey, J. The Theory of the Chicago Experiment. In K.C. Mayhew and A.C. Edwards, The Dewey School (New York: D. Appleton-Century Company), p. 469 – (463-477).

Правда, как считает Л.Тэннер ученый скромно недооценил вклад своей экспериментальной школы в решение столь важной для педагогической науки проблемы. Это было столь же плохо, сколь если бы он переоценил этот вклад. Поскольку, как считал сам Дьюи, учебный план, содержащий два измерения, всегда находится в процессе делания, выступает как нечто открытое, он никогда не может предстать как нечто окончательно завершённое. Не случайно исследователь приходит к выводу о том, что Дьюи удалось сконструировать учебный план очень высокого качества, усматривает явно недооценку Дьюи значения своей экспериментальной школы¹²¹.

Результаты исследования записей учителей школы Дьюи, фотографий его классной комнаты, снимков, отражающих виды занятий учеников, изучение многочисленных работ студентов – явное подтверждение как высокой оценки Л.Тэннера, так и аргументы для собственных выводов.

Чикагский период оказался очень плодотворным для Дьюи, им было наработано много интересного, но он был омрачен и трагическими потерями. Во время поездки в Европу, Дьюи потерял своего любимого сына Морриса. Он заболел в Германии дифтерией и скончался в Милане 12 марта 1895 года в возрасте чуть более двух с половиной лет. А позднее в возрасте 8 лет умирает и второй сын Гордон. Джейн Адамс устроила поминальную службу в Халл-Хаусе по поводу этого печального события. Как вспоминала дочь Дьюи – Джейн Дьюи, названная в честь Джейн Адамс, эти потери были слишком тяжелы для семьи Дьюи. Судя по письмам Дьюи, написанным позднее, свет в его глазах был надолго утрачен.

В 1904 году Дьюи пришлось пережить еще одну потерю. В 1901 году президент Харпер объявил, что элементарная школа полковника Паркера и учительский институт войдут в состав Чикагского университета. Культовая фигура того времени в академических кругах, Фрэнсис Паркер прибыл в университет со своим патроном – Анитой МакКормик Блейн, подарившей его школе один миллион долларов. Остается деликатным вопрос, каким образом Паркер смог бы занять то же самое пространство в институциональном и в финансовом плане, что и Дьюи, однако проблема разрешилась по причине неожиданной смерти Паркера. По предложению Дьюи, элементарную школу Паркера слили с Лабораторной школой Дьюи, и, более того, на Дьюи были возложены обязанности и по школе, и по всем остальным аспектам университетского образования, включая Педагогическую школу, кафедру педагогики, высшую ступень средней школы и школу ручного труда.

¹²¹ L.N.Tanner Dewey's Laboratory School, p. 113.

Назначение Дьюи своей супруги на должность директора Лабораторной школы, а также его требование, чтобы она руководила и объединенной школой, вызвали протест у бывших коллег Паркера. Слухи дошли до президента, и тот ошибочно погрузил во все разговоры Аниту Блейн, дав ей обещание, что через год уберет супругу Дьюи с поста директора школы. Без всякого уведомления, ровно через год, в момент отъезда Дьюи, Харпер вынудил Элис уйти в отставку. Вернувшись, Дьюи не захотел ни минуты работать под началом человека, который нанес ему «удар в спину».

«...11 апреля 1904 года Джон Дьюи незамедлительно подал в отставку со всех университетских постов. На его руках было четверо детей и никаких других источников дохода. Опомнившийся президент Харпер понимал, что теряет звезду, пытался принести Дьюи свои извинения и просил о встрече. Но Дьюи был непоколебим, он верил в друзей и уже отправил им письмо в Нью-Йорк, сообщив о своей отставке. Тогдшний президент Коллумбийского университета – Николас Маррей Батлер предложил Дьюи место профессора философии в Педагогическом Колледже университета»¹²².

Конечно, Дьюи очень сожалел о потере своей школы, и когда позднее в 1936 писалась его бывшими учителями история Лабораторной школы, он внимательно руководил ее составлением. Имя президента Харпера в ней не появилось. Радостно встреченный друзьями – Кэттеллом и Торндайком – ученый прожил на 5-й Авеню в Нью-Йорке всю свою оставшуюся жизнь – 48 лет. Он никогда не занимал больше административных постов в университете и никогда не оглядывался назад. Дьюи жил семейными заботами, много путешествовал, писал книги и готовил для всего мира педагогические кадры, что и обеспечило ему высокое звание «учителя учителей».

2.4. Концепция подготовки учителя Джона Дьюи и его роль в реформе педагогического образования в США

Джон Дьюи видел в учителе организатора различного вида деятельности, гида и помощника, тонкого психолога, поэтому коренным образом менял роль учителя; он превращался в консультанта, организатора практической значимой для ученика деятельности. Педагог должен был иметь хорошую психологическую подготовку, а его основная задача

¹²² Louis Menand The Metaphysical Club, Farrar, Straus and Giroux, New York, 2001, p.333.

состояла в том, чтобы помочь учащимся познать себя, создать для этого условия и устранить ситуации, мешающие росту личности учащихся. Истинное воспитание для него не есть что-то накладываемое извне, а «рост», развитие свойств и способностей, с которыми человек появляется на свет. Считая, что личный интерес ребенка служит побудительным мотивом познания, Дьюи утверждал, что ученик сам в определенной степени должен определять как количество, так и качество обучения.

В работе «Демократия и образование» Дьюи говорит о том, что воспитание заключается, прежде всего, в передаче опыта в ходе общения. Он считал, что социальная среда обладает воспитывающей, формирующей силой настолько, насколько индивид участвует в какой-либо «общественного вида» деятельности, знакомится с ее целями, овладевает способами ее осуществления. Именно поэтому он предлагал преобразовать школу в специально организованную среду, общество в миниатюре, своеобразный его слепок, обладающий еще большей воспитывающей и обучающей силой, чем естественная среда. В этих условиях задачей учителя становилось опосредованное воздействие на учеников через обучающую среду. Рассматривая школу как своеобразную модель общества, Дьюи был уверен, что с ее помощью можно разрешить многие социальные проблемы. Учёный считал, что «пальма мира» находится в руках учителя, и воспитательным путем можно разрешить все важнейшие мировые проблемы. Школа, учитель – первое средство, с помощью которого ценности, которыми дорожит любая социальная группа, цели, к осуществлению которых она стремится, распространяются и доводятся до сознания и воли личности.

Система педагогического образования США во второй половине XX века представляла довольно пеструю картину. Вплоть до 80-х годов XIX века учителей готовили нормальные школы трех типов – государственные (state normal schools), городские (city training schools) и частные (private normal schools). В нормальных школах всех трех типов, главным образом преобладал академический вариант программы. Педагогическая школа не удовлетворяла растущие запросы американского общества ни в количественном, ни в качественном аспектах. Открытые в США позднее, чем в России и Германии, но почти одновременно с Англией первые специальные учебные заведения – нормальные школы – обеспечивали чрезвычайно примитивную профессиональную подготовку учителю, сводившуюся к изучению материала элементарной школы и методике его преподавания. Хотя постепенно уровень образования в системе нормальных школ начал повышаться, до XX века они по-прежнему оставались средними учебными заведениями. Давая будущему учителю «чистые основы» и методику, они не обеспечивали должной психолого-

педагогической подготовки, в них не уделялось внимания изучению психологии ребенка. Пронизанная идеями И. Гербарта и его последователей, педагогическая школа США отличалась пассивностью методов обучения.

Нормальные школы конца XIX века давали разнообразные степени своим выпускникам: Бакалавр дидактики, Бакалавр научной дидактики, Директор педагогики (Principal of Pedagogics), Магистр наук, профессиональный учитель (Master of Arts and Professional Teacher) и т.д. Хотя нормальные школы конца XIX века и считали своей задачей иметь школу–модель (model school), практическую школу (practical school), тренировочную школу (training school) – именно под такими названиями фигурировало это заведение в тот период, вплоть до 1895 года далеко не все нормальные школы обеспечивали организацию педагогической практики. По данным М. Холмса на 1906 год, три из девяноста трех нормальных школ не обеспечивали студентам педагогической практики¹²³.

Городские нормальные школы, например, в Сэн-Луисе, Сэн-Франциско, учрежденные в 1857 году, а также чуть позднее в Бостоне (1852), Нью-Йорке, Бруклине, Чикаго, Нью-Орлеане обеспечивали чуть большую подготовку, чем пятый год средней школы. Она состояла, главным образом, из курсов по педагогике, курса «Наблюдение» («Observation») и педагогической практики. Вплоть до начала XX века в США господствовал академический вариант нормальной школы, согласно которому поступившие, в основном, совершенствовали знания по предметам программы элементарной и средней школы. Лишь мизерную часть курса обучения составляли предметы профессионально-педагогической подготовки. Курс «Принципы обучения» предполагал самостоятельное прочтение трактата «Теория и практика обучения» Пейджа с комментариями педагога, анализирующего свой опыт и предлагающего решение тех или иных проблем, Кроме того изучался курс «История педагогики», представленный в виде обзора образования в Европе и очень мало касающийся местных условий. Эти курсы подвергались критике со стороны колледжей и университетов. Следующая за ними «Педагогическая практика» являлась не только отличительной чертой, дифференцирующей нормальные школы от академий, но и определяла подготовленность кандидата к преподаванию. До XX века этому компоненту уделялось очень мало внимания.

Лишь две школы выделялись из школ этого типа: школа в Нью-Йорке, где курс обучения охватывал два года вместо обычного одного, а также знаменитая школа в Чикаго, президентом которой был Фрэнсис

¹²³ Mead A.R. Supervised Student Teaching Basic Principles. – Richmond: Johnson publishing Company, 1930. – p.66.

Паркер¹²⁴. В начале XX века в США предпринимались попытки создать педагогические отделения или ввести курсы чисто профессиональной направленности с целью подготовки учителей средней школы. В этом немалая заслуга американского педагога и психолога С. Холла (1846-1934). Первым педагогическим университетским отделением в США стало отделение при университете Айова, основанное в 1893 году¹²⁵. Если в 1884 году подобных отделений было всего шесть, то к 1902 году их насчитывалось уже 247¹²⁶.

Программы профессиональной подготовки учителя в рамках педагогических отделений были крайне дифференцированными. Профессиональные курсы, предлагаемые в университетах к началу XX века, можно было классифицировать по четырем основным направлениям: 1. философские; 2. исторические; 3. курсы по организации и руководству; 4. курсы по частной методике. В рамках первого выделялись курсы по «Основам педагогики» («Educational Foundations»); «Философии воспитания» («The Philosophy of Education»), «Принципам обучения»; «Общей педагогике» («General Pedagogy»); «Теории воспитания»; «Целям воспитания»; «Педагогической этике». Второе направление было представлено помимо курса «Общей педагогики» еще и курсами «Истории педагогики» (на материале отдельных стран, таких как Греция, Рим, Германия, Англия и классиков воспитания); «Развитие американской школьной системы»; сравнительным курсом, связанным с анализом различных национальных систем¹²⁷. Следует отметить, что в организации теоретических курсов не было единства. Под названием «Методика» предлагались самые разные курсы, главным образом повторявшие программу средней школы. Каждый предмет учебного плана средней школы изучался в ряде университетов, причем курсы читались преподавателями, связанными с академическими отделениями колледжей. Помимо перечисленных курсов в рамках педагогических отделений читались курсы по школьной гигиене, педагогической психологии, педагогике, хотя это брали на себя представители отделения психологии. Состав, содержание и организация курсов в университетах и колледжах отличались, так как различались их целевые установки.

¹²⁴ Dexter E.C. A History of Education in the United States. – New York: Macmillan Co., 1904. – p. 385.

¹²⁵ Forest F. Fifty Years of Education in the University of Iowa. University Of Iowa Extension Bulletin. – Oct. – 1923. – p.14.

¹²⁶ Dexter E.C. A History of Education in the United States. – New York: Macmillan Co., 1904. – p.386-387.

¹²⁷ Dexter E.C. A History of Education in the United States. – New York: Macmillan Co., 1904. – p. 387-388.

Дьюи критиковал традиционную систему подготовки учителя, он хотел преодолеть догматический склад учителя и формировать рефлексивную культуру педагога, в то время как традиционная система подготовки учителя выпускала учителя – предметника. Время требовало не только непревзойденного мастера своего дела, прекрасно владеющего педагогическим и психологическим знаниями, но и личности, пронизанной глубоким стремлением к общественному прогрессу. Дьюи, а также другие педагоги-прогрессивисты (Ч. Эллиот, Д. Рассел) выступали за создание независимой педагогической университетской школы.

Под «профессиональным знанием» Д. Дьюи понимал необходимость для учителя знать как можно больше о ребенке, процессе учения и его механизмах (психологическая психология и педология), о прошлом и настоящем практики преподавания как в стране, так и за рубежом (история педагогики и сравнительная педагогика), об организации школьного дела, об отношениях школы к учителю, учащемуся и обществу. Надо отметить, что выделяя в образовании учителя четыре компонента (общая культура, специальная подготовка, профессиональные знания и техническое мастерство), Д. Дьюи делал основной упор на двух последних.

Историко-педагогическое знание, по мнению Дьюи, должно было занимать важное место в профессиональной подготовке учителя. В фото-файлах архива Чикагского университета имеется фрагмент методической разработки Дьюи для работы над темой «Современная немецкая педагогика», («Modern German Pedagogy») ¹²⁸, датированной 17 февраля 1897 года, в которой содержатся его указания для студентов. Дьюи требовал, чтобы «студенты везде, где возможно, опирались на оригинальные тексты немецких авторов». Так, к примеру, в инструкции по изучению Эпохи Возрождения Дьюи выдвигает в качестве необходимых требований следующие: во-первых, важные события из жизни того или иного автора должны осмысливаться с точки зрения того, какое влияние они оказали на создание их педагогической теории и практики;

во-вторых, студенты должны были четко выделить вклад того или иного автора в развитие педагогики;

в-третьих, осмысление каждой персоналии должно идти согласно предлагаемой Дьюи схеме. Это было продемонстрировано на примере изучения Песталотци. Материал должен базироваться на трудах Песталотци «Метод» и «Как Гертруда учит своих детей». Дьюи предлагал остановиться на указанных моментах. 1. Основные события жизни.

¹²⁸ Dewey, J. Work of Class in Modern German Pedagogy// University President's papers. The University of Chicago Special Collection, Regenstein Library, Box 30, folder 23.

2. Метод. 3. Цель. 4. Содержание образования, психологические основы, критика: а) развитие (Development); б) применение (Application); в) сравнение позиций автора с современными взглядами (Comparison with present views); г) критика (Criticism); д) соответствие психологических установок Песталоцци с современными взглядами в области психологии и биологии (Correspondence of Pestalozzi's psychology with modern psychology and biologic view); е) теория знания и чувственного восприятия (Theory of knowledge and sense perception); ж) физическое воспитание (Physical education); з) моральное воспитание (Moral Education); и) единство плана (Unity of plan); к) чём слабость деятельности автора в контексте систематического завершения (Where does his work fail in systematic completion);

в-четвертых, изучение персоналий и историко-педагогического материала должно быть подчинено принципу группирования их по педагогическим школам, имеющим особые характеристики, а именно Гуманисты, Реформаторы, Филантрописты, Реалисты и т.д.

Дьюи требовал, чтобы студенты регулярно в ходе освоения той или иной темы писали специальные эссе, которыми зачитывались перед выпускным экзаменом. История развития школ обсуждалась в контексте современных взглядов на 1. содержание образования. 2. Общепринятые принципы. 3. Метод и средства. 4. Теорию знания. 5. Интерес: а) элементы; б) отношение к игре. 6. Отношение педагогической мысли к существовавшей в то время философии (Relation of pedagogic thought to philosophy of the period). 7. Психология – её историческое развитие и признанный статус по отношению к педагогике (Related psychology – its historical development and present recognized value to Pedagogy). 8. Развитие этических стандартов: а) управление (Government); б) дисциплина (Discipline); в) Свобода (Freedom).

Любопытно, что в Чикаго в разделе тематического плана курса по истории педагогики Дьюи наряду с историей уже сформировавшихся образовательных систем (Китайской, Римской, Греческой и др.) предлагал будущим учителям изучать развитие современной школьной системы и, кроме того, историю развития содержания образования как историческое введение к разделу Педагогическая психология. В психолого-педагогическом блоке много внимания уделялось разделу «История теоретических дискуссий по педагогическим проблемам», а также темам «История педагогической доктрины», «Теоретические аспекты педагогической психологии», «Проблемы школоведения».

Период конца XIX века вплоть до начала 1930-х годов стал свидетелем появления государственных педагогических колледжей и педагогических университетских отделений, которые сыграли важную роль в распространении идей прагматического направления

профессиональной подготовки учителя. Школа полковника Паркера (the Cook County Normal School) привлекла к началу XX века внимание Дьюи. Он читал там расширенный университетский курс по психологии в рамках разработанной Паркером программы по подготовке учителей. Она была составлена в логике практико-ориентированного подхода, включала даже опытную исследовательскую практику («field work»). Для Дьюи, который разрабатывал в своей Экспериментальной школе при Чикагском университете теорию единства знания и делания, опыт Паркера был очень важным. Он считал, что образование в школе должно основываться на идее о том, что знание является побочным продуктом деятельности. Именно этим объясняется интерес Дьюи к школе Паркера. Не случайно позднее Дьюи внимательно изучал «Метод проектов» своего ученика У. Килпатрика, конструктивно критиковал его за недостаток внимания к роли учителя в проектной методике. Дьюи всегда ратовал за соединение логики учителя с психологией учеников, как в проектной деятельности, так и на занятиях по предмету. То, что изучалось, должно было быть полезным, значимость была встроена в саму систему. Школа предстала как активная жизнедеятельность в настоящем, а не только как подготовка к будущему.

Дьюи стремился интегрировать усилия университетской кафедры педагогики в Чикагском университете, экспериментальной Лабораторной школы, а также школы Ф. Паркера по подготовке учителей с целью создания площадки для непрерывного педагогического образования. Он делал акцент на «лабораторный подход» к организации практики, пытался заменить традиционную модель «ученичества».

Усиление роли кафедры педагогики в университете, разработка и организация авторских курсов по развитию рефлексивного мышления, роль историко-педагогического знания в компаративном ключе в педобразовании – вот лишь некоторые из актуальных и на сегодня вопросов, которые отражают хранящиеся в архиве Чикагского университета в разделе «Письма президента» материалы («План организации университетской начальной школы», «План организации работы полностью оснащенной кафедры педагогики», датированная 1897 годом, статья о статусе педагогики как университетской дисциплины и другие редкие документы)¹²⁹.

В «Педагогическом меморандуме» Дьюи резко критиковал состояние в области педагогики в США конца XIX века за то, что эта наука была отделена от педагогической психологии и социальной этики. Он считал, что этика и психология должны стать для педагогики тем же, чем явля-

¹²⁹ University President's Papers. Box 30. The University of Chicago Special Collection, Regenstein Library

ется изучение научных принципов для работы в лаборатории. Ученый правомерно утверждал, что от существующего разрыва между этими дисциплинами страдают и они сами¹³⁰.

К началу XX в. прагматисты предложили перенести акцент предметного содержания на развитие логических способностей студента, сделать курс обучения своего рода орудием, надежным и гибким инструментом в достижении поставленной цели – подготовить педагога-мастера, тонкого психолога. Д. Дьюи писал, что «курс обучения должен развивать мышление, способствовать формированию гибкого мышления в работе с новым материалом»¹³¹. По мнению Д. Дьюи академический вариант нормальной школы совершенно не отвечал новому социальному заказу. Он считал, что студент должен усвоить, что «знание – нечто большее, чем пассивно воспринятая информация, это есть что-то; и оно способно делать что-то»¹³².

Выдвинув лозунг «Обучение посредством делания», педагоги-прагматисты сосредоточивали основное внимание в профессиональной подготовке учителя на практическом аспекте. По мнению педагогов-прагматистов в процессе профессиональной подготовки будущие учителя должны были усвоить содержание предмета с точки зрения его педагогического значения и использования или, что Д. Дьюи считал аналогичным, усвоить педагогические принципы применительно к предметному содержанию, которое будет одновременно как материалом для обучения, так и основой дисциплины и контроля. Дьюи полагал, что эти два аспекта строго взаимосвязаны и требовал уделять им большое внимание в процессе подготовки учителя.

В работе «Отношение теории к практике в образовании» Дьюи говорит о том, что подлинно профессиональная подготовка учителя должна быть организована так, чтобы студенты получили достаточное количество практического обучения. Но лидер прагматизма совсем по-иному представлял организацию педагогической практики. При традиционном подходе она проводилась с целью обеспечить студентам необходимые условия для скорейшего приобретения профессиональных навыков, преподавания и классного руководства, а также педагогических умений («ученичество»). Согласно Дьюи, практика – инструмент, способствующий превращению теоретического обучения, знания содержания и принципов преподавания в поистине действенное и живое целое (лабо-

¹³⁰ Pedagogy Memorandum, December 1893 University President's Papers (1889 – 1923) Box 17, Folder 11 (3 pages)

¹³¹ Dewey J. College Course: What Should I Expect from it? // The Early Works. – London, 1967. – Vol.3 (1882-1898). – P. 53.

¹³² Ibid. P. 54.

раторный подход)¹³³. Именно тогда, когда практика будет рассматриваться в рамках «лабораторного» подхода, во главе угла окажутся интеллектуальные реакции, которые она вызывает, обеспечивая студентам лучшее понимание педагогической значимости содержания предмета, которым они овладевают, а также педагогики, философии воспитания и истории педагогики.

Д. Дьюи правомерно отмечал, что в зависимости от того, какой подход в организации практики (лабораторный или ученический) берется за основу, будет отличаться как сама концепция практики, так и реальная организация практической работы в педагогическом вузе. Отличие будет выражаться и в количестве времени, отведенном на практическую работу, и в моменте введения практической работы, и в методах ее проведения, и в методах руководства практикой¹³⁴. Дьюи предлагал четыре фазы в организации педагогической практики: 1. наблюдение за работой опытных педагогов (Дьюи требовал использовать эту фазу для получения студентами материала для психологического наблюдения и рефлексии, а также понимания концепции школьной системы в целом); 2. активное включение студентов-практикантов в жизнь ребят и работу школы в роли помощников классного учителя. (Студенты еще не ведут уроки. Цель этой фазы – наблюдение за техническими моментами в организации процесса обучения и классного руководства); 3. студенты помогают учителю в выборе и организации предметного содержания, пытаются продумывать альтернативные варианты проведения урока; 4. активная практика. (Студенты-практиканты имеют достаточную подготовку, чтобы получать максимальную свободу в разработке и ведении урока). Непременным условием считалось критическое обсуждение каждого урока.

Согласно Дьюи цель практической работы в колледже – скорее сделать студента мыслящим и творческим, чем обеспечить ему скорейшее овладение педагогическими умениями и навыками. Они требовали тесно связывать практическую подготовку с теоретической. Считая, что одной из главных задач практической подготовки является обеспечение учителю достаточного уровня психологической интуиции, они уже на первой фазе педагогической практики («наблюдение») усматривали возможность успешного перехода в педагогическую психологию. В этом случае период пассивной практики («наблюдение») организовывался скорее с «психологической» точки зрения, нежели с чисто практической (посмотреть, как взаимодействует учитель – ученик, «как один ум отве-

¹³³ Dewey J. The Relation of Theory to Practice in Education // The Middle Works. – London, 1977. – Vol. 3. – P. 250.

¹³⁴ Ibid.

чает другому»). Это, безусловно, совершенно отличалось от цели, преследуемой при традиционном подходе – посмотреть как опытный учитель добивается хороших результатов при введении или усвоении того или иного материала.

По мнению Д. Дьюи только «лабораторный» подход к организации практической работы будущих учителей мог дать возможность в дальнейшем грамотно анализировать технические моменты процесса обучения, разглядеть методы и приемы опытного учителя на уроке. Д. Дьюи верно заметил, что только при таком подходе студенты смогут в дальнейшем «тренировать практические приемы, являющиеся важным элементом любого опытного учителя и их психологические эквиваленты, т.е. не просто уяснить, что те или иные приемы работают, а знать, как и почему они работают»¹³⁵. При «лабораторном» подходе студенты смогут в дальнейшем самостоятельно оценивать и критически использовать те или иные приемы. Лишь отталкиваясь от личного опыта умственного «роста» и затем переходя к фактам, связанным с опытом других, студент сможет в дальнейшем реально влиять на познавательные усилия своих учеников. Задачей нормальных школ и колледжей становилось подавать содержание учебного предмета так, чтобы студент видел и понимал, что оно воплощает в себе умственные операции. Студент должен уяснить, что определенные научные методы и классификации воплощены и могут быть проиллюстрированы в конкретной форме. Дьюи призывал к устранению разрыва между содержанием и методом в процессе профессиональной подготовки учителя.

Д. Дьюи полагал, что было бы целесообразно тесно связать учебный план элементарной и средней школы, где проходила педагогическая практика студентов, с содержанием предметов, преподаваемых в профессиональных учительских заведениях. Таким образом, в свете идей прагматического направления профессиональной подготовки учителя практическая подготовка становится основным звеном, утверждается «лабораторный» подход в организации педагогической практики.

Правда, в подходах Д. Дьюи и других педагогов-прагматистов намечалась тенденция растворения педагогического объекта исследования в предмете психологии. Дидактика практически стала отраслью психологии. Психологизм как методологический принцип означал отрицание наличия у педагогики собственного «теоретического этажа». Педагогика рассматривалась как прикладная отрасль знаний, не имеющая собственного научного содержания. Выдвинутая Д. Дьюи идея триумvirата: «психолог-теоретик – педагог-концептуалист (посредник) – педагог-

¹³⁵ Dewey J. The Relation of Theory to Practice in Education // The Middle Works. – London, 1977. – Vol. 3. – P. 261.

практик (учитель)» тому подтверждение. Уильям Джеймс также указывал необходимость наличия между психологом, как представителем настоящей науки, и учителем еще и посредника, который сможет истолковывать положения психологии, применительно к конкретным ситуациям школьного общения. Это явилось своего рода предложением выводить рекомендации для учителя непосредственно из психологии¹³⁶.

Под влиянием прагматизма совершенно изменились подходы к организации теоретических курсов в системе профессионально-педагогической подготовки учителя. Дьюи подчеркивал, что профессиональная подготовка не должна концентрироваться на предметном содержании, в чисто информационном плане. Он требовал такого ее содержания, чтобы оно удовлетворяло запросам учителя средней школы, а главное, запросам ученика средней школы. Именно поэтому, техническое мастерство учителя становится важным аспектом его подготовки. Д. Дьюи говорил, что «существует понятие *педагогическая техника*, точно также, как существует понятие *техника игры на фортепиано*¹³⁷. Он считал, что преподавание – искусство, а истинный учитель – артист, причем право самого учителя считаться артистом измеряется его умением воспитать настроение артиста в том, с кем он занимается¹³⁸.

Дьюи был уверен, что наиболее эффективное обучение этики можно обеспечить только тогда, когда школа станет влияющей моральной средой, жизненным социальным центром. Он говорил, что «этики и социологии надо обучать одновременно. Нужно поставить практическую этику на научный фундамент»¹³⁹. Под нравственным воспитанием подразумевались те нравственные идеи, которые могут стать деятельными мотивами поведения. От педагогического колледжа требовалось, чтобы будущему учителю обеспечивали среду, формирующую его характер, так как именно от этого зависит его твердый моральный фундамент. Дьюи обращал большое внимание на то, чтобы учитель формиру-

¹³⁶ Краевский В.В. Теория обучения Джерома Брунера // Критика основных направлений современной буржуазной политики в области образования: Сб. научн. тр. под ред. З.А. Мальковой, Б.Л. Вульфсона. – М., 1976. – С. 99.

¹³⁷ Dewey J. The Relation of Theory to Practice in Education // The Middle Works. – London, 1977. – Vol. 3. – P. 254.

¹³⁸ Дьюи Д. Введение в философию воспитания. Пред. С.Т. Шацкого. – М., 1921. – С. 195.

¹³⁹ Report of the Committee of Seventeen on the Professional Preparation of High School Teachers to the Department of Second Education of the National Education Association. – Chicago, 1907. – P. 535.

вал у учащихся вкус к чтению, и поэтому считал, что библиотечное дело, как специальный курс будет полезен для учителя. Знание запросов подростков и умелое развитие их интересов, симпатий, антипатий также считалось важным в подготовке учителя.

В начале XX века существенно изменился курс философии образования, целью которого было дать студентам понимание методологических основ педагогики, ознакомить их с различными педагогическими теориями, методами и системами, базирующимися на них. Прагматизм становится лидирующей философской системой. В ключе прагматической педагогики стали рассматриваться процесс образования, содержание образования, методы обучения. Студенты осваивали основы прагматической теории, ее тезис о том, что «поскольку воспитание может только развить скрытые возможности, универсальным фактором в образовании может служить только интерес, стремление к самовыражению или самореализации, что является аккомпанементом развития»¹⁴⁰.

Нельзя не признать, что благодаря вниманию Дьюи и других педагогов-прагматистов к психологическому аспекту профессиональной подготовки учителя в системе педагогического образования стали пользоваться большой популярностью различные психологические курсы. К ним можно отнести курсы педологии, касающиеся младенчества и детства, а также подросткового возраста, содержанием которых стали результаты экспериментальной работы Стэнли Холла в университете Кларка. К 20-м годам XX столетия эти курсы пользовались особой популярностью. Академическая наука психология была поставлена на службу практике. Американцы сделали все возможное, чтобы учитель был вооружен таким знанием по психологии, которое максимально бы «работало» на нужды учителя.

В педагогическом колледже Колумбийского университета открывались курсы по изучению нервной деятельности, экспериментальной психологии. Достаточно назвать следующие курсы: «Основы психологии», «Введение в психологию», «Экспериментальная психология», «Применение экспериментальной психологии к воспитанию», «Генетическая психология», «Умственные расстройства и нервные болезни», «Физиологическая психология», «Патологическая психология»¹⁴¹. В 20-е годы здесь же читались лекции по психоанализу. Психологическим по своему характеру, но очень конкретным и практически направленным по содержанию был вводный курс психологии. Такие темы как «Зако-

¹⁴⁰ Holmes M.G. Relation of Theory to Practice in Education // Yearbook of the National Society for the Scientific Study of Education. – Chicago: University of Chicago Press, 1903. P. 41.

¹⁴¹ Мижувев П. Г. Школа и общество в Америке. – Спб., 1902. С. 89.

номерности учения», «Техника учения», «Учет индивидуальных различий» и др. имели самое прямое отношение к работе учителя в классе. В курсах педагогической психологии начинает вводиться термин «психология трудности», подразумевающий, что эффективность внимания можно достигнуть лишь путем сильных стимулов. Будущих учителей знакомили с «психологией внушения», в содержание курсов вводился материал о гипнозе. Акцент делался на психологию интереса.

Курс дидактики, фигурировавший в конце XIX века под названием «общий метод», основывался на формальных ступенях обучения Гербарта. В начале XX века он совершенно потерял свои позиции. Акцент начинает делаться на обучение через «проблемы» (Д. Дьюи) и «проекты» (У. Килпатрик). Схема решения проблемы, предложенная Дьюи – восприятие проблемы, ее анализ, выдвижение гипотезы, ее проверка, формулировка окончательных выводов – становится основой для учителя нового типа. Курс «Общий метод» изменяет свое название на «Принципы обучения».

Начинают разрабатываться новые учебные планы, внедряются передовые формы и методы. Позицию прагматизма в организации практики отражал, например, вышедший в 1916 году учебник Холл-Квеста «Учение под руководством» (Нью-Йорк). К 1930 году будущие учителя получили подспорье для подготовки в качестве специального пособия «Основные принципы учения под руководством» А. Мида и работы Д. Уэлза и Р. Тайлера, содержащие «казусные проблемы» и варианты их решения.

Педагоги-прагматисты считали, что учителя смогут быть компетентными и воспитывать молодое поколение только в том случае, если они будут знать особенности цивилизации, членами которой они являются. Под влиянием этих идей в системе подготовки педагогических кадров вводятся курсы, призванные обеспечить будущему учителю возможность понимания современных общественных проблем («Современная цивилизация», «Современные проблемы», «История цивилизации», «Социальная и экономическая организация», «Понимание искусства» и т.п.).

В педагогических учебных заведениях в начале XX столетия заметно увеличивается объем профессиональной подготовки учителя за счет увеличения психолого-педагогических курсов. Укрепляется связь теоретического обучения с практикой студентов, которой уделяется все больше и больше часов учебного времени. Курс психологии приобретает утилитарный характер, в нем акцент делается на психологии внушения и психологии интереса.

Для народного образования Северной Америки традиционно была характерна практическая направленность, это в значительной степени облегчило перестройку массовой школы на рубеже столетий в соответ-

ствии с потребностями новой империалистической эпохи в русле идей прагматизма. Отличительной чертой северо-американской школы на рубеже веков было отсутствие общегосударственного руководства народным образованием, автономия и вариативность школьной системы внутри штатов. Децентрализация школы усугубляла неравенство образовательных возможностей, обуславливаемое в США не только социальными, но и местными экономико-географическими факторами. Вместе с тем гибкость и автономность школы позволяла ей значительно оперативнее, чем где бы то ни было в мире, приспособлять образование к нуждам времени, более чутко реагировать на многообразие различных общественных потребностей.

После ухода в 1904 году из Чикагского университета и отъезда в Педагогический колледж Колумбийского Университета в Нью-Йорке Д. Дьюи вместе с У. Килпатриком разрабатывали проблемы создания школы как сообщества исследователей, уделяли внимание регулярной педагогической рефлексии, идее интеграции, проектной работе, отработывали формы проведения летних школ для практикующих учителей и др. Это, безусловно, положительно изменило систему подготовки учителя. К основным изменениям можно отнести следующие: расширение учебных планов за счет введения большого числа элективных курсов; появление множества дифференцированных программ; провозглашение практической школы центром подготовки учителя и применение «лабораторного подхода» Д. Дьюи, «учения посредством делания» («learning by doing»); усиление внимания к обучению студентов организации внеклассной деятельности (extra-curriculum education). В этот период настоятельно звучит мысль о том, что учителя должны стать активными членами общества, иметь свой критический взгляд на события, происходящие в мире и стране. Только тогда они смогут компетентно воспитывать молодое поколение. Курсы «Современная цивилизация», «Современные проблемы», «История цивилизации», «Социальная экономическая организация», «Понимание искусства», «Понимание музыки» и т.д. значительно расширили профессиональный кругозор учителя.

За основу при подборе профессиональных дисциплин был положен принцип интереса, а также индивидуальный подход к обучению. Педагогический колледж при Колумбийском университете, где плодотворно разворачивалась деятельность Д. Дьюи, становится образцом реформистской философии и практики. Под рубрикой «теория и практика обучения» насчитывалось 23 курса по общей дидактике и методике главных предметов начальной и средней школы.

Педагогический колледж, основанный в 1888 году как один из факультетов Колумбийского университета, к началу XX века становится педагогическим учебным заведением самого высокого профессиональ-

ного уровня, всемирно известным центром педагогики. Поистине «ослепительная коллекция светил» собралась в этом учебном заведении. Достаточно назвать Поля Монро – известного энциклопедиста истории педагогики, чьи исследования открыли путь истории образования США; Эдварда Торндайка, экспериментальная работа которого доминировала не только в области педагогической психологии, но и в других сферах; Джона Дьюи и Уильяма Килпатрика, сумевших значительно продвинуться в области разработки теории и практики проблемного обучения; Фрэнка МакМэри, разработавшего новый подход к учебному плану и преподаванию на основе функциональной психологии; П. Смит-Хилл – ученицы Ф. Паркера, Дж. Дьюи и С. Холла, развернувшая борьбу против формализма в системе дошкольного воспитания¹⁴². Эти люди обеспечили образование целому поколению студентов, которые позднее заняли ключевые позиции не только в США, но и во многих странах мира.

Важно было то, что в распоряжении колледжа имелась школа Горацио Манна, содержащая все ступени, начиная с детского сада и кончая высшей ступенью средней школы, одновременно служившей площадкой для научного наблюдения. Здесь же находилась прекрасно оборудованная начальная школа Спейера, используемая как базовая. Колледж предлагал 4-х летний курс обучения с правом получения степени бакалавра, а также различные дифференцированные программы. В 1902 году отечественный исследователь П.Г. Мижув высоко оценил это заведение, признав, что в мире нет подобного учреждения, где было бы предоставлено больше удобств и средств для теоретического и практического изучения вопросов воспитания со всех возможных сторон¹⁴³. Стремясь идти в ногу с жизнью, американская система подготовки учителя стремилась удовлетворить школьный заказ специалистами самого различного профиля – преподавателями ручного труда, коммерческих предметов, педагогами дошкольных учреждений, учителями всех предметов школьного цикла, словесниками, преподавателями в области сельского хозяйства. Для подготовки учителя для сельских школ создавались специальные курсы не только во время, так называемых «летних сессий», но и как обязательные курсы во всех учебных заведениях в других семестрах. Такие курсы как «Сельское образование», «Управление сельской школой», «Организация и руководство сельской школой» к 1923 году составляли 59,8% всего числа курсов образования для села (124 курса в 77 университетах и колледжах). Курсы «Методика преподавания в сель-

¹⁴² Cremin L.A. The Transformation of the School. Progressivism in American Education (1876-1957). – N.Y. 1964. P. 172-173.

¹⁴³ Мижув П. Г. Школа и общество в Америке. – Спб., 1902. С. 89.

ской школе», «Проблема сельской школы», «Наблюдение и практика», «Среднее образование в сельской школе», «Учебный план в сельской школе» составили 40,2%¹⁴⁴.

Основным критерием в выборе методов обучения становится способность метода активизировать процесс обучения. Развивающий метод должен стимулировать догадку, научить подвергать критическому анализу и экспериментальной проверке напрашивающийся ответ ученика. По мнению Дьюи развитие получает свое завершение в дискуссии и критическом разборе. Не случайно, именно метод дискуссии, открытый форум, свободное обсуждение (open discussion) становятся довольно популярными в 1920-е годы.

Большая заслуга Д. Дьюи в том, что он разработал методику организации проблемной лекции. Он считал, что материал должен доставляться как стимул, а не с догматической окончательностью. «Если учитель или книга напичкивают учеников фактами, которые с немногим усилием они (ученики) могли бы открыть путем прямого исследования, то они насилюют умственную целостность, воспитывая духовное рабство»¹⁴⁵. Проблемная лекция по методике Уильяма Килпатрика предполагала 30 минут развития темы лекции самим профессором, формулируя каждое положение, выясненное в процессе, четко и в тезисной форме записывая эти положения на доске. Во время этой части лекции профессор постоянно обращался к аудитории. В оставшиеся 20 минут лекции предполагалась активизация студентов, ответы на их вопросы, стремление иллюстрировать сказанное участниками дискуссии живыми примерами из жизни. Вопросы, которые не были рассмотрены в процессе лекции подавались в письменном виде и рассматривались на следующей лекции. Иногда практиковалась следующая методика: 3 студента подавались письменные сообщения в виде тезисов, на основе которых развивалась дискуссия. Профессор играл ведущую роль в дискуссии, задавал вопросы, направлял ее, затем шло углубление дискуссии, подытоживание высказанных точек зрения. Как правило дискуссия заканчивалась короткой лекцией резюме¹⁴⁶.

Хотя Дьюи не был столь ярким лектором, как его ученик Килпатрик, так как он имел очень тихий голос и не столь яркую внешность, тем не менее, многие студенты считали его лекции блестящими. Они признавали, что «слушать Дьюи в течение часа все равно что упражняться в

¹⁴⁴ Cook К.М. Courses in Rural Education Offered in Universities, Colleges and Normal Schools. – Washington: Government Printing Office, 1925. P.11.

¹⁴⁵ Дьюи Д. Психология и педагогика мышления. – М. – 1919. С. 177.

¹⁴⁶ Ильин Н.Н. Учительский колледж Колумбийского университета в Нью-Йорке // Научный работник. – 1929. - № 1. – С. 87.

человеческом мышлении». Дьюи служил демонстрацией своего метода, так как всегда доказывал способность абстрактной теории решать сложные и конкретные проблемы¹⁴⁷.

Дьюи не только предложил метод проблем, но и технологизировал его. В системе подготовки учителя, в 20-е годы XX века, получает распространение Метод решения конкретных проблем (case study). Это была по существу модификация лабораторного метода, позволяющего студенту не только изучать материал, полученный им из собственного опыта и опыта своих коллег, но и параллельно применять усвоенные принципы в собственной деятельности. Характерный для юриспруденции, медицины, социологии и психологии, этот метод начинает активно применяться и в системе педагогического образования, получая высокую оценку как от преподавателей, так и от студентов. Этот метод использовался во время педагогической практики при составлении практикантами специальных карточек, в которых фиксировались показатели состояния здоровья учащихся и развития, школьных успехов, интересов, результаты тестов, отзывы о специфике характера учеников и т.д.

В 1920-е годы американская школа и система подготовки учителя была объектом изучения многих зарубежных ученых. На страницах советских педагогических журналов периода 1920-30-х годов сотрудники секции по зарубежной педагогике Н.Н. Барбашов, А. Зеленко, Н.Н. Ильин, С. Марголина, А.П. Пинкевич и другие давали достаточно высокую оценку американской школе, отмечали высокий уровень технической подготовки учителя.

Уже в Чикаго Дьюи сумел выпустить в жизнь первые поколения учителей, усвоивших прогрессивные методики, что во многом дало толчок к развитию прогрессивного движения в образовании. В педагогическом колледже Колумбийского университета многие положения философии образования американского реформатора были освоены поколениями будущих учителей самых разных стран.

Безусловно, не все установки Дьюи, касающиеся подготовки учителя нового типа были реализованы в системе американского педагогического образования. И все же многое, из сказанного Дьюи, а также написанного им в педагогических работах, было услышано, прочитано и даже апробировано не только в США, но и во многих других уголках земного шара. Нельзя не признать, что Дьюи сумел не только в теории нарисовать модель подготовки учителя-исследователя, но и осуществить это на практике, как в Чикагском университете, так и в Педагогическом колледже Колумбийского университета Нью-Йорка. Ведь учёный

¹⁴⁷ Larrabee H. A. John Dewey as a Teacher // J. Dewey: Master Educator. – New York. 1959. – P. 55.

был уверен, что неспособность создать логику, основанную исключительно на операциях исследования, может иметь грандиозные культурные последствия. Многие подходы Дьюи сохраняют актуальность и в наши дни. Они созвучны установкам развивающей модели подготовки учителя XXI века.

Глава 3.

Джон Дьюи гражданин XX века

3.1. Джон Дьюи – мыслитель XX века, общественный деятель и борец за демократию

В рецензии на вышедшую в 2002 году в издательстве Колумбийского Университета в Нью-Йорке монографию Джея Мартина «Образование Джона Дьюи» (биография), известный философ Ричард Рорти отмечал, что наиболее влиятельными философами XX века следует считать Джона Дьюи, Мартина Хайдеггера, Бертрана Рассела и Людвиг Витгенштейна. Из всех четырех, Дьюи имел самый лучший в нравственном отношении характер. В нем полностью отсутствовало высокомерие, присущее всем трем остальным. Дьюи на протяжении всей своей жизни был честным, сознательным, щедрым и добрым. Он старался быть хорошим учителем, мужем и настоящим гражданином. И со всеми задачами он прекрасно справлялся. На протяжении 40 лет вплоть до своей смерти в 1952 году, Дьюи был для Соединенных Штатов, по оценке Ричарда Рорти, тем, чем Жан Поль Сартр для Франции середины прошлого века, или Хабермас для современной Германии – он был сознанием своей страны. Но он выполнял свою роль без самодраматизации, а также без искусственного позирования.

Джон Дьюи (1859-1952), один из основателей философской школы прагматизма, лидер функциональной психологии и прогрессивного движения в сфере образования США, сумевший оказать огромное влияние на развитие мировой педагогики. Прожив яркую и долгую судьбу в науке продолжительностью почти в сто лет, основатель философии и педагогики прагматизма сохранял неиссякаемую работоспособность вплоть до конца своих дней, оставив наследие, насчитывающее свыше трех тысяч работ по самым разным отраслям знания. Свыше 180 работ ученого, посвященные педагогическим проблемам, переведены более чем на 35 языков мира. Его всемирное влияние как педагога–теоретика и педагога–практика стало возможным благодаря его активным реформаторским проектам в Японии, Китае, Турции, Мексике, Южной Африке, Советском Союзе, в рамках которых

ученый давал советы представителям официального правительства в разных странах, руководителям национальных организаций, педагогам по вопросам усовершенствования их образовательных систем в логике его представлений о демократии.

Когда-то, размышляя о своем личностном развитии в канун своего девяностолетнего юбилея в 1949 году, Джон Дьюи писал: «В целом, силы, оказавшие на меня особое влияние, исходили скорее от людей и ситуаций, чем от книг. Это вовсе не означает, надеюсь, что я ничего не узнал из философских работ, просто то, что я узнал из них, оказалось техническим по сравнению с тем, о чем мне пришлось задуматься благодаря опыту, в который я целиком погрузился»¹⁴⁸.

Общественный образ Дьюи слишком эмоционален и серьезен, это почти стереотипный образ поселенца Новой Англии: реформатор в педагогике, полемист и философ, видный политический деятель. Биографические материалы помогли открыть и другие его стороны: любящий отец и хороший семьянин, щедрый друг и покровитель талантливых студентов, готовый даже в преклонном возрасте поддержать их своим активным участием в студенческих демонстрациях во имя демократии.

Масштаб личности ученого всегда поражал как его биографов, так и исследователей его научного творчества. Описывая сферы приложения таланта Дьюи, У. Маккензи еще в 1890 году называл философию, психологию, педагогическую психологию, философию образования, педологию, педагогику начальной школы и школы среднего звена, теорию и практику Лабораторных школ, педагогику высшей школы, методику преподавания отдельных предметов и др.¹⁴⁹

В работе Д. Мерфи «Прагматизм от Пирса к Дэвидсону»¹⁵⁰ сделана попытка перечислить имена знаменитых людей, событий, мест, о которых не слыхивали единомышленники ученого: У. Джемс, ушедший из жизни в 1910 году или Ч. Пирс, покинувший этот мир в 1914 году. Культурный фон мышления Дьюи составляли такие яркие феномены как теория Дарвина, Первая мировая война, Тэдди Рузвельт, бихевиоризм и Эдвард Торндайк, Бертран Рассел, Тарзан, теория относительности, Гершвин, Роберт Фрост, русская революция, Троцкий, Ленин, Сталин, СССР, Чарли Чаплин, джаз, Пикассо, инсулин, хромосомы, Моне, Агата

¹⁴⁸ G.P.Adams & W.P.Montegue, editors, *Contemporary American Philosophy*, Vol.2, New York: Macmillan, 1930, p.22. (пер. с англ. Е.Ю. Рогачевой).

¹⁴⁹ McKenzie, W.R. Introduction toward Unity of Thought and Action, in *John Dewey Early Works*, New York, 1975, pp.IX-XVI.

¹⁵⁰ John P.Murphy, *Pragmatism from Pierce to Davidson* (Boulder, Colo.: Westview Press, 1990). Intr.by Richard Rorty.

Кристи, Карл Юнг, Адольф Гитлер, Уинстон Черчилль, немецкие концлагеря, Уильям Фолкнер, Э. Хемингуэй и т.д.

Еще при жизни Дьюи был удостоен внимания со стороны представителей разных культур. Для американцев Дьюи – «аутентичный голос демократии» на заре XX столетия, человек, бессленно пребывающий в «должности» национального философа, а для всего философского мира – наиболее совершенный выразитель «американского гения». Именно так ученого называли в 1930 году, при вручении ему почетной ученой степени Парижского университета¹⁵¹.

Джона Дьюи по праву называют гражданином XX века, правозащитником, так как на протяжении своей жизни Дьюи верно служил идеалам демократии и прогресса. Ратовавший всегда за развитие общественно-педагогического движения и гражданского сознания учителя, Дьюи создал и возглавил многочисленные добровольные организации в сфере образования. Ученый считал добровольные ассоциации «методом демократического контроля государственной машины».

Дьюи был борцом за права черных и активистом в создании Национальной Ассоциации Развития Цветных (National Association for the Advancement of Colored People, 1909 г.), а также Американской Федерации Негритянских Студентов Колледжей, убедивший Элеонору Рузвельт занять кресло президента Консультативного Комитета в 1940 году. С 1916 года Джон Дьюи был членом Американского Союза Противников Милитаризма, ставшего позднее Американским Союзом Гражданских Свобод. Джон Дьюи вошел в Национальный Комитет этого союза и состоял там вплоть до 1930-х годов.

Дьюи был сторонником гражданского воспитания, о чем свидетельствует возросший сегодня интерес к его работам по проблемам демократии, а также связанным с формированием критического, гибкого, экспериментального мышления, подготовкой активной личности, умеющей быстро реагировать на проблемы динамично изменяющегося мира. Джон Дьюи был всегда убежден, что в бурных потоках сложной жизни XX века индивид не в состоянии влиять на происходящее, а необходимы организованные объединения активных граждан, способных осуществлять демократический контроль за государственной машиной во всех важных сферах. Целью образования он видел воспитание конструктивного взгляда на вещи, важное внимание уделял мировоззрению человека. По сравнению с его работами до приезда в Нью-Йорк, колумбий-

¹⁵¹ Л.Е.Павлова Исследование как крета жизни и философии// посл. К. Джон Дьюи Реконструкция в философии. Проблемы человека., пер. с англ., послесл. и примеч. Л.Е. Павловой. – Республика, 2003. – с.451 (Мыслители XX века) (494с.)

ский период сделал ученого ключевой фигурой во многих противоречивых дебатах, касающихся образовательной политики, свободы слова, многих других общественных и интеллектуальных проблем.

Ученый помогал в создании Лиги Независимого Политического Действия, был вице-президентом Американской Ассоциации Развития Науки, основателем Образовательного Комитета во имя Международной Доброй Воли, председателем Организационного Комитета Национальной Помощи Образованию, членом Американского Комитета за Освобождение Русских Детей, членом Китайско-Американской Комиссии и т.д.. При этом, всегда его участие в работе этих организаций было добровольным, Дьюи не руководствовался ни идеологическими, ни спонтанными, неосознанными порывами. Когда ученый становился частью той или иной организации, он активно действовал, вкладывая весь свой интеллект и творчество, действуя как настоящий гражданин¹⁵².

Следует заметить, что защитник демократических свобод, Джон Дьюи верил в то, что мыслящий гражданин должен всегда бороться за установление демократического порядка относительно разумности, используя механизм добровольных организаций. В США школы служили инициаторами в создании добровольных организаций. Именно поэтому Дьюи всячески поддерживал частные усилия по созданию школ, основанных по инициативе добровольной ассоциации, как, например, это было в Семинарии Лейксайд в Вермонте, где он сам преподавал. Эта маленькая школа была основана исключительно по инициативе родителей, которые не ждали пассивно ни местного указа, ни указа на уровне штата, или тем более национального правительства; директив, навязывающих им модель образования. Уже в ранних работах Дьюи звучала эта идея о роли школы, как основного инструмента демократизации. Дьюи верил, что школа, учитель может пробудить массы от пассивного сна и развить инициативу, личностные силы, активность.

На протяжении всей жизни ученый стремился поддержать огонь волюнтаризма в американском образовании, считая, что школьное образование – это состояние мышления, особая психология, имеющая локальный и волюнтаристский характер. Именно поэтому уже в феврале 1913 года Дьюи, совместно с Шарлотой Перкинс Гилман и другими коллегами-единомышленниками, объявил в Нью-Йорке о создании добровольной учительской организации и призвал вступить в нее тех, кто верил, что сами учителя способны сделать что-то конструктивное в образовании. Ученый был уверен, что учитель-гражданин должен быть активным голосом в определении образовательной политики, а значит

¹⁵² Jay Martin *The Education of John Dewey A Biography*, Columbia University Press, 2002, pp149-150

учителя должны быть представлены в образовательных комиссиях, в рамках которых принимаются важные решения. Дьюи полагал, что это «...внесет определенный вклад в развитие профессионального духа, а также научит разумно использовать опыт в интересах общества...»¹⁵³. Именно в этом видел он самый важный практический ход, позволяющий осуществить миссию учителя по воспитанию гражданского начала в детях во имя служения демократии. В призыве Дьюи к учителям отражена вера ученого в то, что в двадцатом столетии образование не может быть ответственностью лишь родителей, а необходимо создавать демократические структуры совместно с правительством на местах во имя развития демократических начал в школьном деле.

Твердая гражданская позиция Дьюи, его умение оставаться человеком в любой сложной ситуации достойны самого глубокого уважения. Достаточно привести два примера из его биографии, касающихся его отношения к России. Когда в 1923 году Артур Дан пригласил Дьюи в Народный Тысячный Комитет для поддержания Лиги Наций, ученый отклонил его приглашение, так как был возмущен решением исключения России из Лиги. Дьюи смело задал вопрос Дану: «А что, Россия вне вашего международного гуманизма?»¹⁵⁴ Подобных примеров за долгую жизнь ученого нашлось бы множество. И ранее, еще в 1906 году, когда Максим Горький приехал в Нью-Йорк со своей незаконной супругой актрисой Андреевой, именно Дьюи, несмотря ни на что, сумел сохранить человеческое лицо и не побоялся потери репутации и угрозы отставки из Колумбийского университета за связь с «аморальным» в свете понимания тогдашнего американского высшего света писателем. Аплодировавшие сначала революционному порыву Горького, готовые предоставить свои пожертвования на вооружение русских революционеров, члены специально созданного по случаю приема Горького американского комитета, в числе которых были и известный Марк Твен, и Уильям Дин Хауэлс, и Финли Питер Данн тут же отвернулись от гостевой четы, оказавшейся вышвырнутой из всех Нью-Йоркских отелей. Спикер президента Рузвельта отказался принять писателя в Белом Доме и каком-либо другом правительственном учреждении, а иммиграционные службы заявили об обязательной его высылке на пересыльный пункт острова Эллис, дабы не создавать угрозы заражения американской земли¹⁵⁵.

¹⁵³ Dewey J. "A Call to Organize", *The American Teacher* 2 (February 1913): 27

¹⁵⁴ Jay Martin. *The Education of John Dewey. A Biography*, Columbia University Press, 2002, p.240

¹⁵⁵ *Ibid*, p.250

В этот сложный для Горького момент именно семья Дьюи оказалась выше всех предрассудков высшего света и пригласила Горького и мадам Андрееву поселиться в их доме, организовав вечер в честь своих гостей, куда были приглашены и студенты Барнардского колледжа. Событие бурно обсуждалось в консервативных политических и академических кругах, но Дьюи не потерял свои посты в Колумбийском университете, так как по признанию Дьюи, президент Николас Маррей Батлер был гуманным человеком и всегда поддерживал своего коллегу, никогда не оказывая давления ни на стиль преподавания Дьюи, ни на его писательскую манеру. Дьюи четко дал понять Горькому, что хотя он и не разделял с ним марсистско–ленинских взглядов, он был готов проявить гостеприимство к представителю России, к народу которой американский ученый питал самые теплые чувства и часто выражал свое уважение и симпатии.

Колумбийский период Дьюи в Нью-Йорке (1904–1952) стал для ученого особенно важным в развитии его гражданской позиции, общественной значимости, мировой известности как педагога и теоретика. Его Нью-Йоркский период отчетливо отражает разнообразные аспекты его деятельности.

Очень важным шагом Дьюи было создание Американской Ассоциации Университетских Профессоров, задачей которой было «...не уменьшение индивидуальной свободы ученых», а «помощь в создании более полного и разумного общественного мнения, обеспечение роста общественного понимания важности организованного разумного взгляда в контексте высшего образования США¹⁵⁶. В своем письме к консервативному профессору Барету Уэнделлу Дьюи призывал ученого вступить в ряды Ассоциации, развернул в 1914 году бурную кампанию по пропаганде своих взглядов на деятельность новой организации. Дьюи стал президентом Ассоциации, и уже 31 декабря 1915 года выступил с обращением перед членами Ассоциации, отчитался за прошедший год. Ученый предсказал долгую жизнь этой организации, активно расследовал факты нарушения свободы профессоров в различных университетах США, за что и получил почетный титул ее пожизненного члена.

В 1930-е годы, когда великому американскому расцвету пришёл конец, образовался своего рода вакуум, куда залетело множество враждебных радикальных предложений. В консервативных кругах, в сфере крупного бизнеса начались нападки на реформаторов в сфере образования. Двадцать два штата и штат Вашингтон попытались законодательно ограничить свободу в классной комнате. Всё меньше субсидий выделя-

¹⁵⁶ J.D. (John Dewey's Correspondence) to Barrett Wendel, 12/7/14, Harvard University, Houghton Library, Barrett Wendel's Papers

лось на образование. Для многих граждан образовательные расходы становились не по карману в те трудные времена. Это, безусловно, противоречило позиции Дьюи, стремившемуся обеспечить демократические свободы граждан, открыть доступ к образованию большинству населения. Он начал выступать противником этих правительственных реформ. В нескольких статьях, написанных в журнале «Social Frontier» в середине 1930-х годов, Дьюи изложил свои взгляды на отношения между образованием и социальной значимостью. Он обратился по радио с призывом «Учитель и публика» («The Teacher and the Public»), чтобы рабочие, учителя «объединились со всеми своими друзьями против их врага, привилегированного класса, и вместе развивали характер, умение и ум, которые необходимы для создания реального демократического социального порядка».

Так, например, в статье «Учитель и его мир» («The Teacher and His World») Дьюи советовал учителям объединяться в общественные движения. Все эти статьи позднее позволили Дьюи создать документ под названием «Социальное значение академической свободы» («Social Significance of Academic Freedom»). Под академической свободой Дьюи понимал «свободу образования и свободу обучения тому, как можно разумно использовать гражданство на службе социальной реконструкции, без чего демократия обречена на гибель». Дьюи пришёл к логическому выводу о том, что ограничение свободы в образовании есть «преступление против демократии». Он постоянно защищал на публике незаконно обвинённых учителей, чьи права попирались. Так, например, в 1937 году он повёл за собой всех членов комитета на защиту прав профессора Артура Крауза, уволенного из Городского колледжа Нью-Йорка, за организацию голодовки и забастовки против преследования студентов в Польских университетах. Дьюи сам неоднократно участвовал в студенческих демонстрациях в защиту демократических свобод. Поскольку в этот период проблемы, связанные с защитой образовательных свобод, были очень актуальны, Дьюи решил организовать добровольную группу, которая бы отслеживала случаи угрозы демократическим свободам в сфере образования.

В мае 1939 года был создан «Комитет по Свободе Культуры» («The Committee for Cultural Freedom»). В его задачи входило «обеспечение защиты интеллектуальной свободы от нападков тоталитарных сил». Манифест комитета был подписан 97 писателями, художниками и учёными. Когда редколлегия «Нью Рипабликэн» («New Republican») выразила сомнение о полезности деятельности этого комитета, Дьюи составил обстоятельный ответ и опубликовал его в журнале две недели спустя. Дьюи писал, что «как считает Комитет по Свободе Культуры, мало

быть антифашистом, надо проводить позитивную и решительную кампанию против любого рода тоталитарного влияния в этой стране».

В октябре 1939 года в комитете Д. Дьюи устроил публичное заседание, считая, что необходим «коллективный разум, направленный на кооперативное действие». Комитет развернул кампанию в защиту прав профессора Гарольда Рагга из Педагогического колледжа Колумбийского университета, учебники которого были запрещены и изъяты из государственных школ Бинхэмтона (Нью-Йорк). В своей статье «Расследование в сфере образования» («Investigating Education») Дьюи писал, что подобные вещи случались и ранее. Учёный считал, что нужно контролировать сферу образования со стороны государства, но избегать «предрассудков, слепого фанатизма и невежества».

В 1940-х годах Дьюи принял активное участие в защите академических свобод Бертрانا Рассела, которого Ричард Рорти назвал в числе четырёх крупнейших философов XX века¹⁵⁷. В эту четвёрку вошли Джон Дьюи, Мартин Хайдеггер, Бертран Рассел и Людвиг Витгенштейн. Хотя многие взгляды Рассела вызывали критику не только со стороны Дьюи, но и в академических кругах Рассел считался «скандальным философом», тем не менее, Дьюи тут же пришёл на помощь коллеге, когда обнаружил угрозу демократическим процедурам.

В феврале 1940 года Комиссия по Высшему Образованию Нью-Йорка предоставили Расселу возможность приехать в качестве гостевого философа и занять достойное кресло профессора с целью проведения курса лекций по проблеме соотношения философии и математики. Это давало шанс Нью-Йорку стать мировым центром в области философии. Дьюи, его коллеги из Колумбийского университета – Горацио Каллен из Нью Скул (New School), Сидни Хук из Нью-Йоркского университета, а также назначенный на этот пост Рассел – сделали бы Нью-Йорк крупнейшим центром философской мысли. Однако, консервативные представители церкви во главе с Уильямом Мэннингом – епископом из Епископальной церкви Нью-Йорка опубликовали письмо в газете Нью Йорк Таймс, где выразили протест против назначения Рассела, обвиняя его в аморальности и антирелигиозности. Статья привлекла консервативных читателей. Многочисленные письма посыпались в редакцию в защиту решения Мэннинга. Газета «Таблет» («Tablet»), принадлежавшая католической церковной организации, предъявила Расселу обвинения в аморальности его взглядов на семейные отношения. До этого Гарвардский университет также имел намерения пригласить Рассела для чтения

¹⁵⁷ См. Рецензия Ричарда Рорти на вышедшую в 2002 году в издательстве Колумбийского Университета в Нью-Йорка монографию Джея Мартина «Образование Джона Дьюи» (Биография)

лекций. Либералы, во главе с Дьюи, тут же выступили в защиту Рассела, считая, что это начало травли представителя науки со стороны консервативных церковных кругов. Журналист Дороти Томпсон даже изобразила Рассела «Сократом XX века», а Епископа Мэннинга человеком, предлагавшим ему «чашу с ядовитым зельем». Разразился целый скандал вокруг всего этого. Многочисленные матери, подогретые церковными служащими, выражали на страницах прессы опасения за то, что лекции Рассела нанесут вред моральному образованию их дочерей, обвиняли его в сексуальной революции. Читавший в это время лекции в Калифорнийском университете Лос Анжелеса Бертран Рассел, узнав обо всём, дал интервью журналистам, в котором он заверил, что он не напрашивался на приглашения. Он так прокомментировал случившееся: «Я не настолько сильно интересуюсь сексом, как епископ Мэннинг» и заверил, что обратиться в Американский Союз Гражданских Свобод в свою защиту, пояснив, что в классных аудиториях он преподавал философию, а «не свои взгляды на секс»¹⁵⁸.

Джон Дьюи внимательно следил за происходящим и по поручению Комитета по Свободе Культуры вместе с Джорджем Каунтсом, Сидни Хуком и Горацио Калленом подписал письмо в защиту Рассела и вручил его в руки Фиорелло Ля Гардия, тогдашнего мэра Нью-Йорка, обеспечив копиями письма Ордуэя Теда, занимавшего кресло председателя Комиссии по Образованию, а также Уильяма Чэнлера, консула города Нью-Йорк. Письмо начиналось словами: «Наряду с просвещёнными гражданами Нью-Йорка... мы считаем, что фанатизм решения о запрете на чтение лекций Расселом ни что иное, как расправа над Сократом и Галилео»... «если это не остановить, то тем самым будет проложена дорога инквизиции». Хотя по риторическому стилю в письме узнавался и Каллен, именно Дьюи сделал всё возможное, чтобы привлечь на свою сторону представителей либеральной прессы. Он радовался тому, что в конфликте участвовал философ такого крупного масштаба как Рассел, что позволило вовлечь в дискуссию о степени свободы слова в высших учебных заведениях огромное количество людей науки и искусства. Друг и коллега Дьюи – известный коллекционер картин Альберт Барнс – оказал огромную поддержку в защите Рассела, став буквально чемпионом в битве против невежества. Он именно так представил случившееся. Вскоре был создан специальный комитет по защите академических свобод Бертрана Рассела, стержень которого составили Дьюи и его коллеги. Президентом комитета стал Уильям Пепперель Монтей (William Pepperell Montague), а секретарем – бывший студент Дьюи Джон Герман Рэн-

¹⁵⁸ Jay Martin *The Education of John Dewey A Biography*, Columbia University Press, 2002. P.444

дэлл. В комитет вошли также Франц Боаз и Уильям Нейлсон. В результате была одержана победа. В мае месяце в издании «Американский Меркурий» («American Mercury») появилась статья Бертрана Рассела «Свобода и Колледжи», где он писал о том, что академическая свобода в Америке подверглась нападкам со стороны плутократии и церкви, и даже предсказал, что так и будет продолжаться, то страна опустится до уровня Германии»¹⁵⁹.

Джон Дьюи также открыто выразил свою позицию в эссе «Дело Бертрана Рассела», опубликовав его в июньском номере журнала «Нация» («Nation»). Он внимательно проанализировал взгляды Рассела на проблемы секса и отметил, что философ предпринял попытку создания новой сексуальной этики, которая более тесно связывала веру и практику. Дьюи призывал к диалогу и свободной дискуссии, свободной от догматизма и нетерпимости. Дьюи заверил, что хотя по многим позициям он коренным образом расходился с Расселом, он всеми силами был готов бороться за свободу научного поиска. В письме Хокингу учёный писал: «Если людей собираются убирать из американских колледжей за то, что они выражают не общепринятые, не ортодоксальные и недостаточно умные, по чьему-то мнению, взгляды на политические, экономические, социальные или моральные проблемы, то я сердечно рад в таком случае, что мои преподавательские дни сочтены. Всегда в любом заведении будут держать несколько проституток»¹⁶⁰.

Дьюи отослал копию письма Расселу, в котором приписал, что его очень задело случившееся, а позднее вместе с Калленом издал том эссе под названием «Дело Бертрана Рассела»(1941)¹⁶¹. В Центре Дьюи в Южно-Иллинойском университете содержатся фрагменты переписки Дьюи с Расселом.

Черты личности Дьюи поразительным образом отражали существо его веры. Буквально все, кто его знал, от «заклятого» друга и вечного оппонента Рассела до рьяного защитника, ученика и почитателя Сидни Хука, отмечали, что Дьюи – это «мышление, которое происходит у вас на глазах», «образец мышления как процесса», сама «мыслящая при-

¹⁵⁹ Jay Martin. The Education of John Dewey A Biography, Columbia University Press, 2002. P.446

¹⁶⁰ JD >W.E.Hocking,5/16/40.-CA OHM6McMaster University, Hamilton, Ontario, Canada, Bertrand Russel Archives

¹⁶¹ Bertrand Russel >JD1,5/30/40,ICarb S:Southern Illinois University, Carbondale, Illinois. Special collections, Morris Library. John Dewey Papers.

рода», человек, в котором есть что-то «от беспристрастности и непредвзятости природной силы»¹⁶².

Решение Дьюи говорить правду, независимо от последствий, всегда была для ученого общественно, исторически, морально опосредованным выбором, что обеспечило этому человеку глубокое уважение со стороны его коллег—современников, а также последующих поколений человеческого сообщества.

Президент Американской Психологической Ассоциации, Президент Американской Ассоциации Университетских Профессоров, Президент Американской Философской Ассоциации, организатор Американского Союза Гражданских свобод, а также Учительского Союза учителей города Нью-Йорка, Джон Дьюи сумел создать эффективный механизм по защите демократических свобод и академических прав не только своих соотечественников, но и деятелей других стран. И словом, и делом он всю свою долгую жизнь утверждал демократический подход в образовании, отстаивал демократические права граждан.

Одним из значимых фактов биографии учёного, который также заслуживает особого внимания, так как он ещё раз убеждает в последовательности демократических взглядов Дьюи и готовности за них побороться, является «Дело Троцкого». В 1937 году Джону Дьюи пришлось посетить Мексику, чтобы откликнуться на вызов мировой демократической общественности и направить весь свой интеллект на служение свободе и справедливости. Надо признать, что события, приведшие к этому, следовало бы отнести к более раннему времени. Смерть В.И. Ленина в 1924 году в Советской России во многом обострила борьбу за верховную власть между Иосифом Сталиным и Леоном Троцким. Победа Сталина в этом состязании вынудила Троцкого отправиться в ссылку сначала на границу с Китаем, затем в Турцию, во Францию и, наконец, в Норвегию. Троцкий пытался надежно укрыться от вражеских преследований, и каждый раз перебирался с места на место. В 1930-е годы президент Мексики Лазаро Карденас, многократно предоставлявший убежище политическим беженцам, разрешил приехать и Троцкому¹⁶³.

¹⁶² Л.Е. Павлова Исследование как кредо жизни и философии., М. Республикаб 2003. С.457.

¹⁶³ См. Обмен телеграммами между президентом Карденасем и американским комитетом по защите Леона ТроцкогоБ подписанный Джоном Дьюи (Exchange of telegrams between President Cardenas and the American Committee for the Defense of Leon Trotsky, signed by John Dewey, ICarb S: Southern Illinois University, Carbondale, Illinois. Special collections, Morris Library. John Dewey Papers.

Мексика представлялась Троцкому «тихой политической гаванью». К тому же, именно в Мексике троцкистское крыло партии было довольно сильным, поэтому Леону Троцкому удалось получить приглашение от Диего Ривера и Фриды Кало, «великих художников, но наивных троцкистов» остановиться в их доме на окраине столицы Мехико. Троцкий принял приглашение и прилетел в эту страну.

В Советской России в этот период происходили драматические события. В Москве начались судебные процессы, Сталин пытался консолидировать свою власть, и, следовательно, каждый, кто был хоть каким-то боком связан с Леоном Троцким, тут же становился врагом народа. Многих, «так называемых врагов», пытали, выбивали из них «признания», приводились в исполнение смертные приговоры. К моменту судебных слушаний в Советском Союзе практически были уничтожены почти все те, кто составлял Центральный Комитет Коммунистической Партии Советского Союза, за исключением Сталина и Троцкого. Сталинский министр юстиции Андрей Вышинский провозгласил окончательный приговор: Троцкий обвинялся в заговоре против Сталина и попытке втянуть Германию и Японию в войну против Советского Союза.

Безусловно, Троцкий мог чувствовать себя в Мексике в большей безопасности. Более того, ему удалось расширить ряды своих сторонников, он собирался контратаковать против Сталина. В этот период французские троцкисты образовали свой комитет в защиту своего идеологического лидера, американцы также создали комитет по защите Леона Троцкого. Обе группировки требовали организации интернационального трибунала для слушания Сталинских обвинений и разрешения Троцкому защищать себя, пока он оставался в безопасности в ссылке. Безусловно, для него было слишком опасно добровольно вернуться в Москву для участия в судебных разбирательствах. Как выяснилось, во французской троцкистской группировке так и не смогли принять решения относительно членов предстоящего трибунала, и поэтому именно американцам было поручено организовать слушания по делу Троцкого, куда планировалось пригласить и самого обвиняемого. Так как лидеры американского комитета, куда входили социолог Эдвард Э. Росс и Георг Новак были уверены в том, что трибунал, состоящий из сочувствующих Троцкому, вряд ли мог бы снискать доверие на международной сцене, им пришлось подумать о создании отдельной группы во главе с председателем. Им мог стать лишь человек, обладающий безупречной международной репутацией, а также тот, кто мог бы быть принят как либералами, так и сочувствующими Советам, да и интеллектуалами повсеместно. Исследование показало, что именно философ и социолог Сидни Хук предложил на пост председателя международной комиссии своего консультанта по диссертации 78-летнего Джона Дьюи в качестве наилучшей

кандидатуры. Аргументами Сидни Хука были следующие: признание Дьюи как великого ученого и педагога в Советском Союзе во время его визита в эту страну в 1928 году; просьба к Дьюи со стороны Социалистической Партии стать их кандидатом на пост губернатора Нью Йорка; частое цитирование Дьюи (практически каждую неделю) в газете Нью Йорк Таймс; приглашение Дьюи на обед в Белый Дом; дружба Дьюи со многими крупными капиталистами; заведование Дьюи вплоть до 1905 года кафедрами философии и педагогики в Рокфеллеровском Чикагском Университете; а затем почетное место в Колумбийском университете, где ученый стал фаворитом президента Николаса Маррей Батлера.

Именно Сидни Хук и Джеймс Т.Фэррел – выдающиеся лидеры троцкистского движения среди американских писателей того времени - пытались уговорить Дьюи взять на себя ответственность за председательство на судебном разбирательстве, что означало для ученого поездку в Мексику.

Там, в доме Диего Ривера должны были состояться слушания, а, следовательно, Дьюи предстояло внимательно погрузиться в изучение массы материалов следствия. Поначалу Дьюи был категорически против. Он намеревался закончить свой труд «Логика: Теория Исследования» («Logic: The Theory of Inquiry»). Этот труд учёного в сфере логики периодически занимал внимание ученого в течение последних десяти лет, и в 1937 году он решительно намеревался ее завершить.

Многие близкие люди пытались отговорить ученого от поездки: его старший сын Фредерик, опасавшийся за здоровье отца; ряд друзей Дьюи по социалистическому «общему фронту» энергично отговаривали коллегу от поддержки Троцкого, которого они считали врагом революции Советов; близкий друг Дьюи Алекс Гумберг уговаривал ученого не связываться с «темными силами» контрреволюции; Малколм Каули – литературный редактор газеты Нью Рипаблик призывал Дьюи держаться вместе с другими прогрессивистами всех марок и пытался убедить его в виновности Троцкого и не мешать делу либерализма и демократии. Дьюи получил множество угрожающих писем, которые приходили на его адрес в течение долгого времени уже после того, как ученый вернулся из Мехико.

Надо подчеркнуть, что уверенность ученого в необходимости действовать не помешала ему даже порвать с редакцией вышеупомянутого журнала, который, по словам ученого, «покончил» с тем, что Дьюи принимал за либерализм для того чтобы стать «...апологетами сталинизма», а также выйти из редакционной коллегии журнала. Менее всего ученый нуждался в советах Каули, которого Дьюи считал сторонником Сталина.

Дьюи принял решение участвовать в председательстве по делу Троцкого и аргументировал данное решение тем, что это было сделано ради его собственных убеждений. Ученый не мог предать свои взгляды и написал в письме Роберте Ловиц: «Я посвятил всю жизнь поиску истины», возмущался по поводу ряда либералов (Гамберга и Каули), стремящихся оставить в темноте невежества американский народ относительно событий в России. Дьюи считал, что «...истина – это не буржуазная иллюзия, это основной источник человеческого прогресса»¹⁶⁴.

Решение Джона Дьюи о том, что Троцкий должен получить право свободно высказаться перед международной комиссией вызвало восхищение и уважение в академических кругах его почитателей. Достаточно привести высказывание Эдварда Росса после того, как он узнал о положительном решении Дьюи. В письме Новаку Э.Росс писал: «Никто в этой стране не смог бы привнести столько престижа в комитет, как сможет это Джон Дьюи».

Председательствуя в Мексике в 1937 году в Международной комиссии по делу Льва Троцкого и узнав многое о показательных процессах в Москве, Дьюи написал документ под названием «Не виновен», что автоматически поставило его в ряд врагов Сталина.

На протяжении всей жизни ученый занимал активную гражданскую позицию, имел добрую репутацию в кругах борцов за демократию и справедливость. В работе «Джон Дьюи, «суд» над Леоном Троцким и поиск исторической правды» (1990)¹⁶⁵ Алан Спицер указал, что благодаря усилиям Джона Дьюи комиссия сумела применить каноны доказательности, достойные как исторического, так и легального расследования. Хотя Дьюи и приехал в Мексику для расследования дела более или менее уверенный скорее в правоте Сталина, чем Троцкого, на основе доказательств, представленных Троцким, а также после тщательной проработки всех имеющихся материалов, он сумел сделать вывод о том, что Троцкий и другие защитники были обвинены незаконно, что их дела были сфлбрикованы. Тем не менее, Дьюи вовсе не разделял политических взглядов Троцкого¹⁶⁶.

Авторитет Дьюи в мировых кругах в различные периоды был довольно высок. Ученый живо реагировал на мировые события не только в сфере образования, но и в политике, и требовал справедливости, за что был удостоен многочисленных наград различных национальных прави-

¹⁶⁴ Ibid., p.411.

¹⁶⁵ Alan B. Spitzer. «John Dewey, the «Trial» of Leon Trotsky and the Search for Historical Truth»/ History and Theory, Volume 29, Issue 1(Feb., 1990) 16-37.

¹⁶⁶ James T, Farrell Dialogue on John Dewey,ed.Corliss Lamont (New York, 1959), p.69.

тельств. Достаточно привести пример с Китаем. В декабре 1931 года Дьюи убедил объявить бойкот в отношении покупки японских товаров до тех пор, пока Япония не уберет свои вторгшиеся войска с китайской территории. Ученый сделал очень много в модернизации образования этой страны. В 1938 году правительство Китая наградило ученого орденом (The Blue Grand Cordon of the Order) за вклад в развитие образования в Китае. В 1942 году, после того как Америка вступила в войну с Японией, правительство США, зная о столь огромном влиянии ученого в Китае, убедило Дьюи составить записку–обращение к китайскому народу. Тысячи листовок, содержащих слова ученого, были разбросаны с борта самолетов военно–воздушных сил США с целью активизации китайцев продолжить борьбу против японских захватчиков. Дьюи писал в своем обращении: «Ваша страна и моя страна любят мир и не вынашивают планов относительно других наций. Нас сближает то, что на нас напал без причины и без предупреждения коварный враг–насилльник... Мы теперь товарищи в нашей общей битве». В заключении Дьюи прочитил «грядущую победу Америки и Китая»¹⁶⁷. Не случайно в марте 1946 года Дьюи получил приглашение еще раз посетить Китай в качестве почетного гостя китайских университетов с целью инспектирования проблем, стоящих перед высшим образованием. Хотя ученому уже было к тому моменту 86 лет, он был настроен на поездку, ему даже обещали частный самолет военно–воздушных сил США и сопровождающего секретаря, а Министерство Образования Китая в Пекине послало ему 5000 долларов на компенсацию расходов на дорогу. Правда, к величайшему сожалению Дьюи, откладываемая несколько раз по разным причинам поездка сорвалась, так как в Китае был вскоре провозглашен коммунистический режим. Дьюи сумел предсказать участь своей репутации в коммунистическом Китае. Он писал «Теперь, когда они стали большевиками, мое имя будет запятнано в грязи – я стану философом империалистического буржуазного капитализма»¹⁶⁸. И здесь его предсказание оправдалось.

3.2. Международные образовательные миссии Джона Дьюи

Влияние Джона Дьюи на философское мышление и образовательную реформу не ограничивалось Америкой, а ощущалось на многих континентах.

¹⁶⁷ цит. по Jay Martin, p.326

¹⁶⁸ Ibid, p.327.

Педагогика Джона Дьюи предстала феноменом интернационального порядка и была воспринята различными культурными сознаниями. Принимаемый или отвергаемый, почитаемый или игнорируемый, Джон Дьюи внес существенные перемены в мир мышления и образования.

Известный американский мыслитель Джон Дьюи – основатель Чикагской школы философии, лидер прогрессивного образования и педагогики прагматизма, или «инструментализма» известен сегодня практически во всех уголках мира. Джон Дьюи был самой влиятельной фигурой в американской философской-педагогической мысли первой половины XX века. Причем, его влияние распространялось и вширь и вглубь. Ученый Д.Сидорский отмечал: «...Идеи Дьюи сыграли настолько важную роль в развитии американской философской и общественной мысли, что их можно рассматривать как крупнейший феномен американской культурной истории в XX веке»¹⁶⁹. По случаю празднования в 1949 году 90-летия со дня рождения ученого, У. Брикман коснулся педагогической репутации Дьюи в зарубежных странах и указал на ряд примеров явного влияния Дьюи на педагогическую теорию и практику зарубежных стран. Он отмечал, что «...наиболее доступной для измерения в контексте отношения Дьюи к его современникам в других странах является его репутация как педагога...», при этом в качестве определителей Брикман обозначил «...переводы книг и статей, профессиональные обзоры, обсуждение идей в профессиональных и других публикациях, а также ссылки на его теорию и практику в многочисленных источниках»¹⁷⁰.

Можно со всей уверенностью сказать, что ни один педагог, философ или ученый не имел такого количества переводов своих работ на такое количество языков. А ведь перевод работы на иностранный язык является одним из показателей того, что работа очень значимая и должна стать предметом для обсуждения более широкой аудитории, а это может, в свою очередь, оказать определенное влияние на интеллектуальный фон мышления представителей этой аудитории. Дьюи сумел завоевать высокую международную репутацию благодаря своим многочисленным публикациям – их свыше тысячи, в том числе более 180 по педагогической проблематике. Труды Дьюи переведены более чем на 35 языков.

Джон Дьюи был тесно связан с «прогрессивным воспитанием, его книги читали, а педагогические и философские идеи воспринимали по

¹⁶⁹ D.Sidorsky, John Dewey, The Essential Writings (New York:Harpe &Row, 1977, p.vii.

¹⁷⁰ W.W.Brickman, John Dewey's Foreign Reputation as an Educator. School and Society.70 (October 22, 1949), p.258.

всему континенту. В 1946 году тогдашний директор Международного Бюро Образования в Женеве Роберт Дроттенс называл Дьюи личностью, оказавшей самое обширное влияние на современное образование во всемирном масштабе¹⁷¹. По словам Юргена Оэлкерса к 1950 году «Дьюи в Европе» был некой торговой маркой (“trademark”)¹⁷².

Дьюи всегда правило желание путешествовать, исследовать окружающий его удивительный мир, наблюдать за людьми самых разных стран, пытаться уловить особенности их культуры. Дьюи «...стремился постичь динамику модернизации цивилизации и культуры XX века, пружины, толкающие страны к демократии и гуманизму, и одновременно понять, какие силы их блокируют... Осознавая, что рассмотрение процесса модернизации только через американскую практику чревато ограниченностью, он ездил по миру, с тем, чтобы увидеть опыт других народов»¹⁷³.

Конечно же, в первую очередь, его интересовали европейские страны. Как отмечал Джон Дьюи позднее, размышляя о предпринятой поездке в Европу: «Англичане были наиболее гостеприимными и дружелюбными»¹⁷⁴. Первый визит Дьюи в Европу пришелся на 1895 год, когда в январе он присоединился к своей семье – жене Элис и трем младшим детям в их более чем годовом путешествии по Европе¹⁷⁵. Поразительно, что если первая поездка в Европу как раз совпала с началом карьеры Дьюи в Чикагском университете, то вторая его поездка в Европу в 1904 году знаменовала завершение Чикагского периода в жизни американского ученого¹⁷⁶. Печально, что обе поездки семьи Дьюи в Европу были омрачены трагедией – потерей двух сыновей. В первый

¹⁷¹ W.W.Brickman. John Dewey's Impressions of Soviet Russia and the Revolutionary World: Mexico–China–Turkey, 1929, New York, Teacher's College Press, 1964, p.1.

¹⁷² Dewey and European Education. General Problems and case studies, ed. By Jurgen Oelkers and Hein Rhyh, reprinted from Studies in Philosophy of Education. Vol.19. Nov.1-2, 2000. Kluwer Academic Publishers, 2000, intr.

¹⁷³ Юлина НС. Философия Джона Дьюи и постмодернистский прагматизм Ричарда Рорти. // Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст. Отв.ред. А.В.Рубцов.-М.: «Традиция», 1997 с.172-173. (всего 288с.)

¹⁷⁴ Jay Martin. The Education of John Dewey. A Biography, Columbia University Press N.Y., 2002. P.352

¹⁷⁵ Dukhuizen, G. The Life and Mind of John Dewey. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1973, p.79.

¹⁷⁶ Dukhuizen, G. The Life and Mind of John Dewey. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1973. p.115.

раз в 1895 году беда настигла их сына Морриса, умершего от дифтерии в Милане в возрасте двух с половиной лет, а во второй поездке жертвой стал их восьмилетний сын Гордон, скончавшийся в Ирландии от брющного тифа.

Лишь спустя 20 лет Дьюи снова отправляется в Европу по приглашению правительства Турции для того, чтобы изучить состояние дел в образовании и наметить пути реформирования школьной системы. Летом 1926 года Дьюи посетил Мадрид, Париж и Вену, где посещал музеи вместе с художественным коллекционером Альбертом К. Барнсом. Именно здесь и укреплялась его идея связать школу и музей с целью расширения образовательных возможностей обучающей среды. Дьюи уделял огромное внимание воспитанию своих детей и старался открыть для них мир искусства. Его самого интересовала живопись, музыка, он всегда жадно ловил все новинки культурной жизни Чикаго, Нью-Йорка, посещая различные выставки и всевозможные экспозиции как с друзьями, так и со своей семьей. Художественное образование рассматривалось ученым важнейшим элементом общей культуры человека.

Дьюи удалось посетить различные европейские города, встретиться с многочисленными интересными людьми. Например, в 1928 году Дьюи предпринял интересную поездку в Лондон, Париж и Берлин, чтобы посмотреть известные во всем мире музейные экспозиции. В Англии ему удалось увидеть великолепные архитектурные памятники – соборы Эксетера, Салсбери, Винчестера, а затем и достопримечательности Оксфорда. В Лондоне Дьюи составил для себя очень напряженную программу посещения различных музеев и достопримечательностей, которая иногда прерывалась рядом мероприятий социального плана. Находясь в Европе, Дьюи всегда стремился вновь увидеть Париж, так как он испытывал огромный интерес к живописи и старался всегда еще раз взглянуть на полотна, которыми он уже однажды восхищался то вместе с другом Барнсом, то с членами своей семьи. В одном из своих писем Дьюи признался своему коллеге по Чикагскому университету Джорджу Миду: «Мы серьезно занялись живописью. Фактически, как мне кажется, помимо философии, больше всего мне интересны картины»¹⁷⁷.

Желание увидеть шедевры европейской живописи привело Дьюи в 1928 году и в Берлин, куда ученый поспешил после своей парижской недели. Правда, в Берлине Дьюи пришлось пробыть недолго, так как ему предстояло встретиться с дочерью Эвелин и другими членами американской делегации уже 7 июля 1928 года, чтобы возглавить группу

¹⁷⁷ Jay Martin. The Education of John Dewey. A Biography, Columbia University Press N.Y., 2002., p.353.

американских педагогов в поездке по Советской России (Москва, Ленинград) по приглашению тогдашнего Министра образования Анатолия Васильевича Луначарского. Дьюи принял это предложение и стал во главе внешнеполитической миссии, состоящей из 25 известных американских ученых. Целью делегации было познакомиться с методами обучения в Советской России, изучить работу опытных станций, находящихся неподалеку от Москвы. Дьюи был вынужден поспешить из Берлина в Ленинград, где комиссия, в составе которой находились Джеймс Мак-Кин Кэрел, тогдашний редактор журнала «Сайенс» («Наука»), президенты Карлентонского Колледжа и университета Миннесота, дочь сенатора Роберта Ла Фоллета «Фола», Катарина Блейк – педагог, получившая известность в городских школах Нью-Йорка, а также дочь Дьюи – Эвелин Дьюи должны были встретиться со своим руководителем. Ученый торопился покинуть Берлин с надеждой увидеть как можно больше залов Эрмитажа в тогдашнем Ленинграде еще до начала работы комиссии. Надо заметить, что в поездках по Европе Дьюи интересовало все новое и интересное. Далеко не всегда его инициативы посетить зарубежную страну находили поддержку в кругу американской аристократии и газетчиков, но это не останавливало американского ученого. Его желание приобрести новый опыт всегда брало верх. Не случайно, перечень ярких впечатлений Дьюи биограф Джей Мартин завершает выводом о том, что Международная репутация американского реформатора укреплялась, бесспорно, и благодаря его международным поездкам в качестве эксперта в области образования. Именно с образовательными миссиями отправлялся в Японию (1918), Китай (1919–1921), Турцию (1924), Мексику (1926), Советский Союз (1928) выдающийся лидер педагогики прагматизма. Надо признать, что поездки в Китай и Японию пробудили интерес Дьюи к образованию в мировом контексте. Не случайно именно после посещения «страны восходящего солнца» и Китая ученый предпринял целый ряд поездок и в другие страны с образовательной миссией.

В 1920-х годах Джон Дьюи постепенно становился человеком мира. Параллельно с посещением разных стран создавалась известная работа Дьюи «Реконструкция в философии», публиковались статьи о состоянии образования в Китае и Японии, писались «Впечатления о Советской России...».

Надо признать, что уже в начале XX века многие молодые японцы и китайцы, обучающиеся в США, воспринимали с восторгом идеи Д. Дьюи, основанные на демократизации в образовании. Еще в 1884 году, когда на семинаре Дьюи появился выступающий, проживший сорок лет в Китае, Дьюи резко заинтересовался возможностями развития демократии в Азии. И в Чикагском университете, а позднее и в Колум-

бийском, Дьюи привлекал внимание многих японских и китайских студентов. Да и сам он проявлял с самого начала огромный интерес к этим студентам. В отличие от многих других крупных философов Дьюи питал интерес к восточной философии. Возможно благодаря своей мировой славе, а, может быть, в знак благодарности за то покровительство и спонсорство, которое ученый оказывал многим студентам из Азии в США, Дьюи испытал очень теплый прием и в Китае, и в Японии. В Китае Дьюи и его супруге Элис удалось увидеть «рождение нации». Наблюдая за событиями 4 мая в Пекине, когда студенты поднялись на забастовку против правительства, Дьюи писал: «Возможно это, хотя может быть и нет – начало важного активного политического движения, из которого что-то может вырасти..., может быть это временное явление, а может быть начало нового политического движения, так необходимого Китаю»¹⁷⁸. Дьюи думал, что приехал в Китай как турист, но его приветствовали как революционера. Тысячи китайцев вышли на улицы, чтобы послушать его. Хотя первоначально Дьюи планировал вернуться в Японию через 2 месяца, ему пришлось провести в Китае 26 месяцев. Том китайских лекций Дьюи был распродан в количестве 140 тысяч экземпляров и переиздавался вплоть до 50-х годов XIX века. Еще до приезда в Китай его знали в этой стране как выдающегося деятеля современной демократической революции в образовании, и за месяц до его приезда китайские газеты и журналы публиковали его фотографии, статьи о нем его бывших китайских студентов, его биографию, интервью с его последователями (Ху Ши и др.), об их американском профессоре, отрывки из его произведений. Его бывшие студенты занимали ключевые посты в известных издательских домах Шанхая, например, Мэнлин работал в издательстве «Коммерческая Пресса», а вскоре начал выпускать Журнал «Новое воспитание», в котором печатались статьи, раскрывающие философию образования американского реформатора. Практически апрельский выпуск 1919 года был целиком посвящен философско-педагогическим взглядам Дьюи¹⁷⁹.

В предисловии к работе Кинана «Эксперимент Дьюи в Китае» исследователь Б. Шварц писал: «Столкновение между Дьюи и Китаем – один из наиболее замечательных эпизодов в интеллектуальной истории Китая двадцатого века. Попытка, предпринятая китайскими учениками Дьюи применить его идеи в ситуации сложного переплетения политических, социальных и культурных моментов в Китае, дает нам

¹⁷⁸ Jay Martin. The Education of John Dewey. A Biography. Columbia University Press, NY, 2002. P. 317.

¹⁷⁹ Millard's Review VIII.10 (May 3, 1919), 365. See HCY1,2 (March 1919), 129-139, and HCY 1.3 (April 1919).

уникальную возможность разобраться в ужасных диллемах, с которыми столкнулись китайские интеллектуалы в этот период»¹⁸⁰. За два года пребывания в стране Дьюи постоянно выступал с лекциями. Когда его представляли многочисленной аудитории слушателей, то часто сравнивали с Конфуцием. В Педагогическом колледже Нанкина он прочел шесть лекций. Все его лекции были переведены на китайский язык и опубликованы в пяти книжных изданиях, одно из которых выдержало целых десять переизданий еще до того, как Дьюи покинул Китай. Его открытую лекцию, которую ученый прочел через три дня после приезда в эту страну, слушали свыше 1000 выдающихся педагогов Китая. Приезд ученого в страну совпал с началом национального студенческого движения протеста против коррупции в Китае и японского империализма. Дьюи стал свидетелем массовых демонстраций, забастовок, бойкотов, прокатившихся по всей стране, что во многом политизировало интеллектуальную атмосферу во время пребывания Дьюи и его супруги в Китае. Исследователь Сайзер полагает, что характер Движения 4 мая, с присущим ему недовольством и отрицанием моделей прошлого, надеждой и верой в силу китайских интеллектуалов проанализировать и реформировать Китай должным образом, а прежде всего в сфере образования, может послужить объяснением огромного интереса к философии Джона Дьюи в Китае в годы после окончания первой мировой войны¹⁸¹.

По прибытии в Токио, чета Дьюи остановилась в роскошном Имперском отеле. Через пять дней они переехали в дом доктора и миссис Нитобо, собиравшихся отправиться во Францию, что было очень важно для экономии финансов. К тому же, Миссис Нитобо была американкой и состояла в движении квакеров, поэтому она тут же погрузила Элис в проблемы феминистского движения в Японии. По словам биографа Дьюи Джея Мартина, Элис была очарована «страной восходящего солнца», проявляла интерес ко всему, с удовольствием посещала традиционные чайные церемонии, мечтала увидеть цветения сакуры весной, а также храмы. Более того, она очень быстро освоила разговорник и через два месяца уже говорила по-японски¹⁸².

Дьюи очень радовался такому состоянию супруги, находившейся долгое время в депрессии после потери ребенка. Поездка Дьюи в Япо-

¹⁸⁰ B.I.Schwartz, "Forward", in Kennan, *The Dewey Experiment in China Educational Reform*, p.5.

¹⁸¹ N. F. Sizer, «John Dewey's Ideas in China: 1919 – 1921», *Comparative Education Review* 10 (October 1966): 391.

¹⁸² Jay Martin *The Education of John Dewey. A Biography*. – New York: Columbia University Press, 2002. – P.312.

нию была очень насыщенной, так как вдобавок к официальному плану прочесть восемь лекций в Токийском Имперском университете, ему пришлось выступать в четырех или пяти частных университетах, а также в нормальных школах, ассоциациях учителей и т.д. Во всех университетах Дьюи получал обещанную высокую оплату за свои лекции.

В частном университете Васеда Дьюи сумел прочесть ряд важных лекций, так как там преподавали ряд его бывших студентов. Его публичные лекции собирали аудитории в пятьсот слушателей. Причем, Дьюи всегда готовил краткие тезисы каждой лекции заранее, чтобы дать возможность переводчикам подготовиться тщательнее, что оказалось чрезвычайно важным впоследствии, когда ученый объединил содержание своих лекций в работе «Реконструкция в философии». Важно отметить, что в Японии ученого постоянно посещали очень известные личности, или же его постоянно представляли знаменитостям, он был почетным гостем на заседаниях различных обществ, например Японо-Американского Общества и Общества Конкордиа. Японский ученый Нарузе признавался, что педагогическая теория Дьюи вызвала у него огромный интерес. Нарузе посетил Дьюи в Нью-Йорке в 1912 году и получил его автограф. Американскому реформатору также представилась возможность в 1918 году нанести Нарузе ответный визит в Токийском Имперском Университете, где ученый выступил перед слушателями школы с лекцией «Новые тенденции в философии, религии и образовании»¹⁸³. Нарузе перенял многие элементы дидактики в свою школу, однако он не был большим знатоком философии Дьюи.

Танака Одо (1867–1932) стал первым серьезным исследователем американского прагматизма. В 1889 году ему удалось послушать лекции Дьюи в США в Чикагском университете. После окончания Чикагского университета Танака преподавал в Высшей Индустриальной Школе в Токио и университете Васеда. Примечательно, что не все прагматические взгляды Дьюи принимались японским ученым. Разделяя с Дьюи многие позиции в общественных вопросах, Танака был идеалистом во взглядах на социальный прогресс и находился под влиянием гегельянства. Он одобрил критику Дьюи относительно «философствования в кресле». Осуждая своих коллег за приверженность к немецкому идеализму, Танака упрекал их в том, что они заточили себя в железную башню и ушли от реального мира. В своей работе «Из библиотеки на

¹⁸³ Dr. Dewey's Lecture. N.505 (Feb.28, 1919) // Letters from China & Japan. ed. Evelyn Dewey, New York, 1920. P. 2–12.

лицу» (1911) Танака призвал философов покинуть кабинеты и начать исследование реального социального мира¹⁸⁴.

В его критике японских философов относительно догматизма мышления, однозначности суждения, чувствуется влияние американского коллеги. Именно Танака открыл для своих учеников и японских ученых философии Д. Дьюи и У. Джеймса. Переводы работ Дьюи по проблемам этики также состоялись благодаря усилиям Танака. Именно он сделал все зависящее, чтобы утвердить за университетом Васеда право считаться центром прагматизма. В университете Васеда Д. Дьюи читал лекцию на тему «Философские основы демократии». Так называемая «Васедовская группа» включала Сугимори Койиро, Хоаши Риичиро и Танака. Хоаши называл себя «учеником ученика Дьюи».

Лекции Джона Дьюи в Токийском Имперском университете завершились к концу мая 1918 года. Дабы не «растратить понапрасну так много хорошо отпечанного ...», как писал он в Колумбийский университет Венделло Бушу, Дьюи создал на этом материале книгу¹⁸⁵. Вот почему работа Дьюи «Реконструкция в философии» была создана достаточно быстро. В её основе были лекции, прочитанные в Токийском университете. Она увидела свет уже в конце 1920 года.

Освободившись от чтения лекций, ученый посещал знаменитые достопримечательности Японии. Однако, где бы он ни появлялся: на обедах, специальных приемах, развлекательных вечерах, к нему всегда относились как к Имперскому профессору. Его приветствовали высшие представители духовенства, мэры и другие знаменитости. Дьюи посетил Киото и прочел свою последнюю лекцию в Кобе, в прекрасном школьном зале. Как он сам отмечал, лекция получилась «намного лучше, чем другие»¹⁸⁶.

Все впечатления от поездки были записаны супругой Дьюи в деталях. Благодаря этому, дочь Дьюи Эвелин, сохранившая все письма из Японии, сумела опубликовать их в 1920 году под названием «Письма из Китая и Японии», авторы – Джон Дьюи и Элис Чипман Дьюи. Влияние Дьюи на японскую педагогическую мысль было достаточно продолжительным, начиная с его визита в 1919 году, и достигло своего пика в период «американизации» японского образования сразу же после Второй мировой войны. Примечательно, что именно серия японских лекций драматически изменила отношение Дьюи к проблемам войны и

¹⁸⁴ Kamidera Hisao, History of Dewey Studies in Japan // John Dewey in Japanese Educational Thought / by Victor Nobuo Kobayashi, University of Michigan Press, 1962. P. 239.

¹⁸⁵ Ibid, p.313

¹⁸⁶ J. Martin “The Education of John Dewey, a Biography”, 2004, p. 314

мира. С этого момента он стал сторонником пацифистских ценностей, признал ошибочность своих взглядов в поддержке Первой мировой войны. В 1920-е годы популярность Дьюи в Японии ощущалась довольно отчетливо. Все пытались связать текущие общественные идеи с образовательными теориями, и даже те педагоги, которые считались наиболее консервативными, не могли устоять перед защитниками демократии или обсуждению идей Дьюи. Идея Дьюи о необходимости поставить в центр учебно-воспитательного процесса ребенка, перейти от безликой унификации к индивидуальности были очень привлекательными для прогрессивных педагогов Японии. Влияние побывавших в Японии Элен Паркхерст и Уильяма Килпатрика достаточно долго ощущалось на учителях Японии – от начала 1930х годов и вплоть до того момента, как к власти пришли милитаристские круги, и в образовании Японии начал царить диктат военных. Метод проектов был достаточно популярен в Японии. Примечательно, что в 1927 году друг и коллега Дьюи по Педагогическому колледжу Колумбийского университета Уильям Херд Килпатрик также посетил Японию и прочитал там лекции по своей версии проектного метода, вдохновленный идеями Джона Дьюи. Лекции Килпатрика собирали огромные аудитории, так как их рекламировали в средствах массовой информации, включая радио. Он вернулся в США осенью 1929 года. Его бывших студентов в Японии уже было достаточно много, он насчитал около 200, включая американцев еще в 1927 году. Во многом благодаря этому идея Дальтон-плана и проектного метода действительно получили популярность у японских педагогов.

В 1920-е годы популярность Дьюи в Японии ощущалась довольно отчетливо. Почти каждый пытался связать текущие общественные идеи с образовательными теориями, и даже те педагоги, которые считались наиболее консервативными, не могли устоять перед защитой демократии или обсуждении социологии Комте или идей Дьюи. Однако к 1930м годам прогрессивное педагогическое движение в Японии приближалось к закату. К началу Второй мировой войны прогрессивные школы, которые действовали во «враждебном окружении», «постоянно под угрозой доминирующей системы образования», были вынуждены адаптировать базовые принципы чтобы выжить, им пришлось подстроиться под японскую экзаменационную систему, которую прогрессивные педагоги рассматривали как главное препятствие к подлинному образованию. Тем не менее, ультра-националисты в этот период стали доминировать, и прогрессивные школы все время встречали на своем пути многочисленные препятствия, страдали от сильного контроля центрального правительства, целью которого было снизить степень свободы учителей как в общественных,

так и в частных школах. Это отчетливо подтверждают результаты анализа школьных учебников, проведенного ученым Томитаро. Японские учебники четко и строго следовали историческим и политическим событиям своего времени. От начала XX века до второй мировой войны они переписывались пять раз (1903, 1910, 1918, 1933, 1945). Если в учебниках начала века восточная мораль преобладала над западной, то учебники более позднего периода уже больше внимания уделяли духу кооперации, воспитывали интернациональные чувства. Внимательное отношение к культурам и людям других стран сменилось в учебниках накануне Второй мировой войны полным неприятием мирового опыта. Как писал Карасава Томитаро, лишь в знак солидарности тройственного союза Японии с Германией и Италией в учебниках можно было найти имена Бетховена и Галилея.

Во время Второй мировой войны все без исключения мировые имена были изъяты. В школах был запрещен английский язык. Учебники накануне Второй мировой войны отражали враждебный характер отношений между США и Японией. Генералы в этот период становились министрами просвещения, подчиняли военному контролю систему образования. Ярво выраженный националистический характер учебников начальной школы того периода отражал эпоху апофеоза всего японского. Тоталитаристский настрой вылился в то, что учебники географии провозглашали «Великую Восточную Азию» с центром в Японии.

Сравнивая Японию и Китай, ученый писал: «Япония была довольно загадочной и заманчивой, Китай – всепоглощающий, непреодолимый...»¹⁸⁷ В своих многочисленных сравнительных заметках, таких, например, как «Япония и Америка» – одной из трех зарисовок пребывания Дьюи в стране Восходящего солнца, а также в своей переписке с детьми Дьюи погружал своих собеседников в диалог различных культур, старался стимулировать понимание ими «мира Другого». Он стал поистине «Человеком мира». В отличие от многих своих европейских коллег-консерваторов реформатор Джон Дьюи осознал, что рассмотрение процесса модернизации образования только через американскую практику чревато ограниченностью. Это и объясняет его стремление выбираться в Европу, изучать опыт Востока, стран Латинской Америки. С огромным желанием ученый читал лекции во многих странах – Китае, Японии, Турции, участвовал в модернизации образования в Мексике и других странах Латино-Американского континента, внимательно следил за ходом реформирования образования в России. После возвращения из Японии и Китая на Дьюи смотрели как на мирового образовательного экс-

¹⁸⁷ Barry Keenan, "The Dewey Experiment in China. Cambridge, Mass, 1977, p.11.

перта, способного модернизировать школьные системы. После публикации серии статей, в которых Дьюи высвечивал связь образования и социального прогресса, правительства ряда зарубежных стран стали приглашать реформатора проинспектировать их образовательные системы.

Поездка в Турцию в 1924 году преследовала именно эту цель. Президент Турции Мустафа Кемаль, которого стали называть позднее Ата-тюрк, предпринял долгосрочную реформу. Став в 1923 году первым президентом страны, он попытался реорганизовать общество на демократических идеях. Именно по совету Дьюи арабский алфавит турецкого языка был заменен на римские буквы. Весной 1924 года, получив приглашение от Ата-тюрка, Дьюи прибыл в страну сразу по окончании семестра в Колумбийском университете. Его тепло приветствовали в прессе. В Константинополе Дьюи консультировался с американской администрацией колледжа Роберта и собирал статистический материал о турецком образовании в турецком Офисе по Образованию и у официальных лиц американского посольства. Поскольку в летний период большинство школ были закрыты, Дьюи переезжал из Константинополя в Анкару и обратно, посещая школы, исследуя ресурсы каждой из них, а также возможности классных комнат. Они сумели расспросить в своих интервью огромное количество учителей, школьников и администраторов в разных провинциях Турции. К середине сентября Дьюи вручил Васифу Бюю, назначенному министру школьного образования черновик своего отчетного доклада. Копию подобного материала получил и первый секретарь посольства США Роберт Скоттен. Дьюи покинул Турцию в pessimистическом настроении, так как состояние финансирования образования в этой стране оставляло желать лучшего. Оплата учителей была мизерной, школьные здания находились в плачевном состоянии, а школьная система, если вообще то, что увидел ученый, было можно назвать системой вообще, была слишком бюрократизирована. Школьная система была жестко централизованной, свободы действий на местах не предоставлялось вообще. Дьюи предложил четкий план работы с педагогическими кадрами, так как видел в подготовке учителя нового типа ключ к реформе школы. Он считал, что следовало начинать реформу с начальной школы, предложил изменения в бюджете, критиковал министерство за бюрократические шаги и требовал стать моральным и интеллектуальным лидером и вдохновителем реформы¹⁸⁸.

В конце 1924 года и в январе 1925 года появилась серия статей для «Нью Рипаблик» под названием «Секуляризируя теократию», «Новая

¹⁸⁸ Ekeanor Bisbee, *The New Turks. Pioneers of the Republic, 1920-1950* (Philadelphia, 1951), 28; Robert M.Scotten, first secretary of the U.S.embassy > U.S.secretary of state, 9/23/24

Ангора», «Турецкая трагедия», «Зарубежные школы в Турции» и «Проблемы Турции», в которых реформатор дал критическую оценку процесса модернизации в стране.

Мексика - единственная страна в Латинской Америке, которую Дьюи лично посетил. В первый раз Дьюи был приглашен прочесть лекции в рамках организованной в 1926 году Летней Сессии в Национальном Университете после своей поездки в Европу с Альбертом Барнсом. Затем уже в 1937 году он выступал председателем Предварительной Комиссии по расследованию предъявленных Сталиным обвинений по делу Леона Троцкого.

К тому моменту как Дьюи впервые прибыл в Мексику, в стране уже был создан Секретариат Народного Образования, в котором федеральное правительство видело главное средство осуществления образовательной реформы, к которой призывала Революция 1910 года. Сначала его возглавил особо популярный в Северо-Американской прессе бывший ректор Национального университета Хосе Васконселос. Он считал работу Секретариата и свою реформаторскую деятельность «единственной славой Революции», и Дьюи во многом согласился с этой оценкой, как можно видеть из его работ, появившихся после визита в Мексику.

Дьюи восхищался процветающим Национальным Университетом, да и самим ректором, живо интересующимся обменом студентов с Северо-Американскими университетами. Он призывал Мексику сосредоточить усилия на создании сельских школ для многочисленного и безграмотного населения. Дьюи и Васконселос пришли к единому мнению, что крестьяне и рабочие должны овладеть в процессе обучения теоретическими знаниями, а также и практическими умениями столь необходимыми для ориентации в быстро-меняющемся обществе, «в 1920- годы мексиканское содержание образования практически распахнуло двери перед Мастером Утренних Высот». “(Church and State in Mexico”, New Republic (25 August 1926) 9-10: Mexico’s Educational Renaissance. Ibid (22 September 1926). From a Mexican Notebook in ibid (20 October. 1926) pp.239-241)

В период Мексиканской революции 1910 года, представлявшей собой национально-буржуазную революцию, образование стало одним из требований широкого масштаба и политическим приоритетом как процесса модернизации страны, так и средством, обеспечивающим социальный контроль. Именно эти две целевые установки и можно рассматривать как основные в мелко-буржуазном педагогическом движении, пытавшемся обратить свои взоры на педагогику прагматизма, видевшим в ней оппозицию сверх затеоретизированной и авторитарной педагогике и школе порфирианского толка. Мексиканские педагоги

искали идеалы и модели в Соединенных Штатах, политико-экономической системой которых в первые две декады XX века они восхищались, несмотря на национализм, уже поднимающий голову в этой стране. Следует признать, что «...введенная формально в 1923 году педагогика активности заимствовала очень много идей и подходов в Северо-Американской педагогической мысли и практике в эру прогрессивизма вообще, и в педагогике Д.Дьюи, в частности»¹⁸⁹¹⁹⁰.

Многие мексиканские городские реформаторы в области образования восприняли новый школьный эксперимент как прогрессивный и были уверены, что новая школа поможет адаптировать население Мексики к новому порядку. Некоторые даже пытались видеть в этой школе своего рода механизм, сравнимый со стержнем огромной общественной машины, удерживающим разрозненные ее части и обеспечивающим ее нормальное функционирование. Это сравнение напрямую связано с высказыванием Дьюи о роли новой школы – школы будущего:

«Главным вопросом остается реорганизация всего образования в соответствии с изменившимися условиями жизни как следствием революции в промышленности¹⁹¹. Позиция Д.Дьюи не выходила за пределы адаптации к существующему порядку. Частично идеи Джейн Аддамс и Джона Дьюи относительно организации школы как социального центра и ее педоцентристской ориентации, основанной на прогрессивных началах, были освоены реформаторским движением в США. Однако, бюрократизация школьной системы США внесла свой существенный вклад в процесс эрозии демократии в подлинном смысле в этой стране; вместо исходящей снизу инициативы, организации и участия, она усилила зависимость от учреждений.

Школьная реформа в США, на которую так ориентировались в начале XX века многие страны мира, в том числе и Мексика, была частью экспансии государства, что сопровождалось подъемом широко-масштабного корпоративного производства. Экспансия государства была необходима, чтобы ускорить гладкое функционирование растущей усложняющей экономики как в национальном, так и в интернациональном аспекте, а также как средство сглаживания классового конфликта. Для многих мексиканцев Северо-Американские методы обучения и педагогическая теория Джона Дьюи представлялись

¹⁸⁹ Vaughan, Mary, K, *Cultural Politics in Revolution: teachers, peasants, and schools in Mexico, 1930-1940*, Tucson: University of Arizona Press, 1997, int., p.3)
.Action Pedagogy in Mexico in 1920s // in *The State, Education and Social Class in Mexico. 1880 – 1928*, p.165 пер. с англ. Е.Ю.Р.

¹⁹¹ John Dewey & Evelyn Dewey, *Schools of Tomorrow*, New York: Dutton, 1962, p.180

достаточно привлекательными, поскольку они ассоциировали метод «учения посредством делания» с наилучшей способностью трудиться и производить результат. Мексиканские педагоги пытались адаптировать соревновательный и прагматический характер англо-саксонской системы, понимая, что это необходимо для их страны как средство выживания. Члены Секретариата Образования делали упор на школу активности как средство увеличения производительности труда, считая, что это позволило бы мексиканцам улучшить экономику и увеличить степень контроля за экономикой со стороны самих мексиканцев. Именно поэтому Секретариат вводил метод «учения посредством делания» Дьюи и видел в нем средство, которое могло бы развить привычку трудиться, помогло бы состыковать работу с общественными нуждами, усилило бы производительную способность государства.

Автор Й.Гизман так интерпретировал задачи «новой школы»: «Двумя основными моментами в новой школе являются наблюдение и опыт учащихся как средства развития индивидуальной эффективности и работы в совместной и кооперативной социальной жизни, а также как механизм пробуждения духа братства и общего долга, что представляет собой необходимое условие для осуществления будущего социального порядка» (BSEP2, pos.5,6(1923-1924): 294 –95)

Новые ориентиры педагогов реформаторов отражались и в педагогических журналах Мексики того периода. Отмечалось, что педагогика активности интернализирует привычку трудиться. Полагая, что идеи Дьюи во многом опирались на теорию Э.Торндайка, мексиканские педагоги видели в бихевиористской интернационализации большую гарантию успеха, чем в жестком подчинении внешнему авторитету, характерному для школы 19 века. Они были уверены, что свободная активность учащихся позволит им находить в работе источник удовольствия и не будет восприниматься как формальная рутина.

Мексиканские педагоги считали, что вовлечение учащихся в проектную деятельность повысит мотивацию учения. Продвижение учащихся согласно своему собственному темпу, привлекательность самой деятельности, основанной на интересах учащихся, рассматривались как средство ликвидации беспорядка в школе и избавления от апатии к учебной деятельности. Педагогика активности воспринималась также как механизм сокращения конфликтов в классе через кооперацию в деятельности. Так, например, педагоги Сальвадор Лима и Марселина Рентерия утверждали, что через направление воли и энергии учащихся, школа адаптирует учащихся к жизни и сформирует привычку работать, разовьет фантазию и приучит ребенка к перспективным ожиданиям, на которые он мог бы рассчитывать в

социальной системе. Отмечалось, что дух кооперации позволит устранить враждебность, поможет учащимся проявить себя в различных формах общественной жизни.¹⁹²

Правда, не все в новой школе было гладко, имели место нарушения дисциплины, нарушались принцип систематичности и последовательности обучения, а поскольку «педагогика активности» была формально введена в 1923 году, вся ответственность за ее просчеты в мексиканском образовании позднее легла на Северо-Американскую педагогическую прогрессивную мысль вообще, и на Дьюи, в частности. Следует отметить, что при приемнике Васконселоса - Моисее Саенце в Секретариате все еще продолжали следовать Северо-Американским образовательным тенденциям. Это можно объяснить тем, что заместитель секретаря был большим поклонником Дьюи и учился в Колумбийском Университете. Именно он и обеспечил руководство с новым акцентом на «школу действия». Этот ученый был одним из мексиканских педагогов, которые побывали в американских университетах и привнесли дух прогрессивизма в мексиканскую систему образования. Очень любопытны сказанные Саензом слова во время лекции, прочитанной им в Чикагском Университете как раз накануне поездки Дьюи в Мексику: «Джон Дьюи уже побывал в Мексике. Сначала он был привнесен туда студентами, обучающимися в Колумбии; а затем через его книги. «Школа и Общество» - это книга, которую знают и любят в Мексике. Теперь он персонально отправляется туда. Когда Джон Дьюи придет в Мексику, он непременно увидит свои идеи в действии в наших школах. Мотивация, уважение к личности, самовыражение, оживление школьной работы, метод проектов, учение посредством делания, демократия в образовании - все, относящееся к Дьюи там есть, но, конечно, не как уже фактически свершившееся, а как выраженная тенденция.»¹⁹³

Однако, поразительно, что ни одной работы Дьюи не было переведено в Мексике к моменту его приезда в эту страну в 1926 году. Первый перевод появился в 1929 году - его труд «Новые Школы для Новой Эры». В том же году увидела свет на 45 страницах работа под названием «Педагогика Джона Дьюи» под редакцией швейцарского педагога Эдварда Клаперда, опубликовавшего эссе о Дьюи в Испании в 1922 году.

¹⁹² S.Lima and M.Renteria, "La escuela de action", BSEP 2,nos.5 and 6(1923-1924): p.295

¹⁹³ Moises Saenz "The Program of the Mexican Government" in Some Mexican Problems.Lectures of the Harris Foundation 1926(Chicago University of Chicago Press, 1926.p.78.

Позднее в 1930е годы в Мексике Секретариат все больше занимал радикальные позиции, делая упор на социалистическое воспитание, провозглашаемое правящей политической партией. В этом движении проявили себя политики и педагоги штата Юкатан, которые адаптировали образовательную идеологию, открытую по отношению к идеям Дьюи и других педагогов, основанную, главным образом, на рационалистической школе, созданной в Барселоне анархистом Франциско Феррер Гуардия.

После участия Дьюи в слушаниях по делу Троцкого в Мексике в 1937 году, переводов Дьюи не появлялось в этой стране вплоть до 1944 года, после чего шесть выходили в течение 20 летнего периода. Среди них следует назвать его основные работы в области общей философии: первой, опубликованной на испанском языке была книга «Опыт и Природа» (“Experience and Nature”- 1952) в переводе Хосе Гаоса (1900-1969); «Искусство как опыт» “Art as Experience” (в 1949 году) в переводе Самуила Рамоса (1897 – 1959) и «Логика: Теория познания (Logic: Theory of Inquiry” в 1950) и «Поиск определенности» (“The Quest for Certainty” в 1952 году) –обе в переводе Евгенио Имаза (1900-1951). Некоторые из этих переводчиков были наиболее выдающимися философами в испано-говорящем мире и наиболее значимыми философами среди переводивших Дьюи.

Во время своего визита в Россию в 1928 году Дьюи изучал школьные программы и наблюдал за развитием социализма в стране Советов. Американский ученый отметил выдающиеся достижения советской школьной системы, внимание и поддержку государства в организации школьных дел. Высокая оценка Дьюи педагогики России 1920-х годов не случайна. Это был один из ярких периодов в истории развития советской педагогики – время широкой педагогической дискуссии, период глубокого интереса к отечественным и зарубежным педагогическим находкам. С.Т. Шацкий, Н.К. Крупская, П.П. Блонский и другие отечественные педагоги детально изучали американский опыт в среднем и высшем школьных звеньях, полагая, что именно в Америке находилась в ту пору главная педагогическая лаборатория¹⁹⁴.

Выдающиеся советские педагоги открыто признавались в 1920-е годы в том, что многому научились у Дьюи. Как писал в 1918 году автор известной в Советской России и на Западе работы «Трудовая Школа» Павел Петрович Блонский, Дьюи, Маркс и российская реальность практически выступили в качестве единственных советчиков и направляющих источников в эволюции его концепции трудовой школы¹⁹⁵. И позд-

¹⁹⁴ Бернштейн М.С. По педагогической Америке. М., 1930. С. 4.

¹⁹⁵ Blonsky, P.P. Die Arbeitsschule. Schoningh, Paderborn, 1973. P.138

нее ученый признавался, что именно от Дьюи советские педагоги узнали о том, как можно создать школу, соответствующую требованиям современности, а также нуждам и интересам ребенка¹⁹⁶.

В работе Дьюи «Впечатления о Советской России и революционном мире...», оценивая педагогический эксперимент С.Т. Шацкого в колонии «Бодрая жизнь», которую Дьюи удалось посетить, отмечал, что Шацкий начинал как либеральный реформатор, не как радикал, а как конституционный демократ. Дьюи подчеркнул, что русский коллега «...работал с полной верой и надеждой на то, что школа, обеспечив новый тип образования, может мирно и постепенно привести к необходимым изменениям и в других учреждениях»¹⁹⁷. Ученый сделал вывод, что «паломнический» переход Шацкого от педагога-реформатора к убежденному коммунисту предстал как «символ социальной фазы всего Советского педагогического движения»¹⁹⁸. Дьюи подметил, что если многие попытки Шацкого и других его коллег до революции подвергались гонению со стороны Царского правительства, то позднее «им активно и официально помогал Большевицкий режим». Это и побудило Дьюи после поездки в Советскую Россию дать положительную оценку образованию в этой стране. Он писал: «И я, и многие другие, поскольку они прекрасно знакомы с репрессивным и деспотичным характером Царского правительства, неосознанно будут ценить теперешнюю Русскую систему, сравнивая ее с воображаемой демократической системой»¹⁹⁹.

Будучи в Москве, ученый посетил конференцию, организованную профессором кафедры педагогики Московского Технического университета А. Г. Калашниковым. Поразительно, что десять дней спустя Калашников послал Дьюи двухтомник Советской Энциклопедии 1927 года с надписью: «Ваши труды, особенно «Школа и Общество» и «Школа и Ребенок» оказали огромное влияние на развитие русской педагогики, и в первые годы революции Вы были одним из наиболее известных писателей», а далее Калашников отмечал, что в момент приезда Дьюи в Россию советская «философско-социалистическая» теория немного отличалась от рекомендаций

¹⁹⁶ Блонский, П.П. Новые программы ГУСа и учителя, М.: Работник Просвещения, 1925, с.4.

¹⁹⁷ Dewey John. Impressions of Soviet Russia (1928). In John Dewey: The Later Works, 1925-1953, vol.3, edited by Jo Ann Boydston. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1984, p.225

¹⁹⁸ Ibid

¹⁹⁹ Ibid, p.226

американского коллеги, но все же уверял, что те «конкретные формы педагогической практики, которые Вы раскрываете в своих работах, еще долгое время будут служить целью наших тенденций».²⁰⁰

Нельзя не отметить, что американскую делегацию встречали в России с большими почестями.²⁰¹ Корреспондент столичной газеты отмечал: «Высокая красная кремлевская стена закрыта для иностранцев за редким исключением, но на прошлой неделе она расступилась, чтобы встретить группу педагогов под руководством профессора Джона Дьюи... Власти рады оказать американцам всякую любезность».²⁰²

В 1927 году А.В. Луначарский, тогдашний нарком просвещения, отмечал, что «мы многому научились от таких педагогов как Дьюи»²⁰³, а во время визита Дьюи он честно признался в своей беседе с американским коллегой, что в образовательной сфере, Советы продвигались вперед «медленно, с трудом, и не в полной мере», но напомнил делегатам, что страна все еще находилась в состоянии возрождения из «хаоса ..., что все надо создавать заново».²⁰⁴

Во время многочисленных интервью, которые делегаты давали как русским, так и американским журналистам, среди которых следует отметить Джона Гунтера, гости столицы отмечали большое внимание как официальных государственных лидеров, так и советских педагогов, простых людей к американской делегации.

Дьюи был очень поражен встречей с Надеждой Константиновной Крупской, которая поделилась с американскими представителями проблемами образования детей и крестьян. Как отмечал Дьюи впоследствии, «ее беседа... касалась инцидентов человеческого характера, произошедших с ней во время контакта с детьми и женщинами, инцидентов, раскрывавших их стремление к образованию, к новому свету и жизни, и в ней проявился ее интерес,

²⁰⁰ Martin, J. p.354.

²⁰¹ Свидетельством тому может служить тот факт, что сестра Л. Троцкого, мадам Каменева, которую Джон Дьюи назвал «одной из наиболее способных женщин в России», торжественно приветствовала Дьюи и других представителей Северо-Американских штатов от имени Общества Культурных Связей с Зарубежными Странами – организации, президентом которой она являлась. Она же провожала делегацию 14 августа на железнодорожном вокзале. Сам министр образования А.В. Луначарский тепло принимал делегацию в Кремле.

²⁰² *ibid*, p.355

²⁰³ Lunacharsky, A.V. Die Ziele der Sowjetschule? In Kommission für deutsche Erziehungs- und Schulgeschichte der Akademie der Pädagogischen Wissenschaften der DDR (eds.) Monumenta Paedagogica/ Dokumente und Materialien zur den deutschsowjetischen Beziehungen auf bildungspolitischem und pädagogischem Gebiet 1917-1933, Vol.XXII, Volk und Wissen, Berlin, p. 213 (pp.210-215)..

²⁰⁴ Martin. p. 355.

который можно было сравнить с истинно материнским, она стремилась, чтобы каждый человек мог достичь личного развития... полностью разделить со всеми все то, что обеспечивает добродетели человеческому существованию».²⁰⁵

Н.К. Крупская внимательно изучила теорию трудовой школы в широком контексте мирового педагогического движения, она ждала визита Дьюи в Москву. Не случайно, идея школы активности и педагогический опыт американского ученого нашли отражение в ее фундаментальном труде «Народное образование и демократия»²⁰⁶.

Внимательный взгляд ученого зафиксировал наличие сильной политической пропаганды в школах, и в то же время удивительный энтузиазм русских людей, учителей, учащихся, ученых, уверенных в значимости образования для осуществления общественной цели и правоте кооперативных методов в деле защиты революционных завоеваний. После визита Дьюи в Россию и появления его лестных отзывов о советской образовательной системе в консервативной прессе США появились заметки, в которых Дьюи называли «большевиком» и даже «красным».

По мнению Вестбрука, Дьюи считал, что Советский Союз имел потенциал стать демократией в понимании Дьюи, но этого не свершилось²⁰⁷.

Последней образовательной миссией Джона Дьюи стала в 1934 году поездка в Южно-Африканскую республику. Расходы на поездку Джона Дьюи и его дочери Джейн для участия во всемирной конференции Ассоциации «Нового воспитания» в Кейп-Тауне и Йоханесбурге взяла на себя Корпорация Карнеги. Заявленной темой конференции была следующая: «Адаптация Образования к быстро изменяющимся условиям социальной и экономической жизни с особой ссылкой на Южную Африку. Необходимость реформирования социального, экономического и образовательного устройства страны побудила её лидеров пригласить выдающихся личностей со всего мира. В числе приглашенных почетных зарубежных гостей были бывший министр образования Великобритании лорд Юстас Перси, друг Дьюи Эдвард Линдеман, представлявший Нью-Йоркскую Школу Социальной Работы (The New York School of Social Work) и известный антрополог Бронислав Малиновский.

Присутствовавшие на конференции свыше 4 тысяч участников выслушали триста лекционных выступлений 145 ораторов. Среди лекций,

²⁰⁵ *ibid*, p.355.

²⁰⁶ Крупская, Н.К. Народное образование и демократия / Н.К.Крупская. Педагогические сочинения в 10 т. – М.: Изд-во АПН, 1957. – Т. 1. С. 249-250.

²⁰⁷ Westbrook, R. John Dewey and American Democracy. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1991, p.478.

прочитанных Джоном Дьюи, хотелось бы выделить особо следующие: «Необходимость философии образования» («The Need for a philosophy of Education»), «Что такое учение?» («What is Learning?»), «Рост в процессе активности» («Growth in Activity»). Конечно, в своих лекциях Дьюи опирался на практический опыт, полученный в ходе его экспериментальной работы в Лабораторной школе при Чикагском университете, а также реформаторской деятельности в Педагогическом колледже Колумбийского университета в Нью-Йорке и экспертной практики в других странах мира. Дьюи сумел сочетать лекции с культурной программой. Он изучал страну, её природу и культуру. Учёный посетил Мыс Доброй Надежды, водопады Виктория, Преторию и Родезию (сейчас Зимбабве). Дьюи с интересом посещал местные школы, разговаривал с учениками, читал лекции администраторам и учителям. К тому времени международная репутация Дьюи была очень велика. Где бы он ни появлялся, ему оказывали торжественные приёмы. Например, 3 августа 1934 года ему вручили Почетную Степень университета Уитвортерсэнд, он прочел лекцию на факультете философии. На следующий день он выступал с публичной лекцией в Претории. Только в конце августа Дьюи сумел покинуть Кейп-Таун и отправится назад в США²⁰⁸.

Поездка в Южную Африку обеспечила ученого огромным материалом для размышлений и публикаций, которые, как правило, после поездок в другие страны Дьюи публиковал в издании «Нью Рипаблкан». Однако, поскольку отношения Дьюи с редакцией этого журнала испортились, а другого издательства, готового принимать его отчет о поездке не нашлось, комментарии реформатора по поводу общественных проблем в Южной Африке содержатся в печатном виде лишь в его работе «Необходимость философии образования». В ней Дьюи подчеркивал, что быстрая индустриализация в мире во многом повлияла на состояние групп, племен, и рас, которые когда-то могли существовать в изоляции. Это привело к кризису и в Южной Африке, и в других местах. Ученый считал, что образование в качестве общественной целевой установки должно воспитывать ум и волю подрастающих поколений в духе сотрудничества. В своей работе Дьюи ссылаясь на исследование Женевской Комиссии, касавшееся зависимости местных рабочих – шахтёров Йоханесбурга от западных капиталовложений в Южную Африку. Он всячески прорабатывал версию глобализма, считая, что американских вложений недостаточно. Ученый заявлял, что без роста демократии в

²⁰⁸ George Dykhuizen, *The Life and Mind of John Dewey*. Carbondale, Ill, 1973, p.265

развивающихся странах, вложение иностранного капитала приведет к ещё большей эксплуатации²⁰⁹.

Случилось так, что поездка Дьюи в Южную Африку стала последней из зарубежных выездов реформатора, в ходе которых ему удавалось изучать возможности «посеять семена американского демократического образования на зарубежной почве». По возвращении в США Дьюи сосредоточился на реализации идей гражданского образования, поскольку в стране назрела необходимость социальной реформы, обострилось состояние депрессии.

²⁰⁹ Dewey, John. *The Late Works, 1925-1953*, Carbondale: Southern Illinois University Press, 1981-90, vol.9, p.203.

3.2. Юбилей Джона Дьюи

Ещё при жизни награды сыпались на ученого «также регулярно, как времена года». Университеты присуждали ему почетные степени, его приглашали повсеместно с лекциями. Многие считали Дьюи одним из самых выдающихся американцев. Начиная с семидесятилетнего юбилея, в США устраивали празднования в его честь на национальном уровне. В известном издании «Кто есть кто в Америке» имя Дьюи упоминалось неоднократно. Когда решили отмечать его 70-летие со дня рождения, тогдашний президент Профсоюза Учителей Нью-Йорка, а также близкий друг ученого Генри Линвилл (Henry Linville) советовался с дочерью Дьюи Эвелин по поводу идеи праздника. Ей было не так просто уговорить отца, так как Дьюи не очень любил официальные церемонии. Президент педагогического колледжа У. Килпатрик горячо одобрил идею празднования юбилея своего учителя, равно как и Освальд Гаррисон Вилард – редактор издания «Нэйшин». Средства на проведение торжеств собирались летом, пока Дьюи был в Европе. Надо признать, что это оказалось сделать намного легче, чем казалось. При желании можно было бы без проблем собрать и значительно больше денежных средств. Одно лишь упоминание имени ученого решало все проблемы. Такой высокой была репутация Дьюи в своей стране.

В самой почетной аудитории имени Гораса Манна – крупнейшего американского педагога, собралось огромное количество знаменитостей. Среди них Элеонора Рузвельт, Уолтер Липман, Альфред Смит, Феликс Франкфуртер, Оливер Уэндел Холмс и Освальд Гаррисон Вилард.

Дьюи сел в зале и всячески отказывался пересест в президиум. В пленарном заседании с докладами по философии выступили бывший студент и коллега Дьюи Герберт Шнайдер, соратник по Чикагкому периоду Джордж Мид. Профессор из Гарварда Ральф Бартон Перри возглавил пленарное заседание, Лауреат Нобелевской премии Джейн Аддамс приехала из Чикаго для двадцатиминутного выступления. Джон Дьюи очень сильно обрадовался её приезду и позднее в письме благодарил её за это, так как был её близким другом и соратником.

Поднимавшемуся из зала на сцену юбиляру аплодировали так бурно, что ученому пришлось ещё некоторое время ждать начала выступления. Его первой ремаркой стала следующая: «Своими овациями Вы слишком переоцениваете мои заслуги, но я их с жадностью проглотил. И все же я разделяю позицию некоторых тех присутствовавших в зале, кто скептически отнесся к этим овациям»²¹⁰. Когда Дьюи задали вопрос о том, ка-

²¹⁰ Jay Martin, *The Education of John Dewey A Biography*. New York: Columbia University Press, 2002.– p.374.

кие условия нужны, чтобы он мог считать себя счастливым, то ученый ответил, что в добавок к удаче выбор собственной карьеры явился одним из них, так как это дало ему радость мышления. А ещё источником своего счастья Дьюи назвал свою спутницу Элис и детей. Дьюи считал, что искать счастье вне себя не имеет смысла, оно в семье, в твоих внутренних владениях. Ученый пережил за свою жизнь потерю двух сыновей – Морриса и Гордона, а незадолго до 70-летнего юбилея и своей супруги – Элис, и все равно считал, что имел благословение со стороны жизненных обстоятельств и фортуны. Человечеству мешали быть счастливым, по мнению Дьюи, страх и неготовность, неспособность быть открытым к изменяющему опыту. Для американцев, по мнению Дьюи, основным барьером к счастью было то, что они искали счастья во внешних владениях. В заключении юбиляр призвал всех учиться смотреть на мир как на чудо («Face the world with wonder»).

Присутствующий на торжествах Карлетон Уошберн был восхищён ораторским мастерством ученого, его прекрасным чувством юмора и умением сказать по существу.

Дьюи очень уставал от торжественных церемоний, отвлекавших его от философствования и семейных дел. На предложение отметить 80-летие со дня рождения Дьюи заявил, что хватило и предыдущих торжеств. Более того, у него были свои планы провести свой день рождения с семьёй дочери Эвелин в Миссури. Он был крайне усталым, испытывал «интеллектуальный вакуум», так как накануне закончил свою книгу «Логика: теория познания» («Logic: Theory of Inquiry»). Тем не менее, Горас Каллен настойчиво уговорил Дьюи, и в 1939 году очередной юбилей отпраздновали с большим размахом. Дьюи подготовил своё выступление за один день. Темой для доклада ученый избрал следующую: «Творческая демократия: задача, стоящая перед нами». Правда, передав свою речь Каллену, Дьюи извинился и отправился записывать свою речь на радио, поэтому Каллену пришлось самому читать его доклад перед аудиторией в тысячу гостей, собравшихся на обед в торжественном зале отеля Пенсильвания в Нью-Йорке. Ассоциация прогрессивного образования организовала «Конференцию по методам». Бывший студент Дьюи Ху Ши, тогдашний посол Китая в США, экономист Уэсли Митчел, Агнес Мейер – жена издателя «Вашингтон Пост» посвятили свои речи «Воспоминаниям и размышлениям». Выступавшие на обеде лекторы касались, главным образом, проблемы «Дьюи и демократия», в том числе и друг Дьюи, известный коллекционер живописи и бизнесмен Альберт Барнс. Узнав, что после того, как Дьюи исполнилось 80 лет, его пенсия в Колумбийском университете сократилась, он обеспечил его пожизненной пенсией в 5 тысяч долларов ежегодно.

Когда в 1949 году ученому исполнилось 90 лет со дня рождения, то это стало поистине событием международного порядка. Поздравительные телеграммы приходили со всех уголков мира. Целые программные выступления о значении Дьюи как ученого, мыслителя и педагога мирового значения были организованы в Канаде, Дании, Англии, Израиле, Италии, Японии, Мексике, Норвегии, Швеции и Турции. Университет Васеда в Токио, где ученый выступал с лекциями в период с 1919 по 1921 годы, организовал трехдневный лекционный симпозиум, касающийся философско-педагогической деятельности мыслителя. В Мексике издательство Фонда Экономической Культуры также отметило это событие публичными речами, обращением по радио, философскими статьями, а также переводом работы Дьюи «Искусство как опыт» («Art as Experience»). Президент университета в Стамбуле (Omer Celal Sarc) отправил особое сообщение Дьюи, информируя его о том, что день рождения ученого будет отмечен «особой церемонией». В СССР же, этот день был отмечен выходом в свет в Москве в издательстве Учпедгиз книги В.С. Шевкина «Джон Дьюи на службе американской реакции», в которой ученого называли «врагом всего прогрессивного человечества». Холодная война и существовавший идеологический миф о Дьюи, созданный во времена Сталина, сыграли свою службу.

90-летие Дьюи стало трехдневным празднованием в США, увенчавшимся обедом в Отеле Коммодор, находящемся над Нью-Йоркской станцией Гранд Централ. За пределами Нью-Йорка более чем 100 школ и школьных обществ организовали специальные программы, отдавая дань признания таланту Дьюи как ученому и реформатору школьного дела. Записанная на пленку речь Дьюи проигрывали в колледже «Пасифик». На вопрос студентов о том, «какая идея Дьюи была истолкована неверно», юбиляр ответил: «Прагматизм». Дьюи прокомментировал это следующим образом: «Прагматизм стал неудачным ярлыком, т.к. его стали отождествлять с практической полезностью в очень узкой трактовке этого понятия». Ученый настаивал вновь и вновь, что прагматизм есть ни что иное, как метод, а не реформаторская программа сама по себе или привязанная к какому-либо определенному моменту. Дьюи подчеркнул: «Думать иначе было бы полным непониманием»²¹¹.

Был утвержден специальный фондовый комитет по организации 90-летия со дня рождения Дьюи. Ему удалось собрать 90 тысяч долларов, по тысяче долларов за каждый год жизни, чтобы в дальнейшем ученый смог по своему усмотрению пользоваться этими деньгами. Уильям Килпатрик был председателем этого фонда и возглавил огромный комитет

²¹¹ Jay Martin The Education of John Dewey. A Biography. – New York: Columbia University Press, 2002. – P.475

спонсоров (свыше 500), включая таких различных людей, как Джастис Хьюго, Блэк и Эдди Кантор, мультипликатор Аль Кэп и президент Гарвардского университета Джеймс Б. Конан, Давид Дубинский и Джимми Дуранте, Альберт Эйнштейн и Дуглас Фэбэнкс. В роли казначея комитета выступала вторая жена Дьюи – Роберта.

В день празднования своего юбилея, Джон Дьюи вошел в зал в окружении детей. Ему пришлось долго слушать запланированные приветствия и послания. Первое из них принадлежало тогдашнему президенту Труману. Президент обратился к Дьюи со следующей речью: «Дорогой доктор Дьюи! Да благословит господь человека, который достигает такого возраста, как Вы, обладая при этом таким человеческим опытом, а также любовью друзей, и в то же время сохраняющего непобедимый и непобежденный дух юности» (пер. с англ. автора Е.Ю. Рогачевой). На церемонии поздравления присутствовал Джавахарлау Неру. В знак уважения к Дьюи этому деятелю пришлось раньше покинуть заседание, организованное официальными кругами США в его честь. Индийский деятель отметил огромное значение Дьюи для Индии и самого премьера. Поздравления поступали целых два часа. Как отмечали все присутствующие на обеде, «это был, без сомнения, самый важный обед, организованный в честь частного лица». Правда, следует признать, что Дьюи попытался сделать все зависящее, чтобы из празднования в честь одного человека событие превратилось бы в обещание триумфа демократии в Америке даже в период кризиса. В Колумбийском университете торжества продолжались целую неделю. В завершении всего тогдашний президент Колумбийского университета Дувайт Д. Эйзенхауэр, ставший затем президентом США, произнес речь, в которой он отметил, что если его самого (Эйзенхауэра) называли «солдатом свободы», то Дьюи можно по-праву считать «философом свободы». Эйзенхауэр назвал Джона Дьюи «самой яркой звездой в Колумбийском сообществе»²¹².

В день своего рождения Дьюи дал интервью газете «Нью-Йорк Таймс», затронув самые разные проблемы. Хотя он и предпочел бы лучше отправиться со своими двумя приемными детьми в Центральный Парк, ему пришлось отвечать на множество вопросов. В заключении Дьюи потребовал финансирования со стороны федерального правительства общественных школ и внимания к учителям. Он высказался о том, что «Русская система будет разрушена, так как Советы навязывают свои правила... и не привлекают к участию народ»²¹³.

Когда корреспондент упомянул лозунг Дьюи «учение посредством делания» («learning by doing»), Дьюи внес некоторую корректировку:

²¹² Jay Martin. The Education of John Dewey, p.477

²¹³ Там же.

«Я не считаю, что люди учатся главным образом посредством делания. Особенно важны мысли, которые человек вкладывает в свои действия. Лишенное интеллекта делание приведет к тому, что ребенок научится плохим вещам»²¹⁴. Именно в этот момент интервью приемный сын Дьюи Сабино, уставший от ожидания конца торжеств, обратился к супруге Дьюи Роберте со следующими словами: «Я думаю, что папа пожалел, что ему исполнилось 90 лет. Все пытаются осветить его вспышками фотоаппаратов, задают вопросы и прочее, в то время как мы могли бы пойти в парк и вращать обручи, которые он нам купил, и нам было бы здорово». Ученый признавался, что торжества оставили его в состоянии напоминающем «бутылку шампанского, с которого давно была сорвана пробка». Правда, придя домой, Дьюи был особенно рад узнать, что собравшиеся на занятие по курсу «История образования» студенты Веслианского колледжа в Огайо 20 октября пели в его честь «Счастливого Дня Рождения!». Но, пожалуй, самым неожиданным и радостным стало для Дьюи послание от учащихся школы Ньютона в Массачусетсе, в которой учились дети, начиная с детсадовской группы до шестого класса. Дети писали Дьюи: «Мы желаем Вам сегодня очень счастливого дня рождения. Когда наш директор рассказал нам о Вас сегодня утром, мы решили поведать Вам, как высоко мы ценим то, что Вы для нас сделали, чтобы улучшить наши школы... Если бы Вы были здесь, мы бы организовали для Вас вечеринку, но так как это невозможно, мы постараемся тогда быть хорошими гражданами»²¹⁵.

Последние годы жизни Джона Дьюи достаточно полно описаны в биографическом очерке Джея Мартина. Раздел, который автор называет «Конец» («The End»), начинается следующими словами: «По случаю 90-летнего юбилея Джона Дьюи, Горас Каллен (Horace Kallen) отметил, что он не может припомнить ни одного философа как из уже ушедших в мир иной, так и ныне здравствующих, кто в течение столь долгого времени сохранял бы полноту жизненных сил»²¹⁶, как Джон Дьюи. Он был прав. Если первая статья Дьюи появилась в 1882 году, то к 1949 году он уже философствовал в течение 67 лет и опубликовал около тысячи эссе, книг, рецензий и научных трудов, утверждая, что последний его труд ещё не увидел свет. Но, начиная с 1940-х годов, здоровье Джона Дьюи сильно пошатнулось. Хотя его мысль оставалась ясной, физическое состояние менялось с каждым днём. Как сам Дьюи признавался своему

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ Jay Martin, p.478.

²¹⁶ Jay Martin “The Education of John Dewey” A Biography”, Columbia University Press, New York, 2002. – p.478.

другу Джо Ратнеру, он стал «уделять больше внимания лекарствам, чем идеям»²¹⁷.

В письме дочери Джона Дьюи Эвелин, датированном 1950 годом, Ратнер так прокомментировал ситуацию: «Он всё так и не может поправиться после последнего прошлогоднего празднования... Он вновь и вновь впадает в болезненное состояние»²¹⁸. И хотя Дьюи слабел с каждым днём, как только его самочувствие улучшалось, он возвращался к своей печатной машинке и продолжал работать в течение нескольких часов. В 1949 году он опубликовал совместно с Артуром Бентли книгу под названием «Познание и познанное» («Knowing and the Known»), в которой Дьюи попытался по-новому представить свои гипотезы по поводу его работы «Логика: теория исследования» («Logic: A Theory of Inquiry»). Ранее, в предисловии к работе «Логика» Дьюи уже обозначил свою высокую оценку труда Бентли «Лингвистический анализ математики» («Linguistic Analysis of mathematics», 1932). Книга Бентли оказалась очень значимой для философа в осмыслении того факта, что не только логика Аристотеля, но и современная формальная математическая логика «предполагает контроль значений, зафиксированных вне исследовательских операций», так как исследование требует логики, которая зависит от самой себя в ходе осуществления. Познанное могло действовать только в познании. Однако, если Дьюи пришёл к этой идее через Канта, Гегеля, Джеймса и Пирса, то Бентли – через Гегеля, Георга Симмеля, Вильгельма Дильтея и, конечно, самого Джона Дьюи. В 1895 году он был слушателем семинара по проблемам логики в Чикагском университете и наблюдал путь философа Дьюи от Гегеля к прагматизму и созданию труда «Исследования в теории логики» («Studies in Logical Theory»). В своей записной книжке во время семинара, проводимого Дьюи, Бентли сделал пометку: «Дьюи призывал студентов задаваться вопросом... «А что значит знать?» И Дьюи и Бентли старались использовать естественные науки для создания науки человечества. Надо признать, что оба учёных были пропитаны интеллектуальным духом одних и тех же культурных влияний на Америку: утопичной, трансцендентальной, эволюционной, органичной, натуралистической, идеалистической, практической верой в то, что на берегах Америки разворачивался новый сегмент истории. Более того, они верили, что обязанностью каждого американца было помочь этому развитию и присоединиться к нему. Оно виделось им демократичным и эгалитарным, а также превосходным как в политике, социальной жизни, искусстве и в интеллектуальной дея-

²¹⁷ Jay Martin “The Education of John Dewey” A Biography”, Columbia University Press, New York, 2002. – p.479.

²¹⁸ Там же.

тельности. Идеал нового человека для строящихся Соединенные Штаты граждан стал синонимом человека совершенного, идеального представителя человечества. Выдающийся мыслитель XX века Джон Дьюи как «аутентичный голос демократии» на заре XX столетия, человек, бес­сменно пребывающий в «должности» национального философа, а для всего философского мира – наиболее совершенный выразитель «американского гения», не мог не чувствовать себя наследником данной идеи.

Работа «Познание и познанное» («Knowing and the Known») явилась попыткой описать небольшой, но очень значимый сегмент американского видения – теорию лингвистических знаков, которые будут «твёрдыми», определенными, подходящими с точки зрения коммуникации, чтобы нести прагматизм в следующую фазу интеллектуальной и социальной реформации. Надо сказать, что в нескольких письмах, последовавших за выходом этого фундаментального труда, Дьюи начал говорить о его новом видении, заключавшемся в том, что современная цивилизация, особенно в Америке, вступила в новую фазу истории. Американский новый мир трансформирует глобальный мир не военным и экспансивным деловым вторжением в Европу и Азию, не путём открытия экономических ворот, не путём обеспечения условий в мире для демократии, а путём переделки цивилизации через коммуникацию (общение) и комьюнитарность. В 1949 году в письме французскому политическому философу Себастьяну де Грация, комментируя в положительном ключе его работу «Политическая Община» и послав собственное предисловие к перепечатанной работе «Реконструкция в философии», Дьюи писал: «Комментарии к нашему состоянию неопределённости, смятения и неустроенности написаны в связи с крахом современной философии и необходимости посмотреть на ситуацию человечества радикально, по-новому... Я полагаю, что мы находимся у начала нового периода истории, модернизма и, что века, прошедшие с того времени, которое мы называли Средневековым периодом, есть лишь времена перехода... Наш кризис фактически состоит в том, что новое достигло стадии развития в момент, когда разрушение, подрыв прошлого вызвали состояние неустроенности, но ещё не достигли точки конструктивной организации в логике нового... Нам, вероятно, придётся жить в величайшем кризисе, какой человечеству трудно вообразить..., безусловно, он будет сильнее, чем «Падение Рима». ...Диагноз, по крайней мере, – первая необходимость»²¹⁹.

²¹⁹ JD > Sebastian de Grazia, 1/25/49, ICarb S:Southern Illinois University, Carbondale, Illinois. Special Collection, Morris Library. John Dewey Papers (пер. с англ. Е.Ю.Рогачевой)

Год спустя Дьюи развил идею под названием «годы Модерна» в письме к Риду Бейну, задаваясь вопросом о том, что, возможно, человечество находится на пороге изменений человеческих отношений и создания нечто нового. Дьюи стремился передать эстафету реконструкции другим. С этим он обращался и к своим студентам. Но когда силы возвращались к нему, он всё же подумывал о написании ещё одной своей последней книги. Вспоминается аналогия с известным английским писателем – мастером коротких рассказов и автора многих романов Сомерсета Моэма, который в свои шестьдесят с лишним написал книгу под названием «Итог» («The Summing up»), думая, что пришла пора подытожить прожитое. Затем жизнь продолжалась ещё почти три десятка лет, названия книг уже были иного плана, например, «Записная книжка писателя» («The Writer's Notebook»).

Что касается Дьюи, то он хотел написать книгу, в которой он постарается обобщить историю его собственного развития, поразмышляет об истории становления и развития Западной мысли и обозначит путь по консолидации новой стадии истории, который продолжают другие. Он приступил к работе над книгой в 1941 году и поведал Корин Фрост, что собирается написать нечто суммирующее в области философии, чтобы показать «насколько процесс нашего теперешнего смятения зависит от степени сохранения старых идей, после того, как их основания и действие ушли в прошлое»²²⁰. Книга должна была стать прагматической методологической критикой тех моментов, когда мысль не была способна адаптироваться к новым условиям жизни. Основным заголовком планировалось сделать «Натурализм». Дьюи хотел отразить попытку человека вступить в интеллектуальные отношения с миром, в котором он живёт. Он очень напряжённо работал над этим трудом, но случилась нелепость. Дьюи объяснил своему редактору, что он уже держал в руках своё написанное детище, в которой предпринималась попытка систематизировать философские взгляды учёного на протяжении всей жизни, но рукопись была потеряна. Учёный был вне себя, его ничем не могли успокоить. Как сообщают ряд источников, Учёный уже почти закончил черновик, работая очень усердно в своём летнем домике в Хаббардсе (Нова Скотия) в 1949 году. По словам Колис Ламонта, Джон и его вторая супруга Роберта вернулись в Нью Йорк и запарковались перед входом в их апартаменты на Пятой Авеню и 97 Улице. Они оставили багаж для носильщика и пошли к лифту. Когда принесли в дом, Дьюи оглядел его и сказал Роберте: «Боже, моего портфеля здесь нет». Миссис Дьюи

²²⁰ JD > Corinne Frost, 9/1/41, ICarb S:Southern Illinois University, Carbondale, Illinois. Special Collection, Morris Library. John Dewey Papers (пер. с англ. Е.Ю.Рогачевой)

немедленно бросилась вниз. Они были уверены, что портфель вынимали из машины, но он куда-то исчез. Именно в этом портфеле была рукопись почти завершённого труда Дьюи»²²¹. К сожалению, черновиков не осталось. Дьюи в его девяносто лет пришлось бы начинать всё заново. Джо Ратнер пытался успокоить друга тем, что у него полно ярких и основательных набросков, которые могут составить новое предисловие к его работе «Опыт и природа» («Experience and Nature»). Ратнер считал, что идеи, которые Дьюи заложил в этот труд, могли бы составить содержание научной дискуссии нескольких поколений. Кроме Дьюи довести это дело до конца никто бы не смог. Эта мысль вернула оптимистическое настроение учёному. Уже через несколько дней он признал, что может и лучше, что он потерял рукопись, «всё что не делается – к лучшему». Дьюи комментировал это так: «В какой-то степени это придало моим идеям новый импульс, и я могу заново всё начать. Я думаю, что у меня есть идеи и получше»²²². В осеннем интервью он звучал настолько оптимистичным, что даже шутил по поводу сибиряков, которые доживают до 120 лет. «Если они могут жить так долго, так почему бы и мне не попробовать?» – задавался вопросом учёный. Тогда времени будет вполне достаточно, чтобы написать большую книгу²²³. Планировалось, что книга будет генетически отражать историю фазы мышления, начиная с открытия греками человеческой морали, которая прокладывала путь демократии, и далее её развитие посредством образования в рациональность и логический метод. Период от Греческой цивилизации до начала эпохи Возрождения был, по мнению Дьюи, посвящён созданию сверхъестественной версии греческого синтеза, в рамках которого дискурс спасения заменялся методом рациональности. Начиная с эпохи Возрождения, человечество бродило между двумя мирами «несовершенной секуляризации» до настоящего момента. Теперь же, по мнению Дьюи, новая теория знания, основанная на адаптации логики, выросла из естественных и гуманитарных наук: психологии, экономики, искусства, лингвистики, физики и математики. Дьюи представлял себе новую эпоху, в которой теоретическое будет идентично практическому. Безусловно, такое видение Дьюи входило в противоречие с существующей тогда философией. Он очень хотел закончить книгу, но силы его покидали. Он даже сетовал, что хотя желание закончить книгу очень сильным, возможно у него не хватит на это сил. Учёный даже поехал на Ямайку

²²¹ Corliss Lamont, ed., *Dialogues on Dewey*, New York, 1959, p.50: JR >JD,7/6/49, ICarb S:Southern Illinois University, Carbondale, Illinois. Special Collection, Morris Library. John Dewey Papers (пер. с англ. Е.Ю.Погачевой)

²²² Там же.

²²³ *Washington Post*, 10/23/49.

(Монтего Бэй), чтобы глотнуть лечебного морского воздуха. Они провели несколько месяцев во Флориде, живя на ферме Роберты в Пенсильвании (Maple Lodge). Ему очень нравилось, что молоко было очень вкусное, что каждое утро они кушали свежие куриные яйца с их фермы. Энергия потихоньку прибывала, но работа над книгой продвигалась очень медленно. В конце 1950 года Дьюи с Робертой и детьми полетели в Лос–Анжелес и провели несколько недель в семейном отеле Санта–Моника. В январе 1951 года они отправились на Гавайи, собираясь провести там целый месяц, и остановились в Халекулани отеле на Вайкики. И хотя здоровье не восстанавливалось, согласно ожиданиям медиков, всё же Дьюи сумел закончить статью по проблеме социального исследования («How, What and What for in Social Inquiry»). Дьюи покинул Гонолулу в конце февраля и сразу же попал в больницу Лос Анжелеса. После пятидневного отдыха и хорошего врачебного ухода силы вернулись. Надо сказать, что 91–летний Дьюи очень поверил в то, что врачи обновили его настолько, что он сможет освободиться от боли и недомоганий на долгое время. Все его мысли были направлены на «довольно дерзкие» новые философские и социальные проекты. После выхода из больницы в середине марта возвращение в заснеженный Нью–Йорк было бы опасным для здоровья Дьюи, поэтому семья осталась в Таксоне. Однако, боль в висках не отпускала Дьюи ни на миг. Он не мог сосредоточиться на книге. К тому же он получил известие о том, что не стало его друга Альберта Барнса, с которым было связано столько светлых воспоминаний и дел. За физической болью последовала депрессия. Когда Дьюи вернулся в Нью–Йорк, ему уже потребовался постоянный уход. По воспоминаниям сиделки Дьюи не чувствовал острой боли, просто его тело и все жизненные органы сигнализировали о том, что они порядком поизносились²²⁴. И всё же Дьюи продолжал писать книгу. В середине 1951 года он дал интервью репортёру Нью–Йорк Таймс, что он работает над новой книгой, в которой будут собраны во всей полноте и в новом ключе все его воззрения на философию образования. Однако, время, отведенное автору на написание книги, сокращалось с каждой прошедшей неделей. Его наброски, заметки, выдержки и фрагменты остались разрозненными, собрать воедино их так и не удалось. Преданный друг Джо Батнер не оставлял учёного и всегда оставался поблизости. Только сын Фрэд поддерживал в то время контакт с отцом. Другие члены семьи – дочери Эвелин и Лиз оставались почти в неведении об угасающем отце. Лиз давно отдалилась от семьи, а Эвелин была очень зла на мачеху Роберту.

²²⁴ Jay Martin “The Education of John Dewey” A Biography”, Columbia University Press, New York, 2002. – P.484

Фред, который вёл налоговые дела отца и следил за его вложениями с 1920-х годов узнал от Роберты, что согласно её просьбе Джон завещал всё своё имущество, а также недвижимость ей одной. Всякий раз, когда сын Дьюи хотел начать обсуждение наследства, его выдворяли из дома. В конце мая Джо Ратнер всё же послал заключение врачей дочерям. Прогноз был очень неутешительный. Чем больше ухудшалось здоровье отца, тем больше Эвелин злилась на Роберту, которая разлучила её с любимым отцом, находящимся в тот момент, практически, при смерти. Она сдерживала себя много лет, чтобы не высказать всё то, что она думала о лживой и алчной мачехе. Уважение и любовь к благородному отцу, потребовавшему проявления почитания и уважения к своей супруге со стороны детей и защищавшего её при любых обстоятельствах всегда останавливали дочь. Она не желала затевать скандал в его присутствии. Эвелин написала письмо Ратнеру, что « больше не может проявлять своё благородство и «придерживать язык»...»²²⁵. Эвелин собиралась высказать Роберте всю правду в лицо. Через две недели 1 июня 1952 года Джона Дьюи не стало. Роберта вызвала лечащего врача Дьюи. После получения сертификата о смерти она тут же позвонила Дональду Харрингтону, главному пастору Общинной Церкви Нью Йорка (Community Church of New York). Харрингтон пришёл в квартиру Дьюи, они с Робертой завернули тело Джона Дьюи в одеяло, поместили в автомобиль и отвезли в Крематорий (Flesh Pond Crematory in Queens), где на следующий день он был кремирован. Только потом детей проинформировали о кончине отца и о том, что его прах находится в Общинной Церкви. Колумбийский университет попросил разрешения провести мемориальную церемонию в университете, поскольку Джон Дьюи сделал очень много для этого учебного заведения, был его знаковым явлением, его ценили и помнили многие педагоги и студенты университета. Однако Роберта распорядилась о том, чтобы церемония прошла в частном порядке и быстро организовала мемориальную службу в Общинной Церкви. Во время службы пастор Харрингтон наряду с некоторыми религиозными фрагментами прочёл выдержки из работы Дьюи «Общая вера» («A Common Faith»), стихи Мьютью Арнольда, Джорджа Эллиота и Колериджа. Артур Дэвис пропел два традиционных гимна. Харрингтон назвал Дьюи «святым философом» и сравнил с Сократом. Затем с обращением выступил друг Дьюи Макс Отто. Роберта взяла урну с прахом домой. Джейн Дьюи – единственная дочь, которая присутствовала на церемонии, написала Отто письмо с благодарностью за то, что он сделал

²²⁵ ED >JR, 6/26/52 ICarb S:Southern Illinois University, Carbondale, Illinois. Special Collection, Morris Library. John Dewey Papers (пер. с англ. Е.Ю. Рогачевой)

в память об отце. Вот отрывок из её письма. «Я – дочь, прожившая с ним последние годы его жизни... Его жизнь была главным образом его профессией, о которой так много писалось в прессе и, порой, не очень верно, но ваш контакт с ним был связан именно с тем, о чём он очень заботился, и что сделало его значимой личностью и, конечно, общественным деятелем»²²⁶.

Эвелин написала письмо благодарности Харрингтону за «хорошую службу», но была вне себя от гнева. Дети Дьюи ничего не получили по завещанию отца. Как публично заявила Роберта, они унаследовали всё от своей матери Элис, когда Дьюи женился во второй раз. У детей возникло подозрение, что завещание было сфабриковано, так как оно датировалось февралём 1952 года, после того как Джон Дьюи сломал бедро и был в тяжёлом состоянии. Многие факты свидетельствовали о том, что завещание было подменено, однако дети решили прекратить борьбу с Робертой, чтобы избежать публичного скандала, да и сохранить жизненные силы. 24 июля 1952 года завещание вступило в силу. А летом 1969 года, когда американские астронавты Нейл Армстронг и Эдвин Алдрин стали первыми людьми, высадившимися на Луне, Роберта позвонила газетчикам и сказала, что последними словами её умирающего мужа Джона Дьюи были следующие: «Ты ещё станешь очевидцем того, как мы полетим на Луну – где-то 18 или 19 лет спустя». Дьюи ушёл из жизни за 17 лет до полёта американцев на Луну. Его пророчество было опубликовано уже после смерти учёного во всех газетах. Этот интересный факт приводит биограф Дьюи Джей Мартин²²⁷. Роберта умерла в 1970 году на Майами Бич, после чего прах Дьюи вместе с прахом его супруги Роберты был перевезен в Университет Вермонта и помещён под гранитный камень, на котором выгравирована следующая надпись: «То, что в цивилизации ценится больше всего, касается не нас самих. Это создаётся благодаря деяниям и страданиям продолжающегося в веках человеческого сообщества, с которым мы связаны. Мы должны быть ответственны за сохранение, передачу, улучшение и расширение ценностей, которые нам достались, для того, чтобы те, кто придёт после нас, получили их в более чистом, надёжном виде, чтобы ценности стали доступнее для большего количества людей и распределены честнее между всеми, чем это было при нас»²²⁸. Думаю, что эти слова и сегодня звучат актуально как обращение Дьюи к ныне живущим.

²²⁶ Jane D > Max Otto, 6/8/52, Wisconsin Historical Society, Madison, Wisconsin, Archives and Special Collections.

²²⁷ Jay Martin “The Education of John Dewey. A Biography.” Columbia University Press, New York, 2002. - P.488.

²²⁸ Там же.

Заключение

В работе Артура Дж. Вирта «Джон Дьюи как педагог»²²⁹ американского ученого называют самой противоречивой фигурой в американском образовании двадцатого века. Если в начале XX века его называли лидером в рамках критики традиционной школы, то шестьдесят лет спустя педагогические идеи, имеющие отношение к Дьюи, были подвергнуты жестокой критике. Причиной тому было то, что многие идеи Д. Дьюи были неверно истолкованы педагогами–прогрессивистами. Принципы активности и самостоятельности, индивидуального подхода и дифференциации обучения порой возводились в абсолют, что приводило к полному отрицанию сложившихся исторически методов обучения. Слишком ограничительно была усвоена природа проблемы, было забыто, что есть важные единицы знания, которые молодое поколение не сможет усвоить, если учебный план строится главным образом по принципу «случайного» обучения и не принимается во внимание тот факт, что приобретение знаний может само по себе стать непосредственно значимой целью.

К концу 1930-х годов на волне критики прогрессивизма, прагматизм Дьюи начал подвергаться нападкам как в США, так и в других странах. Карикатуры абсурдности, нелепости прогрессивного воспитания становились практически ежедневной пищей для читателей педагогических газет и журналов. Рисовались картины неуправляемых, испорченных детей, слонявшихся во время уроков без должного дела и занимающихся легкомысленными занятиями, в то время как учитель всячески потакал их капризам и прихотям. Прогрессивистов, а в их числе и Дьюи, обвинили во всех пороках общества – растущей преступности, насаждении неграмотности и др. По словам Э. Уэсли, «школы из ориентированных на ребенка стали превращаться в школы, ориентированные на критику». В горячей полемике, развернувшейся вокруг прогрессивизма, трудно было отличить вдумчивого критика от враждебного противника. Б. Боуд, Ф. Бонсер, У. Бэгли (глава «эссенциализма»), отстаивали систематичность в образовании, призывали отказаться от индивидуализма, ведущего к анархизму, требовали формировать социальный опыт ребенка. Все это нанесло поражение движению прогрессивизма, результатом чего стало подозрительное отношение к любым педагогическим инновациям. В 1944 году, уступая волне враждебности, Ассоциация

²²⁹ Arthur G. Wirth John Dewey as Educator. His Design for Work in Education (1894-1904), University Press of America. Lanham. New York –London, 1989 (322p.)

прогрессивного воспитания даже сменила название на Американское педагогическое товарищество.

Однако, несмотря на победу критиков, уже нельзя было заставить детей подчиниться силе, отменить законы учения, разрушить проекты, проблемы, восстановить ненавистную зубрежку, бесплодные упражнения, восстановить учителя ментора. Время ушло, возможность вернуть прошлое представлялась для американской школы нереальной. Завоевания педагогов-прогрессивистов вообще, а Дьюи, в частности, не могли быть так просто разрушены²³⁰.

После выхода в свет работы Д. Дьюи «Опыт и воспитание» (1938), по мнению некоторых педагогов, автор попытался отмежеваться как от всех пороков старой школы, которую реформатор называет традиционной, так и от прогрессивизма. Когда уже был накоплен достаточный опыт прогрессивных школ, в свете критики прогрессивизма Дьюи писал, что педагогам следовало бы думать скорее на языке воспитания, чем на языке каких-то «измов» о воспитании, даже таких «измов», как прогрессивизм. Д. Дьюи заявил, что «философия воспитания, претендующая на то, чтобы быть основанной на идее свободы, может стать такой же догматичной, как и традиционная педагогика, направленная против нее»²³¹.

Именно тогда и возникло замешательство: можно ли ассоциировать имя Д. Дьюи с движением прогрессивизма в педагогике?

Прогрессивизм верит в способность каждого индивида решать сложные мировые вопросы и быть активным участником в решении проблем, с которыми сталкивается общество. Дьюи также считает, что образование должно быть состыковано с индивидуальными возможностями каждого члена общества, в какой бы плоскости они не находились и развивать их настолько, чтобы каждый смог принять активное участие в принятии решений общественной значимости. Думается, все же, Д. Дьюи по праву считается «прогрессивным» педагогом в том смысле, что он твердо верил в прогресс, в действительный и в возможный. Дьюи верил, что наш мир – мир реальных выигрышей, реальных потерь, а следовательно, реального риска, но благодаря напряженной работе своего ума человек может улучшить самого себя. Рост, развитие, эволюция, прогресс, улучшение – вот что постоянно занимало и вдохновляло ученого.

Прав американский исследователь Лоуренс, защищая Дьюи, на которого посыпались удары за все ошибки прогрессивизма, что поскольку

²³⁰ см. Подробнее Е.Ю.Рогачева (пар.3) Педагогика прагматизма в теории и практике образования в США// Салимова О.И. и др. Очерки истории школы и педагогики за рубежом (с начала XX века до наших дней), ч.III : Эксперим.учеб. пособие. - М.:изд. АПН СССР, 1991, с.52-53. (всего 268 с.)

²³¹ Dewey J, Experience & Education, 1963, p.22 (92p.)

нет авторского права на звание «прогрессивный педагог», имеется возможность выставить авторитет выдающегося американского педагога в наиболее ужасающей педагогической крайности. Интерес Дьюи к прогрессивному воспитанию не больше, чем союзник, что касается общих целей. До той поры, пока прогрессивное воспитание отвергает статическую концепцию того, что достойно изучения, а также пока оно заинтересовано в продолжении процесса естественного «роста», акцентирует раннюю взаимосвязь ручного и умственного труда, защищает положение о том, что образование вне интереса не является образованием в истинном смысле слова, Джон Дьюи выступает его сторонником. Но как только то, что называли «прогрессивным воспитанием» провозглашало лозунг «руки прочь, пусть почки распускаются сами по себе», пыталось смешать воедино развлечение и воспитание или становилось догмой, Дьюи уже не подписывался под этим.

Очень значимо, что и сегодня идеи Джона Дьюи привлекают внимание исследователей самых разных стран, развиваются Лабораторные школы, по образцу его Чикагской Экспериментальной школы, существует Центр Изучения Дьюи (The Center for Dewey Studies) при Южно-Иллинойском университете в Карбондейле, созданный в 1961 году в США как «Дьюи–Проект». Собирая и издавая труды Джона Дьюи, Центр сумел стать ценной источниковой базой для исследования философско-педагогического наследия выдающегося мыслителя XX века. Переводы Дьюи продолжают осуществляться каждый год, однако до сих пор наиболее важной библиографией его переводов считается та, что была составлена в период с 1900 по 1967 годы Джо Эн Бойдстон и Робертом Л. Андерсеном в Центре Исследований Дьюи в Южно-Иллинойском университете²³². Любопытно, что если проследить в хронологическом порядке, то две были опубликованы уже в 1900 году – работа Дьюи «Очерки критической теории этики» («*Outlines of a Critical Theory of Ethics*») на японском языке и «Школа и общество» («*School and Society*») на испанском языке. Всего 154 наименования сгруппированы под заголовками: 1. книги, статьи, памфлеты, монографии, собрания сочинений – 67 наименований; 2. работы, переведенные на английский, вначале опубликованные на другом языке – 4 наименования; 3. опубликованные работы, не переведенные на английский язык – 79 наименований. Всего переводы имеются на 35 языках.

²³² Boydston J.A. & Andersen R.L. , John Dewey: A Checklist of Translations, 1900-1967 Carbondale, Ill.: Southern Illinois University Press, 1969.

*Южно-Иллинойский университет, Карбондейл.
Центр изучения Дьюи, США -2003 г.*

В первое десятилетие своего существования этот Центр исследований Дьюи поддерживался главным образом Южно-Иллинойским университетом. С 1974 года благодаря Фонду Дьюи и двум частным спонсорам университетский проект стал получать огромную поддержку в своих исследованиях и издании трудов ученого. В 1961 году, спустя девять лет со дня смерти Дьюи, лишь некоторые из его крупных работ были напечатаны. Хотя его наследие, содержащее более тысячи работ по разнообразным отраслям науки и существовало, многие работы ученого были разбросаны в разных местах, несколько работ были напечатаны только на французском, испанском, японском и китайском, а оригинальные версии на английском языке были потеряны. Более того, каждый год с 1882 по 1953 год Дьюи публиковал от одного до 30 различных произведений, многие из которых появлялись в журналах, которые не всегда были в центре внимания читательской аудитории. Среди них многочисленные памфлеты, обзоры, письма в редакцию, статьи в энциклопедиях, а также лекции, которые никогда не перепечатывались и не собирались. Помимо того, что его работы касались полного спектра тем, начиная с проблем эстетики и архитектуры до утилитаризма и теории ценностей, отдельные из них обычно сочетали в себе различные акценты. Поскольку корпус работ Дьюи сложен и многогранен, Центру в Карбондейле пришлось очень долго искать многие наработки ученого. На протяжении 75 лет со дня публикации его первой работы в 1882 году (накануне 23-х летия Дьюи)

до появления в 1953 году одного из его многочисленных предисловий, введений и послесловий, произведения Дьюи появились в более чем 150 различных журналах, начиная с Философского журнала («Journal of Philosophy») и кончая журналом «Женский дом» («Ladies's Home Journal»). Его труды можно было найти во всех крупных и мелких газетах. Студенты Дьюи часто нанимали стенографов для записи его лекций, поэтому приходилось их расшифровывать. Публичные обращения американского мыслителя были представлены на многочисленных форумах, конференциях различных ассоциаций, профсоюзных собраний учительства. Всемирную известность получили августовские лекционные сессии Дьюи «Лекции Уильяма Джеймса» в Гарварде («Искусство как опыт»), «Опыт и природа» в Союзной Теологической семинарии (the Carus Lectures «Experience and Nature»), в Йельском университете (The Terry Lectures – «Common Faith»), в Эдинбургском университете (Gifford Lectures – «The Quest for Certainty»).

В 1991 году сотрудники Центра Дьюи завершили в Южно-Иллинойском университете Карбондейла монументальное 37 томное издание всех работ Дьюи (Собрание сочинений Джона Дьюи – «The Collected Works of John Dewey», 1882-1953), которое состояло из трех серий «Ранние труды» («The Early Works», 1899-1924, в пяти томах), «Труды среднего периода» («The Middle Works, 1899-1924, в пятнадцати томах), «Более поздние труды» («The Later Works», 1925-1953, в семнадцати томах). Как сообщил мне в приватной беседе в 1998 году Ларри Хикман – директор этого центра, издание Трудов Дьюи стало первым изданием его философских работ, одобренное Центром Ассоциации Современного Языка по Изданию Американских Авторы и Комитета по Научным Изданиям (the Modern Language Association Center for Editions of American Authors and the Committee on Scholarly Editions) и представляет собой самое полное издание.

Надо признать, что начиная с 1970-х годов, Центр установил модель для издания философских трудов. Так продуктами издательства стали «Труды Уильяма Джеймса в 18 томах (1975-88); «Произведения Чарльза С. Пирса» – соратников Дьюи по философии прагматизма, а также «Труды Джорджа Сантаяны». В 1973 и 1977 годах появились два издания «Списка работ о Джоне Дьюи» («A Checklist of Writings about John Dewey»). В 1979 году Центр сумел опубликовать «Стихотворения Джона Дьюи» («The Poems of John Dewey»), что позволило осмыслить ещё одну грань творчества великого мыслителя и человека.

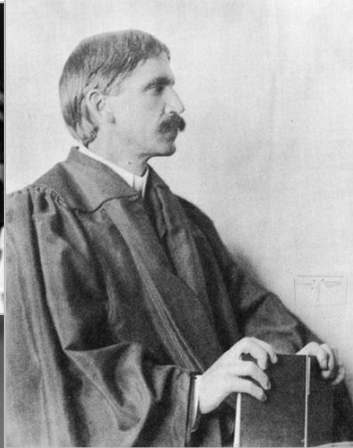
Педагогическое наследие Дьюи – человека XX века и масштабного ученого можно рассматривать сегодня как один из «голосов разума» в образовательной реформе начала нового тысячелетия. «Человек, каким предстал Дьюи, сумевший оказать столь значительное влияние на мно-

гочисленные аспекты культурной жизни, продолжает жить и после смерти в непрерывной драме трансляции культуры»²³³. Эти слова биографа Дьюи Джея Мартина остаются правомерными и сегодня. Ведь и в двадцать первом веке, который Дьюи не удалось увидеть, политики, социологи, ученые, философы, педагоги, журналисты все еще живо реагируют на многогранное наследие Дьюи. Его произведения и другие плоды деятельности продолжают служить предметом для изучения, последующей интерпретации и реинтерпретации. Ведь жизнь ученого такого масштаба и после его смерти предстает как важная часть жизни нашей мировой культуры.

²³³ Jay Martin. The Education of John Dewey. A Biography. 2002, p.491

John Dewey in Ann Arbor, circa 1885

Литература

1. James Campbel , Understanding John Dewey (1995); Laurel N.Tanner, Dewey's Laboratory School. Lessons for Today (1997);
2. Rogacheva, E...Dewey's Educational Experiment and its Relevance for Intending Teachers (1992).
3. Rogacheva E.The Educational Legacy of Pragmatism and Its Influence on Early Soviet Educational Reform (2000)//Educational Reform in National and International Perspectives: Past, Present and Future/ edited by Cheslav Majorek, Erwin Johanningmeier:Polish Akademy of Sciences Publishing House in Cracow, Cracow, 2000 – 312 p.
4. John P.Murphy, Pragmatism from Pierce to Davidson (Boulder, Colo.: Westview Press,1990).Intr.by Richard Rorty.
5. Л.Е.Павлова Реконструкция в философии.Проблемы человека.,пер.с англ., послесл.и примеч. Л.Е.Павловой .- Республика, 2003.- (Мыслители XX века) -494с.
6. Rorty R.Philosophy and The Mirror of Nature. Princeton.1980.p.XIII.
7. Rorty,R.(1982) Consequences of Pragmatism, Harvester Press: Brighton, XVII.
8. The Poems of John Dewey, ed/by Ann Boyston, Southern Illinois University Press, Carbondale &Edwardsville, cited from Lives in Education,1984.
9. Alan B. Spitzer. “John Dewey, the “Trial” of Leon Trotsky and the Search for Historical Truth”/ History and Theory, Volume 29, Issue 1(Feb., 1990) 16-37.
10. James T.Farrell. Dialogue on John Dewey,ed.Corliss Lamont (New York, 1959), p.69.
11. John Dewey, Logic: The Theory of Inquiry, New York: Henry Holt & Co. 1938, p.535.
12. Jay Martin The Education of John Dewey A Biography, Columbia University Press, 2002 – 562 p.
 1. S. Bentwich, Education in Israel(Philadelphia: Jewish Publication Society in America (1965), p.25.
 2. J.A.Boydston & R.L.Andersen, John Dewey: A Checklist of Translations, 1900-1967 (Carbondale, Ill.: Southern Illinois University Press, 1969
 3. A.Harry Passow. John Dewey's Influence on Education around the World. Columbia University,Teacher's College in Teacher's College Record. 83, 401-418.

4. Cristina Allemann-Ghionda. Dewey in Post-war Italy: The Case of Re-Education|| Studies in Philosophy and Education 19: 53-67, 2000. Kluwer Academic Publishers. Printed in the Netherlands.
5. Dewey J. On Education. Ed. By R.D. Archambault. The Univ. of Chicago Press. 1964 – 440p.
6. Dewey J. Essays in Experimental Logic. Chicago, Univ. Of Chicago Press 1917, p.p. 13-14.
7. Прагматический натурализм в американской философии. Составитель и автор введения проф. Пол Курти. – Пер. с англ. В.А. Кувакина, А. Митрофановой. Научная ред. и пред.-проф. В.А. Кувакина –М.:РГО, 2003 - 104 с.
8. Ryan, Alan John Dewey and the High Tide of American Liberalism (1995), p.369.
9. Special Collection of Regenstein Library, University of Chicago, President's Papers, Box 30; Laboratory School Records, Archives work reports 1898-1933.
10. William.B.Lauderdale, Progressive Education. Lessons from Three Schools. Diamond Jubilee Series. 1981. Phi Delta Kappa Educational Foundation Bloomington, Indiana, p.27.
11. Louis Menand The Methaphysical Club, Farrar, Straus and Girous. John Dewey to Alice Chipman. Dewey, July 9, 1894 , John Dewey's Papers, New York, 2001 -
12. John Dewey to Alice Chipman. Dewey, July 12, 1894, John Dewey's Papers in Philosophy of John Dewey, ed. Paul Arthur Schilpp and Lewis Edwin Hahn, 3d edition.(La Salle, Illinois: Open Court, 1989, p.24.
13. "100 Years at Hull-House"? edited by Mary Lynn, McCree Bryan and Alen F.Davis, Indiana University Press, 1990. -
14. Dewey J. My Pedagogical Creed. The Collected Works of John Dewey, 1897, pp.84-95.
15. Dewey, J. Art as Experience. New York, Perigree Books, 1934, p.9.
16. Dewey, J.(1900/1990). The School and Society and The Child and the Curriculum. Chicago. University of Chicago Press, pp.86, 87..
17. John Dewey to Alice Chipman. Dewey and Children, August 25-26, 1894, John Dewey's Papers
18. цит. по Комаровский Б.Б. Педагогика Дьюи. Ч.1 Философские предпосылки.- Баку, 1926. с.11
19. John Dewey, "The School As A Social Center", Proceedings of the National Education Association, 1902, p.375.

20. John Dewey, *The Theory of the Chicago Experiment*, (1936) the Later Works, 1929 –1953, ed.by Ann Boydston (Carbondale, Southern Illinois University Press, 1981-1990, vol.11, p.204
21. Smith, L.Glenn, *Lives in Education People and Ideas in the Development of Teaching*. Educational Studies Press,1984, Iowa State University - 380p.
22. Mayhew, Katherine Camp & Edwards Anna Camp, *The Dewey School, the Laboratory School of the University of Chicago,1896-1903 with introduction by John Dewey*, New York, London, D.Appleton – Century, 1936.
23. Laurel N.Tanner *Dewey’s Laboratory school. Lessons for Today*, Forward by Philip W.Jackson, Teacher’s College, Columbia University, New York and London, 1997
24. University President’s Papers. Box 30. The University of Chicago Special Collection, Regenstein Library,
25. Pedagogy Memorandum, December 1893 University President’s Papers (1889 –1923) Box 17, Folder 11 (3 pages)
26. D.Sidorsky, *John Dewey, The Essential Writings* (New York:Harpe &Row, 1977, p.vii.
27. W.W.Brickman, *John Dewey’s Foreign Reputation as an Educator*. *School and Society*.70 (October 22, 1949), p.258.
28. ¹ W.W.Brickman. *John Dewey’s Impressions of Soviet Russia and the Revolutionary World: Mexico- China- Turkey, 1929*, New York,Teacher’s College Press,1964, p.1.
29. *Dewey and European Education.General Problems and case studies*, ed. By Jurgen Oelkers and Hein Rhyn, reprinted from *Studies in Philosophy of Education*.Vol.19.Nov.1-2, 2000.Kluwer Academic Publishers,2000 - .
30. Westbrook,R. *John Dewey and American Democracy*, Ithaca, N.Y.:Cornell University Press, 1991,p.16
31. Wilson,D.J. *Science,Community, and the Transformation of American Philosophy, 1850-1830*. Chicago: University of Chicago Press, 1990.
32. Dewey, John.”From Absolutism to [Experimentalism](#)”(1930) In John Dewey:*The Later Works,1925- 1953, vol.5*, edited by Jo Ann Boydston, Carbondale:Southern Illinois University Press1984, p.154.
33. Dewey,John.*Logic:The Theory of Inquiry*(1938) In John Dewey. *The Later Works, 1925-1953, vol.12*, ed. By Jo Ann Boydston,Carbondale: Southern Illinois University Press, 1985,p.28.
34. Dewey, John.” From Absolutism to *Experimentalism*”(1930), in John Dewey:*The Later Works,1925-1953, vol.5*, tdition by Jo Ann Boydston, Carbondale:Southern Illinois University Press, 1984,p.28.

35. Dewey, J. My Pedagogical Creed (1897), In John Dewey, The Early Works, 1882-1898, vol.5, edited by Jo Ann Boydston, Carbondale: Southern Illinois University Press, 1972, pp.84-86)
36. Dewey, J. Experience & Nature. Chicago, 1925.
37. Юлина, Н.С. Философия Джона Дьюи и постмодернистский прагматизм Ричарда Рорти «Уход» и «приход» Дж. Дьюи на американскую сцену // Философский прагматизм Ричарда Рорти и Российский контекст, отв. ред. А. Рубцов. М.: Традиция, 1997, с. 175.
38. Hofstadter, R. Social Darwinism in American Thought, Boston, 1955.
39. Gert J.J. Biesta and Siebren Miedema. Dewey in Europe: A Case Study on the International Dimensions of the Turn –of-the-Century Educational Reform. In American Journal of Education, volume 105, No.1, November 1996, pp.1-26.
40. Cremin, L. An American Education: The Metropolitan Experience, 1876-1980, New York: Harper & Row, 1980, p.160-161.
41. Kliebard, H.M. The Struggle for the American Curriculum: 1893-1958, New York: Routledge & Kegan Paul, 1987, pp.40-41.
42. Dykhuizen, G. The Life and Mind of John Dewey, Carbondale: Southern Illinois University Press, 1973, p.92.
43. Kilpatrick, W. (1939) Dewey's Influence on Education in P.A. Phipp & L.E. Hahn (eds.) The Philosophy of John Dewey. LaSalle: Illinois, p.465.
44. Berding, J.W.A. "John Dewey, Francis Parker, and American Progressive Education" (1991), pp.228-242 qu. in Gert J.J. Biesta and Siebren Miedema Dewey in Europe: A Case Study on the International Dimension of the Turn- of- the- Century Reform in American Journal of Education. Volume 105, No.1 November 1996, p.8.
45. Dewey, John. Interest in Relation to the Training of the Will (1899) In John Dewey The Early Works, 1882-1898, vol.5 edited by Jo Ann Boydston, Carbondale: Southern Illinois University Press, 1972, p.113-150.
46. Dewey, J. The School and Society (1899) / In John Dewey: The Middle Works. 1899-1924, vol.1, edited by Jo Ann Boydston. Carbondale: Southern Illinois University Press. 1976, p.81.
47. Berding, J.W.A. " John Dewey, Francis Parker and American Progressive education ". Tijdschrift voor Onderwijswetenschappen 21 (1991): 228-42 ,discussed at the First European Invitational Conference on Pragmatism and Pedagogy, Oegstgeest, The Netherlands, December, 1993

48. Kilpatric, W. (1939) Dewey's Influence on Education. In P.A. Shipp & L.E. Hahn (eds.) *The Philosophy of John Dewey*. LaSalle: Illinois, pp.452-453.
49. Westbrook, R. *John Dewey and American Democracy*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1991, p.96.
50. Fraley, A.E. *Schooling and Innovation: The Rhetoric and the Reality*. New York: Tyler-Gibson, 1981, p.45.
51. Dewey, J. *Pedagogy Memorandum* (in President's Papers. 1889-1923) 1894, 3p. Box 17. Folder 11. Special Collection Research Center of the University of Chicago, Regenstein Library.
52. Dewey to Alice Dewey, November 1, 1894; quoted in Westbrook, R. *John Dewey and American Democracy*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1991, p.95.
53. Dukhuizen, G. *The Life and Mind of John Dewey*. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1973, p.79.
54. Gert J.J. Biesta and Siebren Miedema *Dewey in Europe: A Case Study on the International Dimension of the Turn-of-the Century Educational Reform in America* *Journal of Education*, Volume 105, N.1 November 1996, p.18
55. Ann Boydston (ed.) *Essays on Politics & Society (1923-1924) in The Middle Works of John Dewey (1899-1924)*, volume 15, Southern Illinois University Press, 1988.
56. Dewey, John. "Foreign Schools in Turkey" (1924), in *John Dewey: The Middle Works, 1899-1924*, vol. 15, edited by Jo Ann Boydston, Carbondale: Southern Illinois University Press, 1983, p.275.
57. Комаровский Б.Б. Педагогика Дьюи. Гл.1. Философские предпосылки. Баку, 1926.
58. Бернштейн, М.С. По педагогической Америке., М., 1930.
59. Луначарский А.В. О воспитании и образовании. М., 1976. С. 470.
60. Малинин В.И. Джон Дьюи в оценке прогрессивной русской педагогики// *Советская педагогика*. 1976. №6. С.119.
61. W.W. Brickman, "Soviet Attitudes toward John Dewey as an Educator", in *John Dewey and the World View*, ed. D.E. Lawson and A.E. Lean, Carbondale, Ill.: Southern Illinois University Press, 1964, p.137.
62. Dewey, J. *Froebel's Educational Principles*. *Elementary Record*, no.1, February 1990.
63. Dewey J. *Impressions of Soviet Russia and Revolutionary World: Mexico-China-Turkey*. New Republic, INC: New York, 1929. P. 64.
64. ¹ W.W. Brickman, "Soviet Attitudes toward John Dewey as an Educator", 1964, p.68.

65. ¹ Дьюи Дж. Введение в философию воспитания (Democracy and Education : An Introduction to the philosophy of Education), предисловие С.Т.Шацкого, М.: Работник просвещения, 1921, с 5.
66. ¹ Бернштейн М.С. По педагогической Америке. М., 1930 .С. 4.
67. ¹ Blonsky, P.P. Die Arbeitsschule. Schoningh, Paderborn, 1973. P.138
68. ¹ Блонский, П.П. Новые программы ГУСа и учителя, М.: Работник Просвещения, 1925, с.4.
69. ¹ Дьюи Дж. и Дьюи Э. Школы будущего, пер. с англ.Р.Ланберг, М.: Работник Просвещения, 1922.
70. Г.Ю.Максимова «Константин Вентцель (1857-1947) – Джон Дьюи (1859-1952): параллели и пересечения биографий и творчества//Образование накануне XX! Века:традиции и перспективы. Сб.научных трудовЮ-Владимир:изд-во ВГПУ,1999, с.13.
71. F.A.Fradkin The Banning of American Methods of Education in Soviet Russia|East |West Education, translated and edited by Larry E.Holmes, Fall 1995 ,pp.7 –22.
72. Dewey J. How we think: a restatement of the relationship of reflecting thinking to the educative process. The later works of John Dewey (vol. 8). Carbondale: Southern Illinois University Press, 1933. P. 105-352.
73. V.N.Kobayashi, “John Dewey in Japanese Educational Thought” (Ann Arbor, Mich.: The University of Michigan School of Education, 1964)
74. Collected Lectures of Professor Naruse, Tokyo, 1940. Vol.6. P. 2.
75. Dr. Dewey’s Lecture. N.505 (Feb.28, 1919) // Letters from China & Japan. ed. Evelyn Dewey, New York, 1920. P. 2 - 12.
76. A.Harry Passow,“John Dewey’s Influence on Education around the World”, Columbia University, Teacher’s College Record (1982), 83, p.415 (pp. 401-418)
77. Н.Е.Боревская О восприятии идей мировой педагогики в Китае, Советская педагогика,1991, №9. с.128.
78. Moises Saenz ” The Program of the Mexican Government” in Some Mexican Problems.Lectures of the Harris Foundation 1926(Chicago University of Chicago Press, 1926.p.78.
79. Jay Martin. The Education of John Dewey. A Biography, Columbia University Press, New York, 2002 p. 408
80. Юлина Н. Философия Д. Дьюи и постмодернистский прагматизм Р.Рорти. Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст. М.: Традиция. 1997.С.172
81. Рогачева Е.Ю. Восприятие Другого: Педагогика Д. Дьюи в контексте различных культур // Нация как нация: опыт

- русской и американской культуры (Материалы IV летней фулбрайтовской Гуманитарной Школы в МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2002. С. 147.
82. Jackson P.W. Introduction / J. Dewey *The School and Society. The Child and the Curriculum*. The University of Chicago Press: Chicago and London, 1990. P. xxxiii-xxxix.
 83. Рогачева Е.Ю. Джон Дьюи: от юбилея к юбилею/ Историко-педагогический процесс: развитие теории и практики образования в контексте социокультурной эволюции общества: в 2 т. Т.1 Общие вопросы. История зарубежной педагогики/под ред. Г.Б.Корнетова. – М., АСОУ, 2009. – 1 п.л. (Серия «Историко-педагогическое знание» Выпуск 24. Глава 10
 84. Рогачева Е.Ю. Идеи Дж.Дьюи в философско-педагогическом дискурсе Франции /Педагогическое наследие человечества Всеобщая история образования и педагогической мысли Монография в 2х томах т.1 глава 11 под ред. Г.Б.Корнетова, М.Асоу. 2013 г. Сер. Историко-педагогическое знание. Вып.70 ISBN 978-5-91543-106-4 с.180-193
 85. Рогачева Е.Ю. Инновационные образовательные проекты Джона Дьюи и Фрэнсиса Паркера [Текст] / Е.Ю.Рогачева., С.С.Сирко . Историко-педагогический процесс: развитие теории и практики образования в контексте социокультурной эволюции общества: в 2 т. Т.1 Общие вопросы. История зарубежной педагогики/под ред. Г.Б.Корнетова. – М., АСОУ, 2009., гл 11 -, 2 п.л.;
 86. Рогачева, Е.Ю. Педагогические проекты Карлтона Уосли Уошберна [Текст] / Е.Ю.Рогачева, Д.Е.Чекушева /Постижение педагогической культуры человечества в 2х томахТ.1. Общие вопросы. Зарубежный педагогический опыт / под ред. Г.Б.Корнетова.- АСОУ, 2010. - сс. 167-182. ISBN 978-5-91543-026-5.
 87. Рогачева, Е.Ю. Педагогика Джона Дьюи в XX веке: кросс-культурный контекст [Текст] / Е.Ю.Рогачева. – Владимир, 2005. - 333 с. ISBN 5-87846-461-6.
 88. Рогачева, Е.Ю. Педагогика Джона Дьюи в кросс-культурном диалоге [Текст] / Е.Ю. Рогачева // Культура взаимопонимания и взаимопонимание культур: коллективная монография. Т.1. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. - С. 158-171. ISBN 5-9273-0521-1.
 1. Rogacheva Y. "International Dimension of John Dewey's Pedagogy: Lessons for Tomorrow", *Phenomenology/Ontopoiesis/ Retrieving Geo-Cosmic Horizons of Antiquity. Logos and Life. Analecta Husserliana*, edited by pr/ Anna Teresa Tymieniecka The world Institute for

Advanced Phenomenological Research and Learning. Dodrecht, Heidelberg, London, New York, 2011 pp.. 147-171.

2. Рогачева Е.Ю. Воспитание детей в семье Дж. Дьюи. История педагогики сегодня: Материалы Первого национального форума российских историков педагогики. Москва 25 апреля 2013 г. под ред. Г.Б.Корнетова,-М.-АСОУ, 2013 г всего 344 с. с.83-98
3. Рогачева Е.Ю. Джон Дьюи и образовательная реформа в стране Советов/ Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия- сборник материалов конференции 15-16 ноября 2012 г. Владимир – 1 п.л.Владимир, 2013 с. 110-122.
4. Рогачева Е.Ю.Педагогическая практика как инструмент подготовки учителя-исследователя: опыт США и Великобритании. Производственные практики, государственная аттестация, трудоустройство в высшей школе: организация, проблемы и решения . Материалы всероссийской научно-практической конференции на базе ВлГУ в сотрудничестве с Администрацией Владимирской области, торгово-промышленной палаты Владимирской области. 4-5 февраля 2014 г., Владимир, Издат-во ВлГУ, 2014 г. с.269-274 (всего 384 с.) ISBN -978-5-9984-04924
5. Е.Ю.Рогачева Взгляд Дж.Дьюи на содержание теоретических курсов психолого-педагогического блока в подготовке учителя /Подготовка педагогических кадров: история, теория, практика: сб. научных трудов и методических материалов/под ред . Г.Б. Корнетова, А.И.Салова.-М.:АСОУ, 2013.-183. СС.32-39.
6. Рогачева, Е.Ю. Воспитание детей в семье Дж. Дьюи / Е.Ю. Рогачева // Историко-педагогический журнал - 2013. - № 2. - С.81-97. (РИНЦ)
17. Рогачева Е.Ю. Историко-педагогическое знание как важный элемент подготовки учителя-исследователя с позиции Джона Дьюи// Модернизационные процессы в российском и зарубежном образовании XVIII- начала XXI века. Сб. научных трудов. Под ред. М.В.Богуславского и др. СПб., 2014.С.428-435
19. Рогачева Е.Ю.Восприятие идей Джона Дьюи в Стране восходящего солнца/ Психолого-педагогический поиск. Научно-методический журнал. Рязанский государственный университет имени С.А.Есенина Изд. с января 2004 г.2013 №4(28) 2013.ISSN 2075-3500. С. 134- 146. Тираж 300 экз.

20. Рогачева Е.Ю."Нереализованная мечта Джона Дьюи" // электронный журнал научно-информационный журнал РАО Учредитель – Научная Библиотека им. К.Д.Ушинского"Проблемы современного образования" № 2-2013. С.72-81(РИНЦ)
21. Рогачева Е.Ю.Педагогика активности Джона Дьюи в Мексике./Между прошлым и будущим; теория и история педагогики XXI векаМатериалы международной заочной научно-практической конференции, посв. Памяти доктора педагогических наук, профессора, члена-корреспондента РАО Ф.А.Фрадкина Владимир 2014 г. С.-126-139
22. Рогачева Е.Ю. Последние труды Джона Дьюи – реформатора XX века/Психолого-педагогический поиск. Научно-методический журнал. Изд. с января 2004 г. **2012**№4(24) ISSN 2075-3500. С.72-83 тираж- - 300 экз.
23. Рогачева Е.Ю.Гостевые лекции Джона Дьюи в Шотландии: их влияние на британскую систему образования»/Историко-Педагогический журнал, Научное издание ГОУВПО «Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия», № 2, Нижний Тагил, 2011. –с. 59-66 – 1 п.л.
24. Рогачева Е.Ю. Джон Дьюи – защитник демократии и академической свободы в образовании/Историко-педагогический ежегодник. 2011 год/ Гл.ред Г.Б.Корнетов.- АСОУ, 2011(Серия «Историко-педагогическое знание». Вып.39) СС.236-248. - ISBN 978-5-91543-043-2-
25. Рогачева, Е.Ю. Интерпретация педагогики Джона Дьюи в Китае/ Образование во времени и пространстве: сб.науч. статей по материалам Международной научно-практической конференции «УП Серебряковские чтения», посв. 100 летнему юбилею П.А.Серебрякова /сост.и научн. ред. профессор, д.п.н. С.Г.Новиков.- Волгоград: изд-во ООО«Мириа», 2009.- С.81-91 (1 п.л.);
26. Е.Ю.Рогачева Из истории американского университетского образования: «Метафизический клуб» университета Джона Хапкинса и его активные участники // Ценности и смыслы отечественной педагогики в современном образовательном и социокультурном контексте / Материалы Всерос. науч. конференции, посвящённой 85-летию доктора пед. наук., профессора А.В. Плеханова. Владимир: ВлГУ, 2011 – с. 190-204 (Статья)
27. Рогачева Е.Ю. "Новые люди для новой эры": вклад Джона Дьюи в реализацию идеала "нового человека"// Одиссей. Человек в истории. 2010/2011. М., Наука. 2012. С.106-117.

28. Рогачева Е.Ю.«Тема искусства в творческом наследии Джона Дьюи», Историко-педагогический альманах ВЛАДИ (Научно-образовательный журнал №1-2(6-7)/ Владимир,2011.- СС 149-164.- 1,5 п.л.тираж- 1000 экз.
29. Рогачева Е.Ю. Юбилей великих. », Историко-педагогический альманах ВЛАДИ (Научно-образовательный журнал №3-4(8-9)/ Владимир, 2011.- СС 29-40.- 1п.л.тираж- 1000 экз.
30. Рогачева Е.Ю. «Папины дочки»: образование Эвелин, Люси и Джейн Дьюи// Учитель в инновационном образовательном пространстве: историческая ретроспектива и прогностическая перспектива. Материалы международной заочной научно-практической конференции (г. Владимир, 1 декабря- 31 декабря 2010 год). – Владимир: ВГГУ, 2011.-сс.163-175.- ISBN 978-87846-747-6
31. Рогачева, Е.Ю. Проблемы поликультурного образования в тематическом поле Дж.Дьюи» / Развитие основных направлений педагогической науки XX века. Материалы XXVI сессии Научного Совета по проблемам истории образования и педагогической науки. ч.2 М.; ИТИП РАО –Тверь: Научная книга.2009.сс.9-14.
32. Рогачева, Е.Ю. Джон Дьюи и сыновья: от истории идей к истории людей / Историко-педагогический альманах Влади. Научно-образовательный журнал, 2010- №1(2).- сс.44-57.
33. Рогачева, Е.Ю.Международные образовательные миссии Джона Дьюи / Историко-педагогический альманах Влади. Научно-образовательный журнал, 2009- №1(6) сс.98-109
34. Рогачева, Е.Ю. Восприятие философии образования Джона Дьюи в странах Латинской Америки [Текст] / Е.Ю.Рогачева // Феноменологические исследования. Обзор философских идей и тенденций. Российско-американский ежегодник. Владимир – Nanover, 2004. - №5. - С. 140 – 159.
35. Рогачева, Е.Ю. Идея школы как социального центра в педагогической системе Джона Дьюи и движение селтльментов в США и России в начале XX века [Текст] / Е.Ю. Рогачева // Образование накануне XXI века: традиции и перспективы: сб. науч. тр. – Владимир: ВГПУ, 1999. - С. 51-63. ISBN 5-87846-030-0.
36. Рогачева, Е.Ю. Музейная педагогика и художественное образование в проблемном поле американских ученых-прогрессивистов Джона Дьюи и Джейн Адамс [Текст] / Е.Ю.Рогачева // Художественно-эстетическое образование и проблемы современной культуры: материалы III Международной научно-практической конференции. – Владимир, 2005. – С. 67-77. ISBN 5-87846-460-8.

37. Рогачева, Е.Ю. Педагогика Джона Дьюи в контекстах разных культур [Текст] / Е.Ю. Рогачева // Педагогика. – 2003. -№ 8. – С. 88-96. ISSN 0869-561X.
38. Рогачева, Е.Ю. Педагогика Джона Дьюи в кросс-культурном диалоге: европейский контекст [Текст] / Е.Ю. Рогачева // Антропологическое измерение глобализационных процессов: материалы Международной научной конференции «Философско-антропологическая аналитика бытия человека в глобальном мире». – Владимир: ВГПУ, 2003. – С. 125-132. ISBN 5-87846-384-9.
39. Рогачева, Е.Ю. Педагогика Д. Дьюи в поликультурном контексте [Текст] / Е.Ю. Рогачева // Историко-педагогическое знание в начале третьего тысячелетия: итоги, проблемы, перспективы: материалы всероссийской научной конференции 5-6 декабря 2005 г. / отв. ред. Г.Б. Корнетов. – М., Тверь: АСОУ: Золотая буква, 2005. - С. 161-164. ISBN 5-89500712-1.
40. Рогачева, Е.Ю. Педагогика Джона Дьюи как инструмент модернизации образования в странах Латинской Америки [Текст] / Е.Ю. Рогачева // Вестник Российского Университета Дружбы Народов, серия Психология и Педагогика, 2006, №2(4) –С.146-156. ISSN 0869-8732.
41. Рогачева, Е.Ю. Педагогический эксперимент Дж. Дьюи и его значение для будущих учителей (статья) История педагогики как учебный предмет. Международное исследование. Москва: Российская Академия Образования. 1995. 1 п.л.
42. Рогачева, Е.Ю. Педагогическое творчество Джона Дьюи в чикагский период [Текст] / Е.Ю.Рогачева // Педагогика. - 2004. - №5. - С. 90-97.
- 43.Рогачева, Е.Ю. Подходы к социализации в зарубежной педагогике [Текст] / Е.Ю. Рогачева // Социализация личности: опыт советского периода и современные тенденции. - М., 1993. - С. 134-143.
- 44..Рогачева, Е.Ю. Понятие «опыт» у Э.Гуссерля и Д. Дьюи: комплементарность интерпретаций [Текст] / Е.Ю. Рогачева, Е.А. Плеханов // Феноменологические исследования. Обзор философских идей и тенденций. - Владимир – Hanover. 2004. - № 5. - С. 13 –26.
45. Рогачева, Е.Ю. Проникновение идей Дж.Дьюи в Мексику [Текст] / Е.Ю. Рогачева // Педагогика. – 2006.-№ 3.- С.88-92. ISSN 0869-561X.0,25 п.л.
46. Рогачева, Е.Ю. Прочтение педагогики Джона Дьюи в XX веке в России и Германии [Текст] / Е.Ю. Рогачева // Вестник

- ВГПУ. - Вып. 9. - Владимир: Нерль, 2004. - С. 198-203.
47. Рогачева, Е.Ю. Реконструкция педагогического наследия Джона Дьюи в России [Текст] / Е.Ю. Рогачева // Национальные лики педагогических универсалий. Проблемы теории и истории русской педагогики: сб. научн. статей. - Владимир, 2005. - С. 240-254. ISBN 5-87846-469-1.
48. Рогачева, Е.Ю. Реформаторская деятельность Джона Дьюи в контексте университетского педагогического образования и ее современное значение [Текст] / Е.Ю. Рогачева // Дидактика XXI века: связь традиций и инноваций: материалы педагогических чтений памяти И.Я. Лернера. Ч. 3 Актуальные проблемы педагогического образования XXI века. – Владимир: ВОИУУ, 2004. – С. 46-50. ISBN 5-85624-071-5.
49. Рогачева, Е.Ю. Чикагский период Джона Дьюи: жизненные и педагогические находки и потери [Текст] / Е.Ю. Рогачева // Актуальные проблемы истории педагогики: от диалогизма историко-педагогического познания – к диалогизму современного педагогического процесса: сб. статей международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию доктора пед. наук, профессора, члена-корреспондента РАО Ф.А. Фрадкина 2-3 февраля 2004 г. – Владимир, 2004. - С. 144-156. ISBN 5-87846-413-6.
50. Rogatcheva, E. J. Dewey's Educational Experiment and Its Relevance for Intending Teachers [Text] / E. J. Rogatcheva // Vitae Scholasticae, The Bulletin of Educational Biography; ed. Glenn Smith. - Northern Illinois University, USA, 1992. - 11 (1-2). - P. 313-323. ISBN 5-87414-011-5.
51. Rogatcheva, E. Russian Education in Search of Democracy: The Relevance of John Dewey's Model of the School in East (статья) West Education. A Journal of the Social and Cultural History of Education in Russia, other former Soviet States and Eastern Europe. Vol. 15. Spring. 1994. No.1. pp. 49-62. 1,5 п.л.
7. Рогачева Е.Ю. Восприятие идей Джона Дьюи в Стране восходящего солнца/ Психолого-педагогический поиск. Научно-методический журнал. Рязанский государственный университет имени С.А.Есенина Изд. с января 2004 г. 2013 №4(28) 2013. ISSN 2075-3500. С. 134- 146. Тираж 300 экз. - в списке рецензируемых журналов
8. Рогачева Е.Ю. Идеи Дж.Дьюи в философско-педагогическом дискурсе Франции / Педагогическое наследие человечества

Всеобщая история образования и педагогической мысли
Монография в 2х томах т.1 глава 11 под ред. Г.Б.Корнетова,
М.Асоу. 2013 г.Сер. Историко-педагогическое знание. Вып.70 ISBN
978-5-91543-106-4 с.180-193

9. Рогачева Е.Ю. Воспитание детей в семье Дж. Дьюи. История педагогики сегодня: Материалы Первого национального форума российских историков педагогики. Москва 25 апреля 2013 г. под ред. Г.Б.Корнетова,-М.-АСОУ, 2013 г всего 344 с. с.83-98

Рогачева Е.Ю.«Педагогические инновации прогрессивного толка в американской школе и системе подготовки учителя в конце Х IX первой трети ХХ вв. «Педагогическая инноватика ХХ века: монография / [Л. И. Богомолова и др.] ; отв. ред. С.И. Дорошенко ; Мин-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. Госуд. Бюджетное образов. учр. высш. проф. Образования «Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых». – Владимир : ВИТ-принт, 2014. – 368 с. (с.257-301)

Рогачева Е.Ю. «Образование как реконструкция опыта»: годы учебы Джона Дьюи в школе и университете /Историко-педагогический процесс в эволюции человеческого общества: монография/ под ред. Г.Б.Корнетова.М.:АСОУ, 2014.-Серия «Историко-педагогическое знание».Вып.82) с.164-178.ISBN 978-5-91543-136-1

Рогачева Е.Ю. Идеи Джона Дьюи в дошкольном образовании Великобритании и Нидерландов/Инновационные процессы в теории и практике дошкольного образования. Сборник научных трудов участников III Международной научно-практической конференции, посвящённой 20 летию кафедры дошкольного образования факультета дошкольного и начального образования и 95 летия Педагогического института ВлГУ. Январь 2014г. Владимир, Россия с.131-135 ISBN 978-5-9984-0531-0.(0,5 п.л.)

Немного об авторе

Е.Ю. Рогачева –доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. а Почетный работник Высшего Профессионального образования, член-корреспондент Международной Академии Наук Педагогического образования (с 2000 года). Специализируется в области философии и истории образования, сравнительной педагогики, педагогической инноватики, интересуется феноменологической педагогикой.

Е.Ю.Рогачева сотрудник Русского Центра феноменологии образования и эстетики, соредатор журнала «Феноменологические исследования» Владимир-Бельмонт США (с 1995 года). Она успешно руководит Лабораторией сравнительных педагогических исследований при ВлГУ с 2009 года, плодотворно занимается научной работой, выступала в качестве гостевого лектора в различных университетах Европы и США.

Член международной группы историков педагогики при Постоянно Действующей Международной Конференции Историков Педагогики (ISCHE) , участник международных конгрессов и конференций в Дании (Королевская школа педагогических исследований, университет

Копенгагена в 1993,1999), Норвегии (Академия дошкольного воспитания и университет Осло -1992), Лондоне (Лондонская политехническая школа, а ныне Университет Гринвича, а также Ливерпульский университет- 1991 г.), в США (Государственный Иллинойский университет-1998, 2003 г.), в Пуэрто-Рико (2006 г.), в Гданьске (2007), в Берлине (университет Гумбольдта -2008г.). Она участвовала в международном форуме по «Педагогике межнационального общения» в Белфасте (Северная Ирландия, 2009), представила доклад-презентацию на конференцию Европейской Ассоциации Чтения в Монсе (Бельгия, 2011) и Швеции (2013г.). Е.Ю.Рогачева –обладатель гранта научного общества Нидерландов (1993), Демократического Фонда (Дания, 1991,1993), Программы «Межрегиональные исследования в общественных науках», поддержанных институтом Кеннана (США) 2002г), Корпорацией Карнеги (Чикагский университет, 2003г.)

Е.Ю.Рогачева автор свыше 200 публикаций, из них около 40 на иностранных языках в отечественных и зарубежных изданиях «Педагогика» (2003, 2004), «Полигнозис» (2002); *Analecta Husserliana*, *Norsk Pedagogisk tidsskrift* (Журнал «Педагогика Норвегии», 1998), *Barnehage Folk*, *East-West Education* (Образование Восток-Запад, США, 1995 г.), *АТЕЕ Cahiers* (1996, Брюссель), *Educacio i Historia. Revista d'història de l'educacio*, Барселона, 1997-1998) и др.

Подписано в печать: 2015 г.
Формат 60x90/16 Усл. печ. л. –

Бумага офсетная

Заказ №

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в ФКУ «ЦКиСО УМВД России по Владимирской области»
600020, г. Владимир, ул. Б.Нижегородская, 88–Д

Или

Подписано в печать Формат 60x84/16 Усл. печ. л. –

Тиражэкз. Заказ №

ООО «ВИТ-принт»

600006, г.Владимир, ул.Б.Нижегородская, 27а